

*В. В. Иванов,
З. А. Потиха*

Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе

Пособие для учителя

Издание 2-е, переработанное

*Рекомендовано
Министерством просвещения РСФСР*

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1985

ББК 74.261.3
И20

Иванов В. В., Потиха З. А.

И20 Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе: Пособие для учителя.— 2-е изд., перераб.— М.: Просвещение, 1985.—160 с.

В книге дано краткое описание звукового и грамматического строя древнерусского языка в сопоставлении с современным русским языком. Это позволяет проследить историю фонетических, морфологических и синтаксических явлений, изучаемых в школьном курсе русского языка, разобраться в происхождении того или иного слова, обосновать его написание, понять логику исключений из орфографических правил и т. д. Во 2-м, переработанном издании уточнен и обновлен фактический материал, несколько изменена структура книги.

И $\frac{4306010000-398}{103(03)-85}$ 31—85

ББК 74.261.3
4Р(07)

© Издательство «Просвещение», 1978 г.

© Издательство «Просвещение», 1985 г., с изменениями

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Общеизвестно, что предметом школьного изучения является современный русский литературный язык, а история русского языка как специальная дисциплина в программу средней школы не входит. Однако также известно и то, что учителю-словеснику в школьной практике постоянно приходится сталкиваться с такими фактами современного русского языка, объяснение которых требует знания исторической грамматики.

Еще лингвисты и методисты XIX в. (Ф. И. Буслаев, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов и др.) настойчиво стремились связать преподавание русского языка в школе с его историей. Однако историзм как обязательный принцип преподавания получил всеобщее признание лишь в советской школе, со времени известного Постановления ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г., в котором предлагалось «значительно усилить элементы историзма в программах по обществоведению, по языку и литературе, географии, иллюстрируя основные разделы и темы этих дисциплин необходимым фактическим материалом, историческими экскурсами и сравнениями»¹.

Знание исторических процессов в развитии русского языка необходимо учителю-словеснику. Обучая школьников современным языковым нормам, учитель должен сам хорошо знать процесс их становления, историческую их обусловленность, а также тенденции в развитии современного языка. Без этих знаний немыслимо сознательное и успешное преподавание такого важного и трудного школьного предмета, каким является русский язык. Совершенно справедливо отмечал член-корр. АН СССР Ф. П. Филин: «Придавая первостепенное значение исследованиям современного русского языка, мы в то же время не должны расценивать изучение его истории как дело второстепенное. Историзм, основывающийся на марксистско-ленинском мировоззрении, — одна из важнейших особенностей советского языкознания. Без внимательного и всестороннего исследования прошлого нельзя правильно понять и предвидеть будущее... Чем больше знаний у учителя по истории русского языка, тем самостоятельнее его

¹ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сб. документов. 1917 — 1973 гг. М., 1974, с. 162

лингвистическое мышление, тем лучше он осмысливает строй современного языка»¹

Нет необходимости доказывать полезность для учащихся некоторых исторических экскурсов и сравнений при изучении языка. Такие экскурсии и сравнения помогут школьникам сознательно усваивать учебный материал и покажут им, что современные нормы языка являются результатом длительного процесса его развития и совершенствования.

Однако при отборе материала для исторического комментирования главное внимание должно быть уделено его практической направленности. При обучении современному русскому языку необходимо привлекать только такие исторические сведения, которые освещают процесс развития языка, объясняют внутреннюю логику и обусловленность существующих теперь лексических, грамматических и орфографических явлений. При этом в центре внимания учителя должен быть один из важнейших принципов дидактики — доступность, учет возрастных особенностей и уровня развития учащихся данного класса.

Естественно, что историческое освещение фактов русского языка в научной и в то же время доступной форме требует от учителя достаточно высокой подготовки. Задача настоящего пособия и заключается в том, чтобы дать учителю необходимую систему знаний по истории русского языка.

При подготовке к очередному занятию учителю необходимо продумать следующие вопросы:

1) Какие исторические явления в развитии русского языка связаны с темой данного урока и как увязывается материал школьного учебника с историческими сведениями?

2) Какие конкретные исторические экскурсии можно и нужно включить в урок с учетом возрастных особенностей и уровня развития учащихся данного класса?

3) Какие положения и выводы будут сообщены учащимся и что целесообразно рекомендовать для запоминания?

4) Какую воспитательную роль могут играть сообщенные учащимся исторические факты?

Можно привести некоторые примеры использования исторических экскурсов при изучении русского языка в школе.

Так, вполне доступна для учащихся IV класса история появления беглых *е* и *о*. Именно это языковое явление часто обуславливает изменение звуко-буквенного состава многих корней родственных слов (ср. *сон* — *сна*, *шел* — *шла*), суффиксов (ср. *бережок* — *бережка*, *паренек* — *паренька*, *замочек* — *замочка*). Только уяснив природу беглых *е* и *о*, учащиеся поймут внутреннюю логику правила о написании суффиксов *-ек* и *-ик* (*цветочек* — *цветочка*, но *ключик* — *ключика*): ведь есть беглые *е* и *о*, но нет беглого *и* в уменьшительных суффиксах существительных.

¹ Филин Ф. П. Изучение русского языка на современном этапе — Русская речь, 1976, № 1, с. 15.

Краткий экскурс в историю русских гласных позволит учащимся понять природу таких чередований, как *я(ня) — ил(ним) — ем(ём)* (типа *поднять — поднимать — подьем*), *я(а) — ии* (типа *замять — заминать, начать — начинать*); *я — ен* (типа *время — времени*), *я — у* (типа *трясти — трус*) и т. д.

Исторические справки могут явиться ценным средством создания на уроках проблемной ситуации. Так, например, в IV классе учащиеся узнали, что краткие прилагательные не склоняются, но изменяются по числам, а в единственном числе — еще и по родам; в предложении же они обычно выступают в качестве сказуемых. В VI классе учащимся стало известно, что краткие страдательные причастия, так же как и краткие прилагательные, изменяются по числам, а в единственном числе — еще и по родам и в предложении являются сказуемыми. Установить логическую связь между этими правилами, разделенными двумя годами обучения в школе, поможет следующая беседа.

Учитель. В чем сходство кратких страдательных причастий и кратких прилагательных?

Ученик. Краткие страдательные причастия, так же как и краткие прилагательные, не склоняются. В предложении и те и другие являются сказуемыми.

Учитель. Почему краткие прилагательные и причастия не склоняются?

Ученик. Они не склоняются потому, что являются сказуемыми, а сказуемые согласуются с подлежащими, которые всегда стоят в именительном падеже. Например: *Наша страна велика и могоуча; Рекорд достигнут.*

Учитель. Вы, ребята, как видно, обратили внимание на то, что в учебнике для IV класса о кратких прилагательных сказано, что они обычно являются сказуемыми. Почему «обычно»?

Безусловно, учащиеся сами не сумеют достаточно полно ответить на этот вопрос. И в этом случае учитель объяснит, что в прошлом краткие прилагательные могли быть не только сказуемыми, но и определениями. Это ясно видно на примере словосочетания *нов город* (новый город), от которого образовалось собственное название *Новгород*. В современном русском языке сохранились лишь отдельные фразеологические обороты, в которых краткие прилагательные раньше выступали в роли определения (даже в косвенных падежах): *среди бела дня, на босу ногу, добра молодца, красну девицу, отчего сыр-бор загорелся* (сырой бор). Вот почему в учебнике и сделана оговорка «обычно».

Исторические экскурсии помогают уяснению современных явлений и в произношении. Так, известно, что в современной орфографии буквой *е* может обозначаться как звук [e], так и звук [ʲo] после мягкого согласного (его можно было бы обозначить буквой *ё*), например *лес* и *нёс* [н'ос]. Звук [ʲo] вместо [e] произносится теперь в определенных словах и формах, но в современном

языке нет законов, которые помогли бы установить, когда надо произносить [’о], а когда [е]. Однако в прошлом действовал закон, согласно которому звук [е] определенного происхождения (см. § 21) изменялся в [’о] перед твердыми согласными. Этот закон в современном языке уже не действует, а произношение под ударением [е] или [о’] диктуется традицией.

История языка помогает объяснить некоторые явления в современном правописании. Например, известно, что шипящие [ш] и [ж] в древнерусском языке были мягкими согласными. Эта их особенность и сейчас еще отражается в нашей орфографии: мы пишем *жизнь, шило, рожь, несешь*, хотя произносим [ш] и [ж] твердо. Подобные написания называются историческими или традиционными; иными словами, мы продолжаем писать так, как писали в эпоху мягкости шипящих.

В связи со сказанным выше об изменении [е] в [’о] в истории русского языка и об исконной мягкости шипящих можно отметить одно любопытное явление в современном произношении. Дело заключается в том, что в древнерусском языке мягкими были не только [ш] и [ж], но также [ц], [ч] и [щ]¹. В истории языка [ш], [ж] и [ц] отвердели, а [ч], [щ] сохранили мягкость. В современном русском языке слова типа *несёшь, дешёво, грабёж, ёжик* произносятся с [’о] (ё) перед [ш] и [ж], следовательно, в период действия закона об изменении [е] в [’о] звуки [ж] и [ш] уже были твердыми, так как в противном случае (т. е. перед мягкими согласными) такого изменения быть не могло. С другой стороны, слова типа *отец, конец* свидетельствуют о том, что в период действия указанного закона согласный [ц] был еще мягким, так как в противном случае (т. е. перед твердым согласным) здесь осуществилось бы изменение [е] в [’о]. Вместе с тем на всем протяжении истории русского языка вплоть до настоящего времени сохранилась мягкость звуков [ч], [щ], что обусловило отсутствие изменения [е] в [’о] в словах типа *овечка, колечко, меч, лещ, клещ* и т. п.

§ 2. Характеристика тех исторических языковых процессов, которые отражены в современном русском языке и которым посвящена настоящая книга, не предусматривает строгой их хронологизации. Например, хронологически не разграничиваются чередования согласных и явления, связанные с упрощением групп согласных, несмотря на то, что по происхождению эти явления разновременные. Такой подход вполне оправдан, так как при изучении современного языка в школе нет необходимости последовательно излагать его историю. Задача заключается только в том, чтобы помочь учителю в доступной форме объяснить школьникам происхождение и природу того или иного современного языкового явления, аргументированно ответить на вопросы учащихся.

¹ Буква *щ* обозначает [ш’] — долгий мягкий звук [ш].

Ученики нередко встречаются с различными языковыми фактами, которые трудно объяснить материалами современного языка. Происхождение того или иного слова, обоснование его написания, объяснение логики некоторых грамматических правил и, наоборот, обоснование имеющих исключений из правил — все это требует обращения к истории языка.

В школьном учебнике отсутствуют исторические справки, так как он дает только обязательный для усвоения материал. Однако программа требует вдумчивого отношения к фактам языка. Объясняя то или иное языковое явление, учитель по возможности постарается раскрыть его закономерности, его взаимосвязь с другими языковыми процессами. Выявление закономерностей — одна из основных проблем любой науки.

Особенно наглядным материалом для исторического комментирования являются реликтовые формы и различные случаи отклонения от типичных форм современного языка.

Сведения по истории языка необходимы также и на уроках русской литературы в старших классах. При изучении художественного произведения, в котором встречаются грамматические или лексические архаизмы, учитель может указать на них учащимся. Подобная работа целесообразна в двух отношениях: во-первых, учащиеся обратят внимание на устаревшие слова и грамматические формы; этот прием противопоставления важен для овладения нормами грамматического строя и лексической системы современного языка; во-вторых, при изучении художественной литературы учащиеся встречаются со случаями использования архаизмов в различных стилистических функциях — от создания высокого, а иногда и граждански-патетического стиля (Радищев) до пародирования (Фонвизин, Достоевский).

§ 3. Историческое комментирование фактов современного русского языка требует использования ряда основных понятий, на которых строится историческое изучение языка и которые используются в настоящей книге. К этим понятиям относятся следующие.

Общеиндоевропейский язык-основа. Этот язык, прародитель современных индоевропейских языков, существовал в глубокой древности и распался за несколько тысячелетий до нашей эры. В результате его распада появились ветви индоевропейских языков и в конечном счете сформировались современные языки, относящиеся к индоевропейской языковой семье.

Праславянский язык. Он выделился из общеиндоевропейского языка-основы примерно пять тысяч лет тому назад и являлся средством общения единого славянского пранарода. В эпоху праславянского языка не было письменности, поэтому его структура реконструируется по данным сравнительно-исторического изучения разных славянских языков.

Праславянский язык является предком всех древних и современных славянских языков: восточных (русского, украинского,

белорусского), западных (польского с кашубским, чешского, словацкого, лужицкого) и южных (болгарского, сербскохорватского, словенского, македонского). Близость славянских языков между собой, объясняемая не только их родством по происхождению, но и относительно недавним временем распада праславянского языка, проявляется во всех сторонах их языковой структуры: в словарном составе, в словообразовании, в звуковом и грамматическом строе.

Общевосточнославянский (или древнерусский) язык. Это язык древних восточных славян, который примерно полторы тысячи лет тому назад выделился из праславянского языка. Древнерусским этот язык называют потому, что восточные славяне, создав самостоятельное государство — Киевскую Русь, образовали единую древнерусскую народность, из которой позднее, примерно в XIV—XV вв., выделяются русская (или великорусская), украинская и белорусская народности.

В истории русского языка условно различаются дописьменный (или доисторический) и исторический периоды. Так как первые памятники восточнославянской письменности относятся к XI в., в науке принято считать этот век водоразделом между дописьменным и историческим периодом развития языка.

Эти периоды различаются не тем, что на их рубеже возникли какие-то специфические языковые изменения, а тем, что есть различие в источниках, на которых строится изучение языка этих периодов. Основным источником для реконструкции языка восточных славян дописьменной эпохи (как и праславянского языка) являются данные сравнительно-исторического изучения славянских языков, т. е. данные, получаемые в результате сравнения родственных славянских языков в их историческом развитии. При изучении же языка исторического периода наука главным образом привлекает языковые факты, зафиксированные в древнейших памятниках письменности, а также в народных говорах.

Таким образом, русский язык в своем развитии прошел два основных периода: а) дописьменный (до XI в.), б) исторический (с XI в. до наших дней).

Общее развитие русского языка может быть представлено следующей таблицей:

I. Дописьменный (доисторический) период:

- 1) общиндоевропейский язык-основа (примерно до III тысячелетия до н. э.);
- 2) праславянский язык (примерно до V—VII вв. н. э.);
- 3) общевосточнославянский (древнерусский) язык (дописьменный период, до XI в. н. э.).

II. Исторический период:

- 1) общевосточнославянский (древнерусский) язык (письменный период, с XI до XIV в.);

2) язык великорусский (русской) народности (XV—XVI вв.);
3) формирование и развитие русского национального языка (XVII—начало XIX в.);

4) современный русский язык (от Пушкина до наших дней) в его литературной и диалектных формах.

Как известно, при изучении истории русского языка часто ссылаются на язык старославянский. Для того чтобы понять такие ссылки, надо знать, что старославянский язык — это самостоятельный книжный письменный язык, созданный на живой основе одного из южнославянских говоров. На старославянском языке ни один народ никогда не говорил, так как этот язык обслуживал только нужды церковного богослужения, но он был понятен всем древним славянам. Письменные памятники на этом языке принадлежали известным славянским просветителям Кириллу и Мефодию (IX в.), которые при помощи старославянского языка распространяли христианство, создавая различные богослужебные книги.

Языковой анализ старославянских памятников письменности имеет большое значение для изучения всех славянских языков, так как в этих памятниках зафиксированы наиболее древние славянские языковые особенности, отражены наиболее древние черты в звуковом и грамматическом строе славянских языков. Кроме того, необходимо учитывать длительное и плодотворное влияние старославянского языка на русский литературный язык.

Язык старославянских памятников, проникнув к восточным славянам, подвергся (прежде всего в фонетике и морфологии) воздействию со стороны древнерусского языка, в результате чего возникал восточнославянский извод старославянского языка, или церковнославянский язык. Этот язык характеризует древнерусские памятники, переписанные со старославянских оригиналов, и ряд собственных древнерусских сочинений.

Славянская письменность имела не одну, а две азбуки: глаголицу и кириллицу. Название *глаголица* происходит от славянского слова *глаголати* — «говорить». *Кириллица* была названа по имени одного из двух братьев — составителей первого славянского алфавита (Кирилла).

В Древней Руси были известны обе азбуки, однако практически употреблялась кириллица. Именно кириллицей написаны памятники, являющиеся важнейшими источниками истории древнерусского языка. Следует учесть, что буквы кирилловского алфавита обозначали не только звуки речи, но и числа. Лишь при Петре I вводятся арабские цифры для числового обозначения.

Приспосабливаясь к восточнославянской фонетической системе, кириллица постепенно на протяжении веков изменялась: уменьшалось количество букв, упрощалось их начертание. Так, из алфавита были устранены юсы (большой и малый), кси, пси, фита,

ижица, зело, ять Кроме того, были введены э, й, ё. Постепенно создавалась русская азбука (от названий начальных букв древнеславянского алфавита — аз, буки), или алфавит (от названий начальных букв греческой азбуки — альфа, вита), в котором в настоящее время насчитывается 33 буквы (из них 10 — служат для обозначения гласных, 21 — согласных и 2 знака — ъ и ѿ). Не все буквы одинаково употребительны. Так, очень немногие русские слова начинаются с а или э; для древнерусского языка эти буквы в начальной позиции также были не характерны.

Небезынтересно отметить, что большие буквы в кирилловском письме употреблялись только в начале абзаца. В этом случае большая прописная буква затейливо разрисовывалась. Недаром первая строка абзаца называлась *красной* (т. е. «красивой») строкой.

§ 4. Авторы настоящего пособия поставили перед собой задачу дать не отдельные разрозненные сведения из исторической грамматики, а описание целостной системы грамматического строя древнерусского языка в развитии и в сопоставлении с современным школьным курсом. Эта система в первую очередь нужна учителю. Объем и характер сообщаемых школьникам отдельных исторических сведений зависит от конкретных условий, уровня подготовленности и степени загруженности учащихся, эрудиции и опыта самого учителя. Так, часть материала при благоприятных условиях может быть дана учащимся при первичном изучении той или иной грамматической темы, а также на уроках русской литературы. Другую часть материала можно предложить при повторении уже усвоенной темы. Некоторые сведения из истории языка рекомендуется сообщить в старших классах.

В последнее время большое внимание уделяется проведению факультативов и кружковой работы в школе, где также могут быть раскрыты некоторые исторические факты языка. Особо следует подчеркнуть, что далеко не весь изложенный в настоящем пособии материал может быть предложен учащимся. Некоторые исторические сведения останутся на вооружении самого учителя, послужат расширению его лингвометодического кругозора.

Можно надеяться, что умеренное и рациональное привлечение фактов исторической фонетики, грамматики, лексикологии на уроках русского языка, а также на факультативных занятиях и в языковедческих кружках поможет учащимся улучшить орфографическую грамотность, более сознательно и прочно усвоить нормы современного русского языка, развить интерес к его глубокому изучению, лучше понять закономерности и пути его развития и совершенствования.

В. И. Ленин учил, что для правильного подхода к вопросам общественной науки самое важное — «...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения

этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Эти важные указания В. И. Ленина в полной мере применимы и к глубокому изучению языка как важнейшего общественного явления, так как при изучении общественных наук ко всякому вопросу «...можно солидно, с уверенностью подойти, лишь бросив исторический взгляд на все развитие его в целом»². Именно поэтому учитель-словесник, обучающий школьников современному русскому литературному языку, прививая им любовь к родной речи, должен сам достаточно хорошо знать и представлять себе развитие и структуру русского языка в целом, ее особенности и характер на том или ином историческом этапе этого развития. Если для учащихся полезно давать исторические справки о различных языковых явлениях, не поддающихся объяснению с точки зрения современных отношений в русском языке, то для учителя необходимо иметь исторический взгляд на всю структуру литературного языка. Рассказать учителю о развитии фонетической системы, морфологического и отчасти синтаксического строя русского языка на протяжении его многовековой истории — это одна из задач настоящей книги.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

² Там же, с. 68.

ФОНЕТИКА

§ 5. Звуковая система современного русского языка сложилась в результате длительного исторического развития и во многом отличается от звуковой системы древнерусского языка. В процессе развития языка одни звуки исчезли, а другие подверглись качественным изменениям.

Охарактеризуем звуковую систему древнерусского языка в сравнении ее с современной.

СТРОЕНИЕ СЛОГА

§ 6. В первую очередь необходимо рассмотреть закономерности, связанные со структурой слога.

Слова в древнерусском языке, как и в современном русском, делились на слоги. Однако, в отличие от современного, в древнерусском языке действовал закон открытого слога, согласно которому каждый слог в слове должен был оканчиваться на слогообразующий звук, т. е. в подавляющем большинстве случаев на гласный, например: *до/мѣ, бра/тѣ, съ/нѣ, ла/вѣ/ка, се/стра, не/сти, мо/згѣ, дѣ/нь* (следует обратить внимание на то, что *ѣ* и *ь* в древнерусском языке обозначали гласные звуки. Подробнее см. ниже, § 8, 10—20).

Если учесть, что гласные звуки являются наиболее звучными, то можно считать, что закон открытого слога требовал расположения звуков в слове по возрастающей звучности, т. е. слог начинался с наименее звучного и оканчивался наиболее звучным звуком. Следовательно, закон открытого слога означает, что в древнерусском языке слова не могли оканчиваться на согласные звуки, так как в этом случае конечный слог оказался бы закрытым.

Особый интерес представляют сочетания согласных внутри слова. В пределах одного слога звуки могли находиться рядом только в определенной последовательности: следует учитывать, что гласные более звучные, чем согласные, а среди согласных сонорные [р], [л], [н], [м] звучнее звонких, а звонкие звучнее глухих; поэтому при сочетании в слове согласные располагались от менее звучного к более звучному, а затем — к гласному звуку.

Например, *гра/мо/та, ве/сна, ка/зна* и т. п. Из примеров ясно видно, что слоги *гра-, -сна, -зна* начинаются менее звучными [г], [с], [з], далее идут более звучные сонорные [р], [н] и, наконец, гласный [а].

Следовательно, закон открытого слога ограничивал в словах возможные сочетания согласных.

В современном языке, как известно, этот закон утратил свою силу: слоги могут быть и открытыми, и закрытыми, т. е. оканчиваться и гласным, и согласным звуком. Вместе с тем определенная тенденция к открытости слога, к построению его по восходящей звучности сохранилась. Чтобы установить это, достаточно провести следующий эксперимент. Если просмотреть даже самый полный словарь русского языка, то можно убедиться, что там нет слов, начинающихся, например, такими сочетаниями звуков, как *нс, лс, рш* и др. (т. е. сонорный + глухой), тогда как слова с обратными звукосочетаниями *сн, сл, шр* (т. е. глухой + сонорный) вполне возможны.

§ 7. Второй особенностью слоговой структуры древнерусского языка была тенденция к объединению в пределах одного слога звуков однородной артикуляции: мягкие согласные сочетались только с гласными переднего ряда ([и], [е] и др.), а твердые — только с гласными непереднего ряда ([а], [о] и др.) Например, могло быть *кѣ/то* и *чѣ/то*, но сочетания *кѣ, чѣ* в древнерусском языке были невозможны. Если же в пределах одного слога оказывались звуки разнородной артикуляции (например, твердый согласный + гласный переднего ряда), то в этом случае возникали различного рода приспособления артикуляций гласного и согласного звуков (например, *нога* — твердый [г] + передний [а], но дат. пад. *на нозѣ* — мягкий [з'] + передний [ѣ]). Это явление называется законом слогового сингармонизма (от греч. *συν* — «вместе» и *ἁρμονία* — «созвучие, связь»).

Обе закономерности, характеризующие структуру слога, появились очень давно, еще в дописьменный период истории русского языка. В эпоху возникновения письменности они продолжали действовать.

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ

§ 8. В современном русском языке, как известно, основными гласными являются [а], [о], [е], [и], [ы], [у], которые обозначаются на письме соответствующими основными буквами. В русском алфавите, кроме того, есть еще 4 гласные буквы: *я, ю, е, ё*, которые могут обозначать или те же звуки, что и основные буквы, или сочетания двух звуков. Например, буква *я* обозначает либо звук [’а] после мягкого согласного: *ряд* [р’ад], либо сочетание [ја]: *яма* [јама].

Иная система гласных была в древнерусском языке. В нее

входили, во-первых, те же гласные, которые существуют и в современном языке; обозначались эти звуки соответствующими буквами, так же как и теперь. Не было только буквы э, и для обозначения этого звука использовалась буква е, имевшая такое же значение, что и в современном алфавите. Буква ю в древнерусской письменности тоже имела такое же значение, что и теперь, а букв я и ё тогда не существовало. Во-вторых, в древнерусском языке были 2 так называемых редуцированных¹ (т. е. кратких, ослабленных) звука [ъ] и [ь], обозначавшихся буквами ъ и ь, звук [ê] (т. е. закрытый, напряженный и более долгий звук [e]), обозначавшийся на письме буквой ѣ («ять»), а в древнейшую пору еще и 2 носовых (т. е. произносившихся с носовым призвуком) гласных — [о] носовое и [е] носовое, которые в кириллице обозначались соответственно буквами Ж (юс большой) и ж (юс малый).

§ 9. Итак, в древнерусском языке в эпоху перед возникновением письменности (X в.) было 11 гласных звуков, получавших соответствующие обозначения на письме. Все они делились на гласные полного образования (а, о, е, и, ы, у, ѣ, ж, ж) и неполного образования, или редуцированные (ь, ъ), которые произносились очень кратко. По характеру образования различались гласные переднего ряда (и, е, ѣ, ь, ж) и непереднего ряда (а, о, у, ы, ъ, ж).

Эта система может быть представлена следующей схемой:

Как образованы	Где образованы	
	Передний ряд	Непередний ряд
1. Полное образование: а) чистые б) носовые	и, е, ѣ ж	ы, а, о, у ж
2. Неполное образование (редуцированные)	ь	ъ

В отличие от древнерусского языка, современный русский язык имеет только гласные полного образования, которые также делятся на гласные переднего ряда (и, е) и непереднего ряда.

При изучении фонетики в IV классе учащиеся под руководством учителя могут провести над небольшим текстовым отрывком самостоятельные наблюдения, которые покажут, что в нашей речи значительно преобладают согласные. Так, в русском языке возможны сочетания четырех и даже пяти согласных (ср. *взгляд, встреча, бодрствовать*), а сочетания даже двух гласных в исконно русских словах почти не встречаются (ср. редкое сочетание *поаукаться*).

¹ От латинского слова *reductio* — «ослабляю, сокращаю».

В процессе исторического развития языка количество гласных сократилось почти вдвое; исчезли из языка два носовых (см. § 26), два редуцированных гласных (см. § 12—13), а один звук (ъ) полностью совпал с другим (см. § 21). Оставшиеся гласные вполне удовлетворяют потребности современного языка.

Рассмотрим характер и судьбу утраченных древнерусских гласных звуков.

Краткие гласные ъ, ь

§ 10. В современном русском письме употребляются два буквенных знака: ъ и ь, которые не служат для обозначения самостоятельных звуков. Твердый знак употребляется только как разделительный после приставок на согласный (ср.: *сели* — *сѣли*). Мягкий же знак используется: а) как разделительный во всех остальных случаях (например, *вьюга, соловьи, колья*), б) для обозначения мягкости согласного (например, *конь, кость, сельдь*), в) по традиции, как средство выражения какой-либо грамматической формы (например, *дочь, беречь, пишешь, режь, вскачь*).

§ 11. В древнерусском письме ъ обозначал краткий, ослабленный (редуцированный) звук, близкий к [o], а ь — такой же краткий, ослабленный звук, близкий к [e]; например, в памятниках древнерусской письменности находим написания вроде *сънъ* (сон), *днь* (день), *вълкъ* (волк), *крѣстъ* (крест), *брьвьно* (бревно) и т. д.

§ 12. Гласные звуки [ѣ] и [ь] в древнерусском языке, употребляясь в различных словоформах, могли находиться в сильных и слабых позициях (или положениях). В сильных позициях в определенный период истории языка (вероятно, в XII — начале XIII в.) [ѣ] изменился в [o], а [ь] — в [e]; в слабых же позициях [ѣ] и [ь] сократились до полного исчезновения.

Какие же позиции [ѣ] и [ь] были сильными? Сильными позициями [ѣ] и [ь] были: а) положение их под ударением (например, *дѣску, гѣлѣтъ*), б) положение их перед слогом с редуцированным [ѣ] или [ь] в слабой позиции (например, *отѣць, правдѣно*), в) сочетание с предшествующим или последующим [р] или [л] между согласными (например, *гърло, вѣлна, крѣвь, слѣза*). Остальные позиции были слабыми.

§ 13. В конце слова редуцированные всегда были в слабой позиции и, следовательно, исчезли, в результате чего во многих словах сократилось количество слогов. Так, в древнерусском языке не было знаменательных слов, состоящих из одного слога, а в современном языке появилось большое количество однослоговых знаменательных слов и словоформ типа *сон, дом, кот, пес, туч, волн, мест, дел* (род. п. мн. ч.), *добр, смел* и т. п. Это явление вполне закономерно и отвечает общей тенденции развития языков — экономии речевых средств.

Кроме того, в устной речи в конце слова произошло оглушение звонких согласных: *мороз* — *моро* [с], *дуб* — *ду* [п], *здоров* — *здоро* [ф] и т. п.

Наконец, исчезновение редуцированных в конце слова привело к появлению нулевых окончаний (т. е. таких, которые не выражены звуками; см. учебник русского языка для IV класса¹).

§ 14. Часто в языке происходило так: [ъ] и [ь] в одних формах какого-либо слова оказывались в сильной позиции, а в других формах этого же слова — в слабой, и поэтому в одних формах на месте [ъ] и [ь] появились [о] и [е], а в других [ъ] и [ь] исчезли, оставив после себя «нуль звука».

Например, в словах *сънъ*, *пнь* гласные [ъ] и [ь] в корнях находятся в сильной позиции — под ударением и перед слогом с конечным редуцированным в слабой позиции. Поэтому в истории языка в этих формах [ъ] и [ь] в корне изменились в [о] и [е], а на конце исчезли. Так возникли современные формы *сон*, *пень*.

§ 15. Теперь посмотрим, что было в других формах этих двух существительных. Например, род. пад. в древнерусском языке оканчивался у них на *-а* или *-я*: *съна*, *пнья*. В этой форме [ъ] и [ь] оказались в слабой позиции поэтому они утратились. Получились формы *сна*, *пня*.

Нетрудно заметить, что в результате чередования сильной и слабой позиций *ъ* и *ь* в пределах одного слова в русском языке появились беглые *о* и *е*². Ср. еще примеры: др.-русск. *кусъкъ* — *кусъка* > совр. *кусок* — *куска*; др.-русск. *отьць* — *отьца* > совр. *отец* — *отца*; др.-русск. *рѣтъ* — *рѣта* > совр. *рот* — *рта*; др.-русск. *съто* — *сътъ* > совр. *сто* — *сот*; др.-русск. *пъсъ* — *пъса* > совр. *пес* — *пса*; др.-русск. *шьлъ* — *шьла* > совр. *шел* — *шла*; др.-русск. *тъмь* — *тъма* > совр. *темь* — *тъма* (где *ь* сейчас только указывает на мягкость согласных [м'] и [т']).

Говоря об исчезновении редуцированных *ъ*, *ь*, необходимо иметь в виду, что в современном русском языке *ъ*, *ь* сохранились как *б у к в ы*, как *з н а к и*, но они больше не обозначают самостоятельных *з в у к о в*.

Изучая беглые гласные (см. учебник русского языка для IV класса), полезно для закрепления этой темы дать учащимся два ряда слов:

- а) *лоб, рот, ложь, сон, мох, песок;*
лев, день, весь, мечь;
- б) *дом, год, лом, стол, нос, конь;*
свет, мель, село, дело.

В словах первого ряда гласные *о* и *е* — из [ъ] и [ь], а в словах второго ряда — иного происхождения.

Установив в первом ряду последовательное выпадение звуков [о] и [е], а во втором — последовательное их сохранение,

¹ Русский язык Учебник для 4 класса, 16-е изд., испр М., 1984

² Еще М. В. Ломоносов — автор первой русской грамматики (1755 г.) — назвал эти звуки беглыми и в отличие от обыкновенных гласных.

учащиеся своими словами объяснят причину этого различия и расскажут, куда «убежали» гласные.

§ 16. Из сказанного ясно, что беглость о и е возникла как чисто фонетический процесс — в результате изменения редуцированных [ъ] и [ь]. Значит, беглость о и е должна была бы обнаруживаться только в таких словах и их формах, какие существовали к моменту утраты [ъ] и [ь] в древнерусском языке. В тех же словах и их формах, которые возникли в более поздние эпохи, такого явления не должно было бы быть. Между тем мы обнаруживаем беглый е в слове *американец* (*американца*), которое появилось, разумеется, не ранее открытия Америки, а беглый о — в слове *комсомолка* (*комсомолок*), возникшем уже в нашу эпоху.

Все дело в том, что беглость гласных в современном языке — это уже не фонетическое, а морфологическое явление. С точки зрения фонетики нет никакой разницы в позиции о в словах *сон* и *тон* или в словах *свисток* и *восток*, однако в первых словах этих двух пар есть беглость, а во вторых — нет; ср. *сон* — *сна*, но *тон* — *тона*, *свисток* — *свистка*, но *восток* — *востока*. Значит, наличие или отсутствие беглости о, е определяется не позицией гласного, а отнесенностью тех или иных слов к определенным морфологическим классам. Иначе говоря, возникнув как фонетическое явление, беглость гласных в дальнейшей истории языка превратилась в морфологическое средство образования форм определенных категорий слов.

Этому процессу способствовало первоначально распространение беглости гласных по аналогии на слова, имевшие в своем составе звуки полного образования [о] и [е].

Например, звук [о] под ударением в слове *потолок* и звук [е] в *лед* — исконные (а не из [ъ] и [ь]), следовательно, они не могли чередоваться с нулем звука (ср. в пословице «руки в боки, глаза в *потолки*»; в древнерусской надписи на Тьмутараканском камне XI в. читаем: «Глѣбъ князь мѣрилъ морѣ по *ледоу*»). Однако под влиянием слов типа *пес* — *пса*, *кусок* — *куска* (где беглость «законна») закрепляются «незаконные» формы *лед* — *льда*, *потолок* — *потолка*.

Иного происхождения беглые гласные в словах типа *ветер*, *огонь* (ср. *огня*, *ветра*). В этих словах на месте беглых гласных никогда не было редуцированных, а беглые о, е появились потому, что в результате исчезновения [ъ] и [ь] на конце слова образовались труднопроизносимые сочетания согласных (*огнь*, *вѣтръ*). Появление таких «незаконных» беглых о, е особенно характерно для народной речи: *рубель*, *корабель*, *журавель*, *мысль*, *вихорь* и др. (вместо литературных: *рубль*, *корабль*, *журавль*, *мысль*, *вихрь*).

Случаи появления беглых о, е не из [ъ], [ь], а по аналогии или для ликвидации труднопроизносимых сочетаний согласных в русском литературном языке довольно редки, и, следовательно,

нет необходимости о подобных случаях специально сообщать учащимся.

§ 17. Гораздо чаще «незаконные» беглые гласные появляются не в корнях, а в суффиксах слов позднего происхождения. Так, упомянутые выше слова *американец* (*американца*) и *комсомола* (*комсомолок*) образованы с помощью древних по происхождению суффиксов *-ец-* (< *-ьц-*) и *-к-* (< *-ьк-*), которым свойственна беглость гласных.

Ниже приведены суффиксы существительных и прилагательных, в которых наблюдаются беглые *о*, *е*.

1. Суффиксы имен существительных:

-к(а) — *казачка* — *казачек*, *самоучка* — *самоучек*, *комсомолка* — *комсомолок*, *шоколадка* — *шоколадок*, *зенитка* — *зениток*, *пятилетка* — *пятилеток*, *березка* — *березок*;

-к(и) — *очистки* — *очисток*;

-к(о) — *крылечко* — *крылечек*;

-овк(а), **-евк(а)** — *курсовка* — *курсовок*, *путевка* — *путевок*;

-ек, **-ок** — *орешек* — *орешка*, *паренек* — *паренька*;

-ышек, **-ушек** — *воробышек* — *воробышка* и *воробушек* — *воробушка*;

-енек — *муженек* — *муженька*;

-ежк(а) — *бомбежка* — *бомбежек*;

-лк(а) — *веялка* — *веялок*;

-ок — *ветерок* — *ветерка*; *дружок* — *дружка*;

-енок, **-онок** — *внучонок* — *внучонка*, *орлёнок* — *орлёнка*;

-ичок — *новичок* — *новичка*;

-ерк(а) — *табакерка* — *табакерок*;

-урк(а) — *снегурка* — *снегурок*;

-етк(а) — *оперетка* — *опереток*, *танкетка* — *танкеток*;

-ютк(а) — *малютка* — *малюток*;

-ечк(о) — *местечко* — *местечек*;

-очк(а) — *вазочка* — *вазочек*;

-ячк(а) — *гордячка* — *гордячек*;

-ашк(а) — *старикашка* — *старикашек*;

-ешк(а) — *рыбешка* — *рыбешек*;

-ишк(а), **-ышк(а)** — *братишка* — *братишек*, *малышка* — *малышек*;

-ишк(о) — *домишко* — *домишек*;

-ушк(а), **-юшк(а)** — *дедушка* — *дедушек*, *зверюшка* — *зверюшек*;

-ышк(о) — *гнездышко* — *гнездышек*;

-яшк(а) — *стекляшка* — *стекляшек*;

-н(я) — *сотня* — *сотен*, *колокольня* — *колоколен*;

-ень — *баловень* — *баловня*, *перстень* — *перстня*;

-вень — *ливень* — *ливня*;

-сн(я) — *песня* — *песен*;

- льн(я) — купальня — купален;
- ец — комсомолец — комсомолец, земледелец — земледельца,
- резец — резца, морозец — морозца;
- авец — красавец — красавца;
- овец, -евец — спартаковец — спартаковца, метростроевец — метростроевца;
- лец — владелец — владельца;
- анец — республиканец — республиканца;
- енец — младенец — младенца;
- инец — кубинец — кубинца.

Примечание. Нетрудно заметить, что беглые *о* или *е* наблюдаются, главным образом, в суффиксах *-к(а)* и *-ец*, а также в их производных, так как в древности эти суффиксы включали в свой состав редуцированный гласный (*-ѡк, -ѡк, -ѡц*), который в слабой позиции выпадал, а в сильной переходил в гласный полного образования.

Учитывая, что беглыми звуками могут быть только *о*, *е*, но не *и*¹, учащиеся легко поймут логику известного школьного правила, согласно которому для определения правильного написания гласного в суффиксах *-ек* и *-ик* надо просклонять эти существительные. Если при склонении гласный выпадает, т. е. оказывается беглым, то в суффиксе надо писать букву *е*; если же беглости гласного не наблюдается, то в суффиксе надо писать букву *и*, например: *звоночек* — *звоночка*, но *ключик* — *ключика*.

II. Суффиксы имен прилагательных:

- ский — авторский; вариантный суффикс *-еск(ий)* появляется после шипящих; ср. *человеческий*;
- к(ий) — близкий, резкий; в кратких формах появляется беглый *о*; ср. *близок, резок*;
- н(ый) — заметный — заметен, понятный — понятен;
- ебн(ый) — враждебный — враждебен;
- ивн(ый) — объективный — объективен, прогрессивный — прогрессивен;

¹ В связи с этим утверждением следует попутно заметить, что кажущееся наличие беглого *и* в слове *третий* — *третьего* в действительности является лишь затемненным орфографией фактом беглости *е*. Дело в том, что окончание *-ий* в этом слове возникло на месте *-ей*, произносившегося в безударном слогe как [й] (так же как в прилагательных типа *синий*). Такое написание объясняется старославянской орфографической традицией (см § 133) Что касается соотношения таких фактов, как вариации суффиксов *-ие* — *-ье, -ние* — *-нье, -ия* — *-ья* (*веселие* — *веселье, сомнение* — *сомненье, Наталия* — *Наталья* и под.), то здесь нет явления беглости гласных, а есть лишь соответствие книжных и разговорных образований, причем последние обязаны своим происхождением редукции (ослаблению) безударного *и* до нуля звука.

- овн(ый) — виновный — виновен;
- озн(ый) — грациозный — грациозен;
- арн(ый) — легендарный — легендарен,
- тн(ый) — знатный — знатен,
- ичн(ый) — демократичный — демократичен;
- ональн(ый) — эмоциональный — эмоционален;
- абельн(ый) — транспортабельный — транспортабелен;
- тельн(ый) — убедительный — убедителен;
- ительн(ый) — спасительный — спасителен.

Примечание. Нетрудно заметить, что беглое *e* в прилагательных наблюдается, главным образом, в суффиксе *-н-* и его многочисленных производных. Это объясняется тем, что в древнерусском языке данный суффикс (*-ьн-*) включал в свой состав редуцированный [ь], который в слабой позиции выпадал, а в сильной изменялся в гласный полного образования. Само собой разумеется, что [ь] в сильной позиции в этом суффиксе мог появиться лишь в краткой форме прилагательных мужского рода — единственной сильной позиции [ь] в этой категории образований (ср. *страшный* — *страшен* < *страшьнѣ*).

§ 18. В результате утраты слабых [ъ] и [ь] в древнерусском языке расширились возможности в сочетаемости согласных. Появились такие сочетания, в которых рядом с глухим согласным оказался звонкий, и наоборот, например: из др.-русс. *просьба* возникло *про[с'б]а*, из др.-русс. *лавъка* — *ла[вк]а* и т. д. Как только возникли такие сочетания, в них проявилось уподобление согласных по глухости и звонкости. При этом первый согласный уподоблялся второму. Поэтому в современном русском языке произносят *про[з'б]а*, *ла[фк]а*.

Уподобление согласных могло осуществляться и по другим признакам, например по месту и способу образования. Так, из др.-русс. *сѣшити* после утраты [ъ] возникло [сш]ити, откуда в результате уподобления — [шш]ить (сшить), *расшевелить* > *ра[шш]евелить* > *ра[ш̄]евелить*, *разжевать* > *ра[жж]евать* > *ра[ж̄]евать*¹.

Уподобление согласных в их сочетании друг с другом привело к серьезным расхождениям в произношении и написании слов. Например, в слове *травка* пишется буква *в*, но произносится не [в], а парный глухой звук [ф], так как он находится перед глухим [к] — *тра[фк]а*. А в слове *молотьба* пишется *т*, но произносится звонкий звук [д'], так как он находится перед звонким [б] — *моло[д'б]а*.

¹ В учебнике для IV класса это явление называется оглушением и озвончением согласных. Как представляется, лучше говорить о проявлении уподобления (полного или частичного), так как термины «уподобление» более емкий и охватывает такие случаи, как *расшевелить* и *разжевать*.

§ 19. Утрата слабых [ъ] и [ь] вызвала, наконец, и еще одно явление, широко отражающееся в современном русском языке. Речь идет о появлении в некоторых словах непронизносимых согласных. Утрата слабых [ъ] и [ь] привела к возникновению таких сочетаний согласных, произношение которых оказалось затруднительным. Например, в древнерусском языке в словах *сълньце*, *мѣстъный*, *сърдьце*, *устъный*, *жъстько*, *поздьно*, *вѣстьникъ*, *чьстьность*, *праздьникъ*, *костъный*, *лѣстьница* и т. п. не было сочетаний трех согласных, ибо в них выступал слабый редуцированный гласный [ъ] и [ь]; после же утраты этого [ъ] или [ь] образовались труднопроизносимые сочетания трех согласных *лнц*, *стн*, *рдц*, *стк*, *здн*, которые и упростились, ср. современное произношение [сѡнц]е, [м'ѣсн]ый, [с'ѣрц]е, [уsн]ый, [жѡск]о, [пѡзн]о, [в'ѣс'н']ик, [ч'ѣсн]ость, [праз'н']ик, [кѡсн]ый, [л'ѣс'н']ица.

§ 20. При изучении темы «Непроизносимые согласные» (см. учебник русского языка для IV класса) необходимо обратить внимание учащихся на то, что на письме могут наблюдаться сочетания трех и даже четырех согласных букв: *поздний*, *местный*, *гигантский* и т. п. Однако в произношении таких слов один из согласных выпадает.

Пользуясь приведенным в учебнике правилом, учащиеся сумеют объяснить написание таких слов с непронизносимыми согласными, как *вестник* (ср. *весть*), *честность* (ср. *честь*), *тростник* (ср. *трость*), *ненастный* (ср. *ненастье*), *костный* (ср. *кость*), *радостный* (ср. *радость*), *захолустный* (ср. *захолустье*), *здоровать* (ср. *здравый*). Написание же таких слов, как *чувство*, *праздник*, *лестница*, надо просто запомнить.

Таким образом, поясняя непронизносимые согласные, мы подбираем такие родственные слова, в которых исчезают трех- и четырехчленные сочетания согласных. Надо учесть, что непронизносимые согласные чаще всего появляются на стыке разных частей слова, обычно корня и суффикса:

вестник □, *честность* □, *тростник* □, *местн[ый]*,
солнц[е] (ср. *солнышк[о]*), *гигантск[ий]* и т. п.

Следовательно, учитель может подвести учащихся к выводу о том, что, вдумываясь в состав слова и правильно подбирая проверочные слова, можно преодолеть орфографические трудности, связанные с сочетанием согласных в слове.

Древнерусский звук [ѣ] (ь)

§ 21. В современном русском языке гласный звук [е] в положении после мягкого согласного перед твердым под ударением произносится то как [е], то как [о] (орфографически — ѣ). Например, с одной стороны, *лес*, *белый*, *снег*, *бедный*, а с другой —

нѣс [н'ос], *вѣл* [в'ол], *берѣза* — *бе* [р'ѡ] *за*, *сѣла* — [с'ѡ] *ла*; в безударном положении гласный в этих словах произносится совершенно одинаково: в *лесу*, *белок*, *снежок*, *бедняга* и *несу*, *веду*, *березняк*, *селѡ*. Чем же объясняется различие гласных под ударением?

Объясняется это тем, что современный звук [е] имеет различное происхождение: в одних словах этот звук является исконным — он произносился в них и в древнерусскую эпоху, — таков [е], например, в *нести*, *вести*, *село*, *березняк*; в других он развился на месте редуцированного [ѣ] в сильной позиции, — таков [е], например, в *день* (др.-русс. *дѣнь*), *конец* (др.-русс. *конѣць*) и др.; в третьих, наконец, современный звук [е] развился из особого древнерусского гласного [ѣ̆] — напряженного долгого [е], обозначавшегося на письме буквой ѣ («ять»), например *лес* (др.-русс. *лѣсъ*), *снег* (др.-русс. *снѣгъ*).

Когда в определенный период развития русского языка (приблизительно в XIII—XIV вв.) вместо гласного звука [е] в положении после мягкого перед твердым согласным стал произноситься [о] (ѣ̆), такое изменение коснулось и исконного [е], и того [е], в который изменился сильный редуцированный [ѣ] (например, *несъ* > [н'ос] *нѣс*, *велъ* > [в'ол] *вѣл*, *берѣза* > *бе* [р'ѡ] *за берѣза* и *пѣсъ* > [п'ос] *пѣс*, *лѣнь* > *лен* > [л'он] *лѣн*¹).

§ 22. Почему же такое изменение не пережили слова типа *лес*, *белый*, *снег*, *колѣно* и т. д.? Потому, что в тот период, когда на месте [е] стали произносить перед твердым согласным [о], в этих словах был другой гласный, отличный от [е]. Этим гласным и был звук [ѣ̆]; *лѣсъ*, *бѣлый*, *снѣгъ*, *колѣно*. Когда же позже (в литературном языке не раньше XVIII в.) [ѣ̆] совпал по качеству с [е], процесс изменения [е] в [о] уже закончился, и поэтому в словах с бывшим ѣ сохранилось произношение [е].

Следует иметь в виду, что ѣ выступал прежде всего в определенных корнях слов, наиболее частотными из которых в современном языке являются следующие:

апрѣль;

бѣг- в *бег*, *бежать* и т. д.;

бѣд- в *беда*, *победа*, *убедить* и т. д.;

бѣл- в *белый*, *белка*, *бельмо* и т. д.;

бѣс- в *бес*, *беситься* и т. д.;

блѣд- в *бледный* и т. д.;

бесѣд- в *беседа* и т. д.;

вѣд- в *вести*, *известия*, *поведать* и т. д.;

вѣж- в *невежа*, *невежда* и т. д.;

вѣк- в *веко*;

¹ Звук [о] на месте [е] произносится под ударением и в конце слова (например, *всѣ* [фс'ѡ], *бельѣ* [б'ѣл'ѣѡ], *моѣ* [маѣѡ] и т. п.). Такое произношение объясняется влиянием твердого варианта склонения местоимений и существительных (так, *всѣ*, *моѣ* — под влиянием *то*, *оно*; *бельѣ*, *зверѣ* — под влиянием *ведро*, *окно*). Фонетически же закономерно [о] на месте [е] только перед твердым согласным.

- вѣк-** в *век, вечный, увечить* и т. д.;
вѣн- в *венок, венец, веник* и т. д.;
вѣр- в *вера, верить* и т. д.;
вѣс- в *вес, повесить* и т. д.;
вѣтв- в *ветвь, ветвистый*;
вѣт- в *завет, совет, ответ, привет, вещать, извещение* и т. д.;
вѣтер;
вѣя- в *веять, веяние*;
встрѣт- в *встреча, встретить* и т. д.;
гнѣв- в *гнев, гневаться* и т. д.;
гнѣд- в *гнедой*;
гнѣзд- в *гнездо*¹;
грѣх- в *грех, грешник* и т. д.;
дѣ- в *дело, деятель, действие, неделя, злодей* и т. д.;
дѣв- в *дочь, раз(о)дѣть, раз(о, на)дѣвать, издеваться*;
дѣв- в *девушка, девичий* и т. д.;
дѣд- в *дед, дедушка* и т. д.;
дѣл- в *делить, деление, раздел* и т. д.;
дѣт- в *дети, детский* и т. д.;
ѣд- в *еда, есть* — «кушать», *ем* и т. д.;
ѣзд- (**ѣх-**, **ѣд-**) в *езда, ехать, еду* и т. д.;
желѣз- в *железо, железный* и т. д.;
затѣять- в *затя, затеять*;
звѣзд- в *звезда*;
звѣр- в *зверь, зверский*;
змѣй- в *змея, змея* и т. д.;
зрѣ- в *зрелый, созреть* и т. д.;
зѣв- в *зевота, зевать* и т. д.;
калѣк- в *калека, калечить* и т. д.;
клѣт- в *клетка, клетчатый* и т. д.;
колѣн- в *колени*;
крѣп- в *крепость, крепкий* и т. д.;
лѣв- в *левый, левша*;
лѣз- в *лезть, лестница* и т. д.;
лѣк- в *лекарство, лечить* и т. д.;
лѣн- в *лень, ленивый* и т. д.;
лѣп- в *лепить, великолепный* и т. д.;
лѣс- в *лес, полесье, леший* и т. д.;
лѣт- в *лето, лета, многолетний* и т. д.;
мѣд- в *медь, медянка* и т. д.;
мѣл- в *мел, меловой* и т. д.;
мѣн-² в *менять, измена, перемена* и т. д.;

¹ В словоформах *гнѣзда, звѣзды* [о] появился по аналогии с *вѣсла, вѣсны*.

² В некоторых говорах (и особенно в украинском языке) *ѣ* перешел в *и* (ср. укр. *дѣдѣ* — *дід*, *лѣсѣ* — *ліс*, *дѣло* — *діло* и т. п.). Предполагают, что название города *Минск* произошло от слова *мѣна* — *Менск*, так как в древности в этом месте обменивались товарами (деньги появились позже). В отдельных словах звук *и* на месте древнего *ѣ* наблюдается и в русском литературном языке: *дитя, мизинец, сидеть* и др. (ср. др.-русс.: *дѣтя, мѣзницѣ, сѣдѣти*).

мѣр- в *измерять, мера, лицевмер* и т. д.;
мѣс- в *месть, месиво* и т. д.;
мѣст- в *место, вместо, поместье, предместье* и т. д.;
мѣсяц- в *месяц, месячный* и т. д.;
мѣх- в *помеха, мешать* и т. д.;
мѣш- в *мех, мешок* и т. д.;
нѣ- в *некто, нечто, некоторый* и т. д.;
невѣст- в *невеста, невестка* и т. д.;
нѣж- в *нежный, нега*;
нѣдр- в *недра*;
нѣм- в *немой, немец* и т. д.;
орѣх- в *орех, орешек* и т. д.;
пѣ- в *петь, петух, певича, пение, песня* и т. д.;
пѣн- в *пена, пениться*;
пѣх- в *пехота, пеший, пешком* и т. д.;
плѣн- в *плен, пленять* и т. д.;
плѣс- в *плесень*;
плѣш- в *плешь, плешивый*;
полѣн- в *полено*;
посѣт- в *посетить, посещение* и т. д.;
рѣ- в *реять, река, поречье* и т. д.;
рѣд- в *редкий, редька* и т. д.;
рѣз- в *резать, порез, резкий* и т. д.;
рѣзв- в *резвый, резвиться* и т. д.;
рѣч- в *речь, изречение, наречие, нареченный* и т. д.;
рѣп- в *репа*;
рѣсн- в *ресница*;
рѣт- в *обрести, приобретение, изобретение* и т. д.¹;
рѣх- в *прореха, решето, решетка*;
рѣш- в *решить, разрешение* и т. д.;
свирѣп- в *свирепый*;
свѣж- в *свежий, освежить* и т. д.;
свѣт- в *свет, светлый*;
сѣ- в *сѣв, сеять, сѣно*;
сѣвер- в *север, северный*;
сѣд- в *сесть, седло, оседлый, сосед* и т. д.;
сѣд- в *седина, сидеть* и т. д.;
сѣк- в *сечь, секу* и т. д.;
сѣн- в *сѣно, сенокос*;
сѣр- в *серый, серость*;
сѣр- в *сѣра*;
сѣт- в *сѣть, сетка* и т. д.;
слѣд- в *след, следить, следователь* и т. д.;
слѣп- в *слепой*;
смѣх- в *смех, смешной, смеяться* и т. д.;

¹ В словоформе *приобрѣл* [’о] по аналогии с *вѣл*.

снѣг- в снег, подснежник и т. д.;
спѣ- в спелый, попевать, успех и т. д.;
спѣх- в спешка, спешить и т. д.;
стѣн- в стена, простенок, застенчивый и т. д.;
стрѣл- в стрела, стрелять, пострел и т. д.;
тѣл- в тело, телесный и т. д.;
телѣга;
тѣн- в тень;
тѣсн- в тесный, потеснить и т. д.;
тѣст- в тесто;
тѣх- в потеха, утеха, утешить и т. д.;
хлѣб- в хлеб;
хлѣв- в хлев;
хрѣн- в хрен;
цвѣт- в цвет, цветок и т. д.¹;
цѣл- в целый, целовать, исцелять, целковый и т. д.;
цѣл- в цель;
цѣн- в цена;
цѣп- в цепь, цепкий и т. д.;
человѣк.

Гласный *ѣ* выступал также на конце наречий: *вездѣ, вѣтѣ, возлѣ, здѣ, здѣсь, кромѣ, нынѣ, подлѣ, послѣ, развѣ* и сохранялся при образовании от этих наречий прилагательных: *вѣтѣшннй, здѣшннй, кромѣшннй, нынѣшннй*.

§ 23. Однако отсутствие изменения [е] в [о] под ударением перед твердым согласным в современном языке может объясняться и другими причинами. Во-первых, такое изменение не было свойственно церковнославянскому языку, и поэтому слова, которые проникли в русский язык из церковнославянского, произносятся с [е], а не с [о], например: *крест, небо, жертва, плен, скверный, перст, пещера, надежда, одежда, прежде, падеж, совершенный, истекший* и др. Любопытно, что в некоторых словах, точнее — в некоторых из корней этих слов — в современном русском языке наблюдается также [’о] на месте [е]; ср. *перст* и *напёрсток*, *крест* и *крѣстный*, *перекрёсток*, *небо* и *нѣбо*, *пещера* и *Печоры*, *надежда* и *надѣжный*, *одежда* и *одѣжа* (просторечное); *падеж* (именительный) — *падѣж* (скота), *совершенный* (вид) — *совершѣнный* (поступок), *истекший* (год) — *истѣкший* (кровью), *вселенная* и *вселѣнная* (в квартиру) и др.

Под церковнославянским влиянием изменение [е] и [’о] не обнаруживается в широком круге книжных слов, и особенно в поэтической речи XVIII—XIX вв. Это можно хорошо увидеть на примерах рифм в поэзии И. А. Крылова, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина:

¹ В словоформе *цвѣл* [’о] появился по аналогии с *вѣл*.

Расселись, начали *квартет*,
Он всё-таки на лад *нейдет*.

(Крылов «Квартет»)

Когда в товарищах согласья *нет*,
На лад их дело не *пойдет*...

(Крылов «Лебедь, Шука и Рак»)

С потоком благодарных *слез*
В последний раз с *полунебес*
На мир земной она воззрела.

(Жуковский «Пери и ангел».)

На холмах пушки, *присмирев*,
Прервали свой голодный *рев*.

(Пушкин «Полтава»)

Приготовь же, Дон *заветный*,
Для наездников лихих
Сок кипучий, *искрометный*
Виноградников твоих.

(Пушкин «Дон».)

§ 24. Во-вторых, произношение [e] без изменения в [o] наблюдается в значительном числе русских слов, в которых звук [e] оказался перед твердым согласным в тот период, когда процесс фонетического изменения [e] и [o] уже не действовал. В более ранний период, когда этот процесс был живым, [e] в данной группе слов находился не перед твердым, а перед мягким согласным и потому не изменялся в [o].

К таким словам относятся прежде всего те, которые в древнерусском языке имели в корне сочетание редуцированного [ь] с последующим [р'] между согласными: *първый, върхъ, зъркало, върба, съмъртъ, четвъргъ, сърпъ, ковъркаты, държаты* и др. В этих словах корневой [ь] всегда находился в сильной позиции и изменялся в [e], но последующего перехода [e] в [o] здесь не было, так как еще до падения редуцированных после [р'] развивался вторичный гласный [ь'] (так называемое «второе полногласие»), который смягчал предшествующий согласный, и эта мягкость [р'] позже мешала изменению [e] в [o]. Иначе говоря, др.-русск. *върхъ* изменялось в *въ* [р'] *хъ*, а затем в [в'ер'х].

В дальнейшем мягкий [р'] отвердевал, но перед одними согласными раньше, а перед другими позже. Перед твердыми переднеязычными согласными [т], [д], [н], [з], [с], [л] отверждение [р'] проходило рано, еще в период действия процесса изменения [e] в [o], и поэтому в словах *мъртвый, твърдый, зърна, чърный, мързнуть, жърла, шърстка* произносят теперь - [o]. Наоборот, когда после [р'] шел твердый заднеязычный или губной согласный, отверждение наступало очень поздно, — даже в наши дни у старых

москвичей можно слышать здесь [р'] (т. е. произношение типа [цёр'къф'], [в'ер'х] и т. п.), а в конце XVIII—XIX в. произношение таких слов с [р'] было распространено очень широко. На памятнике Петру I в Ленинграде высечено: *Петру Первому Екатерина Вторая* (с обозначением мягкости *р* в слове *первый*). Следовательно, современное произношение *первый, верх, зеркало; серп* и т. д. с сохранением [е] — это свидетельство позднего отвердения [р'].

К словам с поздно отвердевшими согласными относятся и такие, которые имели в своем составе суффиксы, начинавшиеся с *ь*: *-ьск-*, *-ьн-*; [ь] воздействовал на предшествующий согласный, смягчая его. Например, в древнерусском слове *женьский*, фонетически [жён'ьск-], после утраты [ь] в слабой позиции мягкость [н'] долго сохранялась, и это мешало изменению [е] в [о]; поэтому и в современном языке произносят *женский*, хотя *жёнъ*. Ср. еще: др.-русск. *деревьня*, фонетически [д'ер'ёв'ьн'а] — совр. *деревня, деревенский*, без изменения [е] в [о].

§ 25. Произношение [е] без изменения в [о] под ударением перед твердым согласным наблюдается также в поздних заимствованиях из других языков: *конверт, аптека, рента, проблема, газета, тема, секция* и др.

Гласные [о] носовой (ж) и [е] носовой (л)

§ 26. Носовые гласные были характерны только для древнейшей поры в истории русского языка. Они были утрачены, по видимому, к середине X в., т. е. до появления первых памятников письменности древнерусского языка: [о] носовой изменился уже в дописьменную эпоху в [у], а [е] носовой — в [а] после мягкого согласного. Поэтому уже в самых ранних памятниках XI в. буквы **Ж** и **Л** смешиваются с буквами *у* и *а*, как буквы, обозначающие одни и те же гласные звуки: **Ж** и **У** обозначали [у], а **Л** и **А** — [а] после мягкого согласного. Иначе говоря, написания *зЖбъ* и *зубъ* отражали одно произношение [зубъ], а написание *чЛсь* и *чась* — одно произношение [ч'ась].

§ 27. Если самые ранние восточнославянские памятники свидетельствуют об отсутствии особых носовых гласных, возникает вопрос: что является доказательством наличия этих гласных в древнерусском языке хотя бы в очень отдаленные эпохи? Есть ли какие-либо факты в звуковой системе современного русского языка, которые можно объяснить только существованием носовых гласных в языке древних восточных славян? Такие факты есть, но для того, чтобы разобраться в них, нам необходимо немного углубиться в некоторые вопросы, связанные с происхождением носовых гласных у древних славян.

§ 28. В далеком прошлом, еще в языке-предке всех современных славянских языков — в языке праславянском — сочетания гласного с последующим носовым согласным [н] или [м] пережи-

вали особую судьбу: если в составе словоформы за таким сочетанием шел гласный, то оно сохранялось без изменения, но если за ним следовал согласный, то это сочетание изменялось в носовой гласный. При этом если перед [н] или [м] находились гласные переднего ряда, то возникал носовой гласный [о], а если здесь были гласные переднего ряда, возникал носовой гласный [е]. Так, например, при образовании неопределенной формы глагола с корнем *звон-* после *н* оказывался гласный: *звон-и-ти*; в этом случае сочетание *он* не изменялось: ср. совр. *звонить*. Если при образовании существительного с этим же корнем после *н* оказывался согласный (*звон-къ), то в этом случае *он* изменялось в [о] носовой: *звѣкъ*, из которого далее др.-русск. *звукъ*. Тот же корень мог выступать в виде *звен-* (с обычным для русского языка чередованием *о // е*). И его судьба была такой же, ср.: *звенѣ-ти* — совр. *звенеть*, но *звен-кѣ > *звѣкъ* (т. е. *звякъ*), совр. *звякнуть*.

Нетрудно понять, что носовые гласные образовались лишь в тех случаях, когда сочетание «гласный + носовой согласный» составляло закрытый слог, что противоречило закону открытого слога в древних славянских языках. Появление же носового гласного на месте такого сочетания являлось средством образования открытого слога. Так, например, в словоформе *жьму* (глагол 1-го л. един. числа наст. времени) было два открытых слога: *жь/му*. В неопределенной же форме должен был появиться закрытый слог: **жьт/ти*, что противоречило бы закону открытых слогов. Вот почему из сочетания *ьт* образуется носовой гласный, который дает возможность открыть слог: *жь/ти* > *жать*; ср. то же самое в *мь-ну*, но *тъп-ти > *мѣти* > *мять*, *дѣ-му*, но *дѣт-ти > *дж-ти* > *дуть* и т. д.

§ 29. Если присмотреться к приведенным примерам, то можно установить, что в праславянском языке возникли чередования «сочетание типа [он] // гласный [о] носовой» и «сочетание типа [ен] // гласный [е] носовой». Когда в древнерусском языке носовые гласные исчезли, сочетания типа [он], [ин], [ен], [ьн] ([ьм]) стали чередоваться с «чистыми» [у] и [а], например: *звонити // звукъ, начинати // начати, звенѣти // звякнути, размина-ти // размѣти, жьну // жати*.

§ 30. Точно так же было в истории небольшой группы существительных (в нее входит 10 слов) среднего рода, которые в современном языке в им.-вин. пад. оканчиваются на *-мя* (из древнего *-мѣ*), а в остальных приобретают суффикс *-ен-*: *племя — племени, знамя — знамени, семя — семени* и т. д. Исконно, в праславянском языке и в ранний период истории русского языка, им.-вин. пад. этих слов оканчивался на [е] носовой, возникший из сочетания [ен] перед конечным согласным.

§ 31. Надо иметь в виду еще и то обстоятельство, что чередования [ьн] и [ьм] с [а] сохранялись только до тех пор, пока древнерусский язык имел редуцированный [ь]. Когда он был утрачен, эти чередования преобразовались еще раз: в русском языке по-

явились чередования согласного [н] или [м] с [а]; таковы, например, современные *жну* // *жать*, *жму* // *жать*, являющиеся нетипичными, но объяснимыми с позиции истории русского языка.

§ 32. Носовые гласные образовывались не только в корнях и суффиксах, но и в префиксах-предлогах *сън*, *вън*, *кън*, если они присоединялись к корням, начинающимся на согласный. Так в языке появилась приставка *су-* (из *сън-* > *сЖ-*), например *су* + *мрак* > *сумрак*. Хотя теперь эта приставка по существу уже не выделяется и тем более не служит средством образования новых слов, все же в русском языке (в особенности в говорах) сохранилась целая группа образований с этой былой приставкой: *сугроб*, *сустав*, *сумерки*, *супруг*, *супружество*, *суглинок*, *сутки*, *супесок*, *сутолока*, *сукровица*, *супонь*, *супротив*, *сукрой*, *сумет* и др.

Однако приставки-предлоги могли присоединяться и к корням, начинающимся гласным звуком. В таких случаях, как и следовало ожидать, носовой гласный звук не образовывался, но происходило переразложение состава слова, а именно часть приставки, а иногда вся приставка воспринималась как часть корня; например: *сън* + *имь* > *съ нимь* > *с ним*; *вън* + *емь* > *въ немь* > *в нем*; *кън* + *ему* > *къ нему* > *к нему*; *вън* + *имати* > *вънимати* > *внимать*; *сън* + *имати* > *сънимати* > *снимать*; *вън* + *утрь* (ср. *утроба*) > *вънутрь* > *внутри* (ср. *нутро*); *сън* + *ѣдь* (ср. *еда*) > *сънѣдь* > *снѣдь*; *вън* + *уш-и-ти* > *вънушити* > *внушить* (ср. *уши*) и т. д. Из примеров видно, что звук [н] (или [н']) в этих словах по происхождению не был корневым, а входил в состав древних предлогов-приставок. В результате происшедших изменений он стал восприниматься как корневой и по аналогии начал появляться между корнем и другими приставками, которые в своем составе исконно не имели этого звука. Ср. *восприятие* — *воспринять*, *воспринимать* (см. § 121).

§ 33. В словах современного русского языка наблюдаются следующие типы чередований, связанных в своем происхождении с историей носовых гласных:

I

-я (ня)	им (инь)	-ем (ем)	м
<i>жать</i>	<i>сжимать</i>	<i>Днал жом</i>	<i>жму</i>
<i>взять</i>	<i>взимать</i>		
<i>внять</i>	<i>внимать, внимание</i>		
<i>(вос)принять</i>	<i>(вос)принимать</i>		
<i>вынуть</i> (из <i>вынять</i>)	<i>вынимать</i>	<i>выем, выемка</i>	
<i>донять</i>	<i>донимать</i>		
<i>занять, занятие</i>	<i>занимать</i>	<i>заём</i>	
<i>изъять</i>	<i>изымать</i>		
<i>нанять</i>	<i>нанимать</i>	<i>наём</i>	
<i>обнять</i> (ср. <i>объятие, необъятный</i>)	<i>обнимать</i>	<i>объём</i> (ср также бесприставочное <i>ёмкий</i>)	
<i>отнять</i>	<i>отнимать</i>	<i>отъём</i>	

-я (ня-)	-им- (-ним-)	-ем- (-ём)	-м-
перенять поднять понять, понятие (пред)принять (при)поднять пронять разнять (за-, пере-, от-, с-) -нять унять	перенимать поднимать понимать (пред)принимать (при)поднимать пронимать разнимать (за-, пере-, от-, с-) -нимать унимать	подъём приём, приёмник подъём проём разъём	

II

-я (-а-)	-ин-	-н-
(за-, на-, под-, при-, раз-, с-, у-) -мять начать, начало (по)жать распать (у)помянуть	(за-, на-, под-, при-, раз-, с-, у-) -минать, заминка, разминка начинать (по)жинать распирать (у)поминать	начну (по)жну распнут

Примечание. Заметим, что сочетания [им] и [ин] всегда находятся перед суффиксом *-а-*.

III

-я-	-ен- ¹
бремя время вымя знамя имя пламя племя семя стремя темя	бремени времени вымени знамени имени пламени племени семени стремени темени

Примечание. Имеется также чередование [у] с [м] (*надутый* — *надменный*)

§ 34. В современном русском языке сохраняются также чередования, восходящие к древнейшему чередованию носовых гласных — [е] носового с [ю] носовым; это прежде всего чередование [а] с [у] в корнях слов. В связи с тем что такое чередование является для современного русского языка необычным, слова с данным чередованием в настоящее время воспринимаются как

¹ Об исторических изменениях в этой группе слов и о современном их склонении см. § 107.

образования с разными корнями. К тому же количество слов с чередованием [а] (я) // [у] (ю) в современном языке весьма ограничено:

-а- (я)	-у-
<p>вязать звякать мятеж, смятение погрязнуть, грязь напрягать, напряжение, спрягать, пряжка тряска, трястись тягать, тяга</p>	<p>узы звук, звучать мутить, смута грузнуть, груз пружина, супруг, упругий трус, трусить тугой</p>

Чередование [а] (я) // [у] (ю) встречается не только в корневых морфемах, но и в суффиксах и окончаниях. Например, в суффиксах прилагательных: *лежащий (горячий) — живучий (горючий)*; в суффиксах причастий: *лежащий (горящий) — живущий (начинающий)*; в глагольных окончаниях: *держат (просят) — пишут (думают)*.

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ

§ 35. В системе согласных современного русского языка большинство звуков объединяется в пары по признаку твердости-мягкости и глухости-звонкости.

Если сравнить по описанным признакам современную систему согласных с системой согласных древнерусского языка, как она существовала к эпохе появления письменности (X—начало XI в.), то можно установить их значительные отличия.

Таблица твердых-мягких парных и непарных согласных современного русского языка

Твердые	б	в	г	д	з	к	л	м	н	п	р	с	т	ф	х;	ж	ш	ц
Мягкие	б'	в'	г'	д'	з'	к'	л'	м'	н'	п'	р'	с'	т'	ф'	х';	ч'	ш'	й

Из таблицы видно, что 30 согласных в современном русском языке могут быть и твердыми и мягкими, 3 согласных (*ж, ш, ц*) только твердыми и 3 (*ч, щ, й*) — только мягкими.

Примечание 1. Согласный [й] («йот», см. подробно § 43—45) в современном русском языке выступает только в положении перед гласным под ударением: *яма [jáм]а, я [já], моя мо [já]*; в положений же перед и после безударного гласного на месте [й] произносится краткий (неслоговой, т. е. не образующий слога) гласный [и],

который может обозначаться буквой *й*, ср. *мою мѡ* [ѡу], *тройка* [трѡй]ка.

Примечание 2. Буквой *щ* в современном языке обозначается долгий согласный звук [ш'] (или [ш'ч']), который произносится также на месте буквосочетаний *сч*, *зч*, *жч* (*переносчик*, *извозчик*, *мужчина*).

Таблица твердых-мягких парных и непарных согласных древнерусского языка

Твердые	с	з	л	н	р	п	б	в	м	т	д	к	г	х
Мягкие	с'	з'	л'	н'	р'	ч'	ц'	ш'	ж'	щ'	ј			

Из таблицы видно, что в древнерусском языке было всего 10 парных по признаку твердости-мягкости согласных, 9 непарных согласных были твердыми, а 6 — мягкими.

Таблица глухих-звонких парных и непарных согласных древнерусского языка

Глухие	п	п'	ф	ф'	к	к'	г	г'	с	с'	ш	х	х'	ч	щ'					
Звонкие	б	б'	в	в'	г	г'	д	д'	з	з'	ж	л	л'	м	м'	н	н'	р	р'	ј

Звуки [л], [л'], [м], [м'], [н], [н'], [р], [р'], [ј], которые не имеют пары по глухости, называются сонорными и характеризуются большой звучностью.

Таблица глухих-звонких парных и непарных согласных современного русского языка

Глухие	п	т	с	с'	ш'	к	х	ч'	ц'	щ'					
Звонкие	б	д	з	з'	ж'	г	л	л'	н	н'	р	р'	в	м	ј

Из таблицы видно, что в древнерусском языке было 12 парных по признаку глухости-звонкости согласных, 4 непарных согласных были глухими и 9 — звонкими.

Итак, в современном языке существует 36 согласных, из которых 30 входят в пары по признаку твердости-мягкости, 22 — в пары по признаку глухости-звонкости. В древнерусском же языке было всего 25 согласных, из которых только 10 были парными по твердости-мягкости, и 12 — парными по глухости-звонкости.

Рассмотрим некоторые отдельные согласные звуки древнерусского и современного русского языков.

Шипящие [ж], [ш] и аффрикаты [ч'], [ц]

§ 36. Шипящие [ж], [ш] и аффрикаты [ч'] и [ц] появились еще в праславянском языке в результате смягчения определенных согласных звуков. Поэтому шипящие и [ч'], [ц] в древнерусском

языке были только мягкими. Это подтверждается орфографией древних памятников: *мужь, похожую, душа, лечю, отць* и т. п.

Наша современная орфография также отражает былую мягкость шипящих и [ч'], [ц]: *жизнь, ложь, широкий, несешь, ночь, цифра* и т. д. Так как такие написания уже противоречат современному произношению, этот принцип орфографии называется традиционным или историческим.

В истории русского языка [ж], [ш] и [ц] отвердели, а [ч'] сохранил мягкость.

Если шипящие и [ч'], [ц] возникли в результате изменений (смягчения) определенных согласных, то, следовательно, можно установить происхождение каждого из этих согласных. Это поможет понять закономерности существующих в современном языке чередований шипящих и [ч'], [ц] с другими согласными.

§ 37. Звук [ш] возникал:

а) в словах типа *глушить* из сочетаний [х] + гласный переднего ряда (ср. *глухой — глушить, пастух — пастушеский*);

б) в словах типа *сушу — суша* из сочетаний [х] + [j] (ср. *сухой — сушу — суша, дух — душу — душа*);

в) в словах типа *ношу — ноша* из сочетаний [с] + [j] (ср. *носить — ношу — ноша*).

Таким образом, [ш] восходит к [х] или [с].

§ 38. Звук [ж] возникал:

а) в словах типа *дружить* из сочетаний [г] + гласный переднего ряда (ср. *друг — дружить — дружеский, слуга — служить — служебный*).

Примечание. В редких случаях согласный [г] изменялся в [з'], о чем свидетельствует чередование *г // з* в словах *друг — друзья, княгиня — князь* в современном языке;

б) в словах типа *дружу* из сочетаний [г] + [j] (ср. *друг — дружу, слуга — служу*);

в) в словах типа *вяжу* из сочетаний [з] + [j] (ср. *вязать — вяжу, возить — вожу*).

г) в словах типа *вожу* из сочетания [д] + [j] (ср. *твердить — твержу, водить — вожу*).

Примечание. Словоформа *вожу* является омоформой от *возить* и *водить*.

Таким образом, [ж] восходит к [г], [з] и [д].

§ 39. Звук [ч'] возникал:

а) в словах типа *плачешь* из сочетания [к] + гласный переднего ряда (ср. *плакать — плачешь*);

б) в словах типа *лечу* (*лечить*) из сочетания [к] + [j] (ср. *лекарь — лечу*);

в) в словах типа *лечу* (*лететь*) из сочетания [т] + [j] (ср. *лететь* — *лечу*, *платить* — *плачу*).

Примечание. Словоформа *лечу* является омоформой от *лететь* и *лечить*;

г) в словах типа *беречь*, *течь* из сочетания [г] или [к] + [ти] (ср. *берегу* — *beregiti > *беречи* > *беречь*; *пеку* — *pekti > *печи* > *печь*).

Таким образом, [ч'] восходит к [к], [т] и сочетаниям [гт] и [кт]

§ 40. Звук [ц] является результатом изменения [к]. В современном русском языке сохранилось несколько слов с чередованием *к* // *ц*, подтверждающим такое происхождение [ц]: *кратко* — *вкратце*, *лик* — *лицо*, *воскликнуть* — *восклицать* и некоторые другие.

Звуки [ф] — [ф'], [в] — [в']

§ 41. Как было показано выше в таблицах (см. § 35), в составе согласных древнерусского языка отсутствовали звуки [ф] — [ф']. Эти согласные исконно были неизвестны вообще всем древним славянам. Однако они могли проникать в книжный язык через письменность в составе заимствованных из греческого языка слов (типа *философъ*, *фарисей*, *фонарь*, *порфира*, *Филиппъ* и т. п.). Такие слова отмечаются в памятниках древнерусского языка, однако в народно-разговорной речи согласных [ф] — [ф'] не было. Об этом свидетельствует тот факт, что греческие слова с [ф], если они и попадали в народно-разговорную речь, закреплялись в ней в измененном виде: вместо [ф] в этих словах восточные славяне произносили [п], например, вместо греч. *faros*, *Iosif*, *Stefanos* в древнерусском языке появились *парусъ*, *Осипъ*, *Степанъ*. С другой стороны, до сих пор в ряде говоров, которые так и не усвоили [ф], вместо *кофта*, *фабрика*, *фасон* и т. п. произносят *кохта*, *хвабрика*, *хвасон*¹.

Звуки [ф] — [ф'] получили широкую лексическую базу не ранее XIII—XIV вв. в результате оглушения [в] — [в'] и уподобления согласных по признаку глухости-звонкости. Как известно, между [в] и [ф] нет никакой разницы в образовании (оба они зубные и фрикативные) и отличает их только то, что [в] — звонкий, а [ф] — глухой. До определенного времени в древнерусском языке не могло осуществляться оглушение [в]; оно могло возникнуть только после утраты редуцированных гласных в абсолютном конце слова, ибо до этого в древнерусском языке в

¹ Некоторым говорам известны случаи обратной замены, а именно: люди, не владеющие литературным языком, но знающие, что произносить [х] и [хв] — [кв] вместо [ф] «некультурно», произносят [ф] даже в тех случаях, когда надо произносить [х] или [хв] и даже [кв]. Например, вместо *хулиган*, *хвост*, *квартира* они произносят «фулиган», «фост», «фатера».

связи с действием закона открытого слога слова никогда не оканчивались на согласный; точно так же только после утраты редуцированных могли появиться сочетания звонкого согласного с глухим (см. подробнее § 18).

В результате утраты редуцированных в конце слова и перед глухим согласным вместо звука [в] стал произноситься [ф]. Так, например, род пад множ. числа от слова *голова* в древнерусском языке оканчивался на [ъ] — *головъ*; когда этот гласный утратился, [в] оказался в абсолютном конце слова и оглушился. А в слове *лавъка* согласный [в] после утраты [ъ] оказался перед глухим [к]. Так возникло произношение *ла[ф]ка*. Еще примеры: слово *кровь* мы произносим как [кроф'], *ставка* — как *ста[ф]ка* и т. д.

Так на восточнославянской почве появились новые согласные [ф] — [ф']. Постепенно эти звуки укреплялись в языке, особенно в связи с усвоением их в заимствованных словах, где они могли оказаться в любом фонетическом положении. Широкое усвоение таких слов, как *фон*, *форум*, *фарс*, *фокус* и т. п. привело в конце концов к тому, что [ф] — [ф'] превратились в такие же самостоятельные звуки, как и другие твердые и мягкие согласные.

Любопытно, что современные слова *пуд* и *фунт* представляют собой заимствование одного и того же слова, но в разные эпохи: слово *пуд* появилось в древнерусском языке тогда, когда вместо [ф] произносили [п], а слово *фунт* — тогда, когда [ф] уже превратилось в самостоятельный звук (фонему) русского языка.

§ 42. Итак, в современном русском литературном языке существуют четко различающиеся соотносительные пары звуков: звонкие [в] — [в'] и глухие [ф] — [ф'] — типа *ворс* и *форс*, *винт* и *финт*, *вас* и *фас* и под.

Следует отметить, что звуки [в] — [в'] ведут себя несколько своеобразно: хотя обычно в русском языке глухие согласные не могут быть перед звонкими (ср. *спайка*, но *сборка* [зб]орка), перед [в] — [в'] глухие сохраняются — мы произносим и пишем *сварка*, *свет*, а не «зварка», «звет». Это своеобразие сближает звуки [в] — [в'] с сонорными, перед которыми глухой также сохраняется (ср. *снимок*, *смять*, *слом*, *срыв*).

Подчеркнув особую природу [ф] — [ф'] в русском языке, учитель может на конкретных примерах при помощи словаря убедительно показать, что слова с этими звуками (буквами) обычно заимствованы из различных европейских языков (многие из них входят в терминологические системы различных наук).

Согласный [j] (йот)

§ 43. Особое место в системе согласных занимает звук [j] (йот). Как в древнерусском, так и в современном языке [j] является самостоятельным звонким согласным, непарным ни по

признаку глухости-звонкости, ни по признаку твердости-мягкости.

В связи с тем что звук [j] не имеет и не имел для своего обозначения специальной буквы, на письме он передается разными способами:

а) В начале слога [j] вместе со следующим за ним гласным обозначался и обозначается одной буквой: вместо [ja] пишут я (др.-русск. ѡ, ѡ), вместо [ju] — ю, вместо [je] — е (др.-русск. е, ѣ), вместо [jo] — ё, например: *яма, едь, поехать, ёлка, объём*. Иными словами, буквы я, ю, е, ё здесь обозначают не отдельный звук, а целый слог, состоящий из [j] и гласного.

Примечание. Следует учесть, что я, ю, е, ё после согласных (*мяч, люди, пел, мёд*) не содержат в своем составе [j], а показывают, что предшествующая буква должна читаться как мягкий согласный звук: [м'ач'], [л'уд'и], [п'ел], [м'от].

б) Между согласным и гласным наличие звука [j] сигнализируется в современном языке разделительными знаками ъ, ь.

Примечание. Различное изображение звука [j] на письме иногда затемняет морфологический состав производного слова. Так, в словах типа *взгорье, лисья, зверья* мягкий знак сигнализирует о наличии суффикса -j-:

$\overbrace{\text{взгор}}^{\text{я}}\text{ъ}$, $\overbrace{\text{лис}}^{\text{я}}\text{а}$, $\overbrace{\text{звер}}^{\text{я}}\text{о}$, в словах типа *армия* буква я обозна-

чает конечный согласный корня [j] и окончание -а: $\overbrace{\text{арми}}^{\text{я}}\text{а}$, в словах типа *движение* буква е обозначает конечный

согласный суффикса [j] и окончание -э: $\overbrace{\text{движен}}^{\text{я}}\text{э}$ и т. п.

Иными словами, написание ъ, ь в положении между согласным и гласным сигнализирует, что следующие за ними буквы я, ю, е, ё, и надо читать как сочетание [j] + гласный.

Однако согласный [j] в русском языке может изображаться на письме и при помощи буквы й. Эта буква используется для передачи на письме йота после гласных, например *мой, май, зайка*. Здесь надо иметь в виду, что перед ударными гласными [j] звучит четко и ясно [например, *швейя*], а в других положениях он ослабляется и на его месте произносится неслоговой [й], который обозначается буквой й. Ср. *мая* — *мой* [маjа] — [мой], *ямя* — *зайка* [jам]а — э [áj]ка.

§ 44. В современном русском литературном языке согласный звук может стоять перед [j]. Такое соседство стало обычным после утраты слабых редуцированных, ср. *съемка* [с'jо]мка, *разъезд* [р'зjэ]зд, *рьяный* [р'jа]ный и т. п. До этого процесса согласный и [j] были отделены друг от друга слабым [ъ] или [ь].

Говоря другими словами, исконно древнерусский язык не знал сочетаний согласных с [j]. Это объясняется тем, что еще в ранний праславянский период все сочетания согласных с [j] пережили изменения. Эти изменения заключались в том, что [j] слился с предшествующим согласным. Сливаясь с [j] и потому смягчаясь (так как [j] был всегда мягким), этот согласный изменял свое качество (выше данный процесс был показан при рассмотрении происхождения шипящих согласных, см. § 36—39). Например, в результате объединения праславянского корня *сѣк-* с суффиксом *ја* при образовании существительного женского рода возникло слово **sĕk-ja*, в котором оказалось сочетание **kj*. Согласный [к], слившись с [j] и смягчившись, изменил свое качество и перешел в [ч'] — *сѣча*. В таком звуковом виде это слово вошло в древнерусский язык и дожило до наших дней. Вместе с тем согласный [к] корня *сѣк-* сохранился в глагольных формах *сѣку*, *сѣкут*, в существительном *сѣкира* (др.-русск. *сѣкыра*), и таким образом данный корень стал выступать с чередованием *к//ч*. Только три сонорных согласных [р], [л], [н], смягчаясь, не меняли своего качества: [р] + [j] изменялось в [р'], [н] + [j] — в [н'], [л] + [j] — в [л'], ср. *бурный* — *буря*, *колоть* — *колю*, *угон* — *гоню*.

§ 45. В связи с тем что согласные в сочетании с [j] изменялись совершенно определенным образом, в современном языке обнаруживается четкая с и с т е м а исторических чередований согласных.

а) Заднеязычные [к], [г], [х] чередуются с шипящими: *к//ч* (*секу* — *сеча*), *г//ж* (*слуга* — *служу*), *х//ш* (*сухой* — *суше*).

Примечание. Следует учесть, что заднеязычные [г], [к], [х] чередуются с шипящими и в других условиях (см. об этом § 36—39).

б) Согласные [б], [п], [в], [м] чередуются с сочетаниями [бл']: *любить* — *люблю*, *истребить* — *истреблю*;
[пл']: *купить* — *куплю*, *копить* — *коплю*;
[вл']: *ловить* — *ловлю*, *давить* — *давлю*;
[мл']: *земной* — *земля*, *разгромить* — *разгромлю*.

В более позднюю эпоху, когда у восточных славян появился звук [ф], по аналогии возникло и чередование *ф//фл'*: *графить* — *графлю*.

в) Согласные [д] и [т] чередуются с [ж] и [ч']:

д//ж: *ходить* — *хожу*, *бродить* — *брожу*;

т//ч: *свет* — *свеча*, *прятать* — *прячу*.

В старославянском языке сочетания [д] и [т] с [j] изменились иначе: [д > ж'д'] : *ходить* — *хождѣние*, *родить* — *рождѣние*;

[т > ш'т'] *шц*: *свет* — *освещѣние*, *глотать* — *поглощать*.

Поэтому многочисленные слова с *жд* и *шц*, чередующимися

с *ѡ* и *т*, в современном русском языке — старославянизмы. Ср.: *судить* — *суждение* (ср. русск. *сужу*), *ходить* — *хождение* (ср. русск. *хожу*), *водить* — *вождение* (ср. русск. *вожу*), *свет* — *освещение* (ср. русск. *свеча*).

Современные суффиксы причастий действительного залога настоящего времени *-ущ-* (*-ющ-*), *-ащ-* (*-ящ-*) также старославянского происхождения, так как *щ* здесь по происхождению из сочетания [т] с [j]; например: *ползущий, везущий, лежащий, горящий, висящий* (ср. с древнерусскими причастными формами: *ползучий, везучий, лежащий, горячий, висячий*, в которых *ч* также из сочетания [т] с [j] и которые в современном русском языке употребляются в значении прилагательных).

г) Согласные [с] и [з] чередуются с шипящими [ш] и [ж], например: *писать* — *пишу*, *носить* — *ношу*, *вязать* — *вяжу*, *грязить* — *грязю*.

д) Сочетания согласных [ск] и [ст] чередуются с [щ]: *искать* — *ищу*, *пустить* — *пущу*.

§ 46. Таким образом, в результате различных фонетических процессов, которые прошли еще в праславянском языке, а также в результате влияния старославянского языка на русский в современном языке появились следующие ряды чередований согласных:

<i>к // ч' // ц</i> : <i>воскликнуть</i> — <i>клич</i> — <i>восклицать</i> ;	<i>'с // ш</i> : <i>носить</i> — <i>ношу</i> ;
<i>з // ж // з</i> : <i>друг</i> — <i>дружеский</i> — <i>друзья</i> ;	<i>з // ж</i> : <i>вязать</i> — <i>вяжу</i> ;
<i>х // ш</i> : <i>пастух</i> — <i>пастушка</i> ;	<i>б // бл'</i> : <i>рубить</i> — <i>рублю</i> ;
<i>т // ч' // щ</i> : <i>свет</i> — <i>свеча</i> — <i>освещение</i> ;	<i>п // пл'</i> : <i>купить</i> — <i>куплю</i> ;
<i>д // ж // жд</i> : <i>ходить</i> — <i>хожу</i> — <i>хождение</i> ;	<i>м // мл'</i> : <i>земной</i> — <i>земля</i> ;
<i>ск // щ</i> : <i>искать</i> — <i>ищу</i> ;	<i>в // вл'</i> : <i>кров</i> — <i>кровля</i> ;
<i>ст // щ</i> : <i>простой</i> — <i>проще</i> ;	<i>ф // фл'</i> : <i>графить</i> — <i>графлю</i> .
<i>ск // ст // щ</i> : <i>пускать</i> — <i>пустить</i> — <i>пущу</i> ;	

Завершая рассмотрение системы согласных древнерусского и современного русского языков, необходимо подробнее остановиться на характеристике двух важнейших категорий этой системы — на категории глухости-звонкости и категории твердости-мягкости. Именно на эти категории обращается особое внимание при характеристике системы согласных в школьном учебнике русского языка.

Согласные глухие и звонкие

§ 47. Древнерусский язык отличался от современного не только количеством пар глухих-звонких согласных (см.

§ 35), но и существом отношений этих парных звуков. В современном русском языке между парными глухими-звонкими согласными имеются глубокие внутренние связи, каких не было прежде. Дело в том, что в современном языке парные глухие-звонкие отличаются друг от друга, или противопоставляются друг другу, только в определенных фонетических положениях, а именно в положении перед гласными, перед сонорными согласными [р] — [р'], [л] — [л'], [н] — [н'], [м] — [м'], перед [в] — [в'] и перед [ж]. Это значит, что в таких положениях равно может употребляться как глухой, так и звонкий парный согласный, например: *сало — зал, шил — жил, кроме — гром, плюшка — блюдо, кнут — гнуть, шва — жвачка, пью — бью* и т. д. В других же фонетических положениях парные глухие-звонкие не различаются, не противопоставляются: на конце слова и перед глухими согласными выступают только парные глухие, а перед звонкими только парные звонкие. Например, *род* и *рот* произносятся равно как [рот], *рог* и *рок* — равно как [рок], *мышь* и *нож* — равно с [ш] на конце: [мыш] — [нош]; *кошка* и *ложка* — равно с [ш] перед глухим [к]: *ко* [шк]а, *ло* [шк]а; *просьба* и *резьба* — равно с [з'] перед звонким [б]: *про* [з'б]а, *ре* [з'б]а и т. д. В результате этого в современном языке выстраивается соотносительный ряд парных глухих-звонких, который может быть представлен в следующем виде:

Перед гласным	п б	п' б'	ф в	ф' в'	т д	т' д'	с з	с' з'	к г	к' г'	ш ж
Перед глухим согласным	п	п'	ф	ф'	т	т'	с	с'	к	к'	ш
Перед звонким согласным	б	б'	в	в'	д	д'	з	з'	г	г'	ж

Таких внутренних связей нет у непарных по признаку глухости согласных — у сонорных и у глухих [ц], [ч'], [ш'], [х]: эти согласные могут выступать в разных фонетических позициях, сохраняя в них свои основные признаки и не совпадая в произношении с другими согласными.

§ 48. В этом отношении древнерусский язык ранних периодов его истории принципиально отличался от современного русского языка.

Как уже говорилось, до утраты редуцированных [ъ] и [ь] в древнерусском языке парные глухие-звонкие (как и непарные по этому признаку) не могли оказываться в абсолютном конце слова и в положении перед глухими или звонкими согласными. И поэтому они выступали или перед гласными, или перед сонорными согласными, т. е. в таких положениях, где глухость-звонкость различалась. Например, в древнерусском языке были та-

кие пары слов, как *шити — жити, родъ — рѣтъ* [рот], *кошьяка — ложьяка, сватьяба — городьяба, рогъ — рокъ, пйти — бити* и т. д. Иначе говоря, древнерусский язык не имел позиций, в которых мог выступать или только глухой, или только звонкий член той или иной пары глухих-звонких согласных. А это означает, что в раннем древнерусском языке парные глухие-звонкие не образуют пары в аллелополюсного ряда и что отношения между парными по признаку глухости-звонкости согласными ничем не отличались от отношений между непарными по этому признаку звуками.

§ 49. Возникновение соотносительного ряда глухих-звонких согласных и развитие принципиально новых отношений между ними связано с утратой редуцированных, т. е. с эпохой XII—XIII вв., когда создались условия появления согласных в абсолютном конце слова и в положении перед глухими-звонкими шумными (см. подробнее § 18).

Согласные твердые и мягкие

§ 50. Возникновение и развитие современного состава твердых и мягких согласных и современных отношений между ними связано со сложными процессами в истории русского языка и охватывает длительный исторический период.

В современном русском языке парные твердые-мягкие согласные образуют соотносительный ряд, т. е. эти согласные, как и парные глухие-звонкие, в одних позициях различаются, или противопоставляются друг другу, а в других — не различаются, не противопоставляются: в этих позициях выступает только один член той или иной пары. Соотносительный ряд парных твердых-мягких согласных современного русского языка может быть представлен в следующем виде:

Перед [а], [о], [у]	м м'	п п'	б б'	ф ф'	в в'	т т'	д д'	с с'	з з'	к к'	г г'	х х'	л л'	р р'	н н'
Перед [е]	м'	п'	б'	ф'	в'	т'	д'	с'	з'	к'	г'	х'	л'	р'	н'

Все парные твердые-мягкие согласные различаются в позициях перед [а], [о], [у] и [и] — [ы]. В позиции перед [е] выступает в основном только мягкий согласный. Правда, в современном русском языке, в связи с наличием некоторых заимствованных слов с твердым согласным перед [е] и в связи с развитием аббревиатур, положение согласных перед [е] начинает становиться таким, в котором твердость-мягкость также различается; ср., например, *сэр* и *сер* (серый), *мэр* и *мер* (а), *ЛЭП* и *леп* (ка), *пэр* и *пер* (ед), *СЭВ* и *сев* и т. д. Однако это явление остается пока на периферии языка и позиция перед [е] в целом сохраняется как позиция неразличения твердости-мягкости.

§ 51. В древнерусском языке раннего этапа его истории (приблизительно до середины XI в.) состав мягких согласных был ог-

раничен только исконно мягкими звуками. К ним относились шипящие [ш'], [ж'], [щ'], аффрикаты [ц'], [ч'], сонорные [л'], [р'], [н'] и свистящие [с'], [з']. Эти согласные называются исконно мягкими потому, что они как мягкие были унаследованы древнерусским языком от праславянского языка. Иначе говоря, эти согласные развились как мягкие в очень древний период истории славян, а не в истории самого древнерусского языка. Выше уже рассматривались те процессы, которые привели к появлению исконно мягких согласных в системе языка древних славян (см. § 36—40). Добавим к этому еще то, что мягкие [с'], [з'] появились в результате смягчения соответственно [х] и [г] (ср. древнерусские формы *послухъ* — «свидетель» и им. пад. множ. числа *послуси*, а также отношения *княгиня* — *князь*).

§ 52. В ранний период истории древнерусского языка звуки [ш'], [ж'], [ч'], [щ'], [ц'] выступали как самостоятельные мягкие согласные, непарные по признаку твердости-мягкости. Мягкие же сонорные и мягкие свистящие, отличаясь от соответствующих твердых только признаком мягкости, оказывались в парных отношениях с ними по признаку твердости-мягкости: [р] — [р'], [л] — [л'], [н] — [н'], [с] — [с'], [з] — [з']. В этом отношении древнерусский язык на первый взгляд ничем не отличается от современного языка, в котором тоже есть такие пары твердых-мягких согласных.

Однако в действительности здесь были глубокие различия, ибо в ранний период истории древнерусского языка твердые согласные, попадая в положение перед гласными переднего ряда, не смягчались, как это происходит с ними теперь перед [е], и, следовательно, не совпадали по качеству с мягкими согласными: в этих положениях твердые согласные становились своего рода средними между твердыми и мягкими. Значит, если в современном русском языке есть позиция перед [е], в которой твердость-мягкость не различается и в которой выступает только мягкий парный согласный, то в древнерусском языке раннего периода его истории позиций неразличения твердости-мягкости не было, а следовательно, древнерусские парные твердые-мягкие согласные не образовывали соответственного ряда.

§ 53. Дальнейшее движение в изменении состава и отношений между твердыми-мягкими согласными в истории русского языка было связано, во-первых, с увеличением состава мягких согласных и с возникновением позиций неразличения твердости-мягкости, во-вторых, с возникновением новых согласных [ф] и [ф'], в-третьих, с отвердением некоторых исконно мягких согласных. Эти процессы проходили в разное время и по-разному оказывали влияние на историю твердости-мягкости согласных.

§ 54. Самым ранним процессом, относящимся приблизительно к середине XI в., был процесс развития новых мягких согласных.

Твердые согласные перед гласными переднего ряда полностью смягчились, в результате чего в древнерусском языке появились новые мягкие согласные. К этим согласным относятся [п'], [б'], [в'], [м'], [т'], [д'], а также [с'], [з'], [л'], [н'], [р'], развившиеся из твердых перед гласными переднего ряда. Новые мягкие встали в парные отношения с твердыми согласными, т. е. в древнерусском языке возникли пары твердых-мягких согласных [п] — [п'], [б] — [б'], [в] — [в'], [м] — [м'], [т] — [т'], [д] — [д'], [с] — [с'], [з] — [з'], [л] — [л'], [н] — [н'], [р] — [р'].

§ 55. Однако еще более важно то, что в результате смягчения твердых перед гласными переднего ряда в этой позиции перестали различаться твердые и мягкие согласные: здесь стали выступать только мягкие согласные. В результате этого в древнерусском языке возник относительно новый ряд твердых-мягких согласных, характерный и для современного языка: парные твердые-мягкие в одних позициях различаются, а в других (теперь только перед [е]) не различаются. Например: *пора* — *заря*, но *поре* — *заре*.

§ 56. Что касается мягких [к'], [г'], [х'], то их история оказалась более сложной. В связи с тем что [к], [г], [х] исконно не выступали перед гласными переднего ряда, они не могли в языке восточных славян развить мягкость, как это случилось с другими твердыми согласными.

Появление смягченных [к, г, х] в древнерусском языке было связано, во-первых, с заимствованием из других древних языков слов с такими согласными. Например, в таких словах, как *киѣ*, *гигантѣ*, *хитонѣ*, пришедших к нам из греческого языка, были смягченные [к', г', х'], которые усваивались языком восточных славян. Однако в самом древнерусском языке сочетаний *ки*, *ги*, *хи* не было — на их месте выступали сочетания *кы*, *гы*, *хы*: *Кыевѣ*, *гыбѣль*, *хытрый*.

Во-вторых, смягченные заднеязычные могли возникать в самом древнерусском языке в результате выравнивания парадигм. Что это за явление? Рассмотрим пример. При склонении существительного *рука* во всех падежах основа оканчивалась на [к], а в дат. и предл. пад. един. числа — на [ц']: *рука* — *руки* — *руку* — *руками* — *рукахѣ*, но *руцѣ*, *на руцѣ*; под влиянием господствующих форм с [к] появляется *рукѣ* > *руке* со смягченным [к'] перед [ѣ]. Ср. в муж. роде: *рогѣ* — *рога* — *рогу* — *рогы*, но предл. пад. *розѣ*, откуда далее *рогѣ* > *роге*.

Позже у восточных славян происходит изменение *кы*, *гы*, *хы* в *ки*, *ги*, *хи*: *Кыевѣ* > *Киев*, *гыбѣль* > *гибѣль*, *хытрый* > *хитрый*, *руки* > *руки*, *ногы* > *ноги*, *сохы* > *сохи* и т. д. Таким образом мягкие [к'], [г'], [х'] появляются на самой древнерусской почве.

Но своеобразие судьбы этих мягких сказалось в том, что они с самого своего появления и почти до наших дней были воз-

можно только перед гласными переднего ряда [и] и [е] (из ѣ); перед другими гласными они не выступали. Иначе говоря, существовало строгое распределение: перед [а], [о], [у], а также до определенного времени перед [ъ] выступали твердые [к], [г], [х], а перед [и] и [е] (из ѣ) — мягкие [к'], [г'], [х']. Из этого правила было лишь одно исключение: в формах наст. времени глагола *ткать* [к'] выступал (и выступает) перед [о] — [тк'ош], [тк'от], [тк'ом], [тк'оте]. И только значительно позже в связи с притоком новых заимствований в русском языке мягкие [к'], [г'] стали возможны и перед [а], [у], [о]; ср., например, *Кяхта, гюр, маникюр, юре, гюрза, ликёр, Кёльн, Гёте*; ср. также редкие деепричастия *ткя* и *жгя*. Это обстоятельство и дает возможность говорить о парных твердых-мягких заднеязычных в современном языке.

Таким образом, когда в русском языке равно стали возможны [к] — [к'] и [г] — [г'] перед одними и теми же гласными (ср.: *кара* и *Кяхта, курица* и *маникюр, кури* и *Кюри, корка* и *ликёр, гам* и *гяур, гул* и *гюрза*), тогда эти пары твердых-мягких согласных встали в один ряд с остальными парными твердыми-мягкими.

§ 57. Процессы, связанные с появлением [ф] — [ф'], в древнерусском языке уже рассматривались выше [см. § 41]. К сказанному следует добавить только то, что в результате возникновения и становления [ф] — [ф'] как самостоятельных согласных в русском языке появилась еще одна пара твердых-мягких, вставшая в ряд с остальными парными по этому признаку согласными, хотя и здесь, как и в области заднеязычных, отношения несколько иные, чем между другими парными твердыми-мягкими, так как распространенность [ф] и особенно [ф'] в русском языке очень мала.

§ 58. Что касается непарных по твердости-мягкости согласных, то они, являясь по происхождению мягкими¹, в истории русского языка не все сохранили это свое качество [см. выше § 51]. Однако это обстоятельство не сыграло принципиальной роли в истории твердых-мягких согласных, так как и сохранившие исконную мягкость, и отвердевшие мягкие как были, так и остались непарными по признаку твердости-мягкости согласными.

Изменения коснулись лишь того, что первоначально эта группа непарных по твердости-мягкости согласных состояла только из мягких, а теперь она состоит как из мягких, так и из твердых согласных.

§ 59. Приводим сравнительную таблицу классификации согласных в современном русском и древнерусском языках. Прямым шрифтом обозначены звуки современного русского языка, а курсивом — древнерусского.

Мы не останавливаемся здесь на согласном [j], так как он не пережил существенных изменений в своей истории и поэтому его судьба не оказала влияния на историю твердых-мягких согласных.

Сравнительная таблица классификации согласных в современном и древнерусском языках

	Губные				Переднеязычные				Среднеязычные	Заднеязычные			
	твердые		мягкие		твердые		мягкие		мягкие	твердые		мягкие	
	глухие	звонкие	глухие	звонкие	глухие	звонкие	глухие	звонкие	звонкие	глухие	звонкие	глухие	звонкие
Смычные	п. п	б м б м	п'	б' м'	т т	д н д н	т''	д' н' н'		к к	г г	к'	г'
Аффрикаты					ц		ц' ч' ч'						
Щелевые	ф	в в	ф'	в'	с с ш.	з з ж л л	с' с' ш' ш'	з' з' ж' л' л'	й (j) й (j)	х х		х'	
Дрожащие						р р		р' р'					

§ 60. Мы рассмотрели основные фонетические явления, характеризующие состав и систему гласных и согласных современного русского языка в сравнении с составом и системой этих звуков в древнерусском языке. Такое внимание к фонетике объясняется тем, что очень многие и важные факты в лексике, морфологии, словообразовании, а также в орфографии современного языка находят свое объяснение в исторических процессах, происшедших в различные периоды длительного развития фонетической системы русского языка. Разобраться во всех таких фактах возможно только при условии достаточно полного представления об особенностях звуковой стороны русского языка, определяющих сходство и различия фонетических систем прошлых периодов его истории и в современном состоянии. Именно поэтому все предшествующее изложение строилось таким образом, чтобы, с одной стороны, сопоставляя древнерусские и современные фонетические явления, объяснить некоторые факты в современной фонетике, морфологии, словообразовании и лексике, а с другой — дать определенные общие представления о характере фонетической системы древнерусского и современного русского языка.

Вместе с тем в истории звуковой стороны русского языка прошли некоторые процессы, результаты которых в современном языке отражаются не как особенности собственно фонетической системы, а как факты иного характера. В одних случаях давние фонетические процессы привели к разрыву этимологических связей однокоренных слов и к появлению новых корней, а отсюда — и новых словообразовательных гнезд. К таким случаям можно отнести явления, связанные с отражением в современном русском языке результатов древних процессов упрощения групп согласных. В других случаях в языке образовались определенные группы лексики, характеризующиеся своеобразным фонетическим строением; в этих случаях можно говорить о лексико-фонетических фактах современного русского языка, т. е. о фонетических явлениях, характеризующих не саму звуковую систему, а лишь определенный круг слов. Это явление так называемого полногласия (и противопоставленного ему неполногласия). К рассмотрению этих явлений и необходимо теперь обратиться.

Упрощение групп согласных и разрыв этимологических связей родственных слов

§ 61. В результате действия закона открытого слога еще в праславянскую эпоху происходило упрощение групп согласных, что приводило к изменению структуры тех или иных слов. В современном русском языке такие, ранее родственные слова не обнаруживают ни словообразовательных, ни семантических связей друг с другом.

Рассмотрим эти явления.

§ 62. В праславянскую эпоху закон открытого слога (см. § 6) привел к упрощению сочетания [бв], что отразилось прежде всего в выпадении после приставки *об-* звука [в] в начале корня. В результате выпадения [в] образовались новые корни слов, т. е. произошло обогащение словарного состава языка. Так, например, при помощи приставки *об-* от существительного *воротъ* было образовано слово *об-воротъ*; в результате выпадения [в] появилось *оборот*, ставшее новым корневым словом. Точно так же от глагола *видѣти* при помощи приставки *об-* образовался глагол *об-видѣти* > *обидеть* (т. е. первоначально в значении «не желать видеть кого-либо»).

Древний корень *вѣт-* > *вет-* выступает в ряде однокорневых слов: *завет* (*завещание*), *ответ* (*ответить, отвечать*), *привет* (*приветствие*), *совет* (*совещание*). И от этого же корня при помощи приставки *об-* было образовано слово *об-вѣтъ*, из которого после выпадения [в] возникло уже нечленимое корневое слово *обет* (*обещание*).

От глагола с конкретным значением *вязати* при помощи приставки *об-* было образовано слово *об-вязати*, которое изменилось в *обязать*, развившее отвлеченное значение. От этого глагола, в свою очередь, образовалось гнездо слов: *обязывать(ся)*, *обязанность*, *обязательный*, *обязательство*, *обязательно*.

Древний корень *-вык-* участвует не только в таких образованиях, как *навык*, *привыкнуть*, *привычка*, *свыкнуться*, *отвыкнуть*, но и в образованиях *обыкновенный*, *обычай*, *обычный* (где произошло упрощение группы согласных [бв]).

Примечание. Корень *-вык-* (*-выч-*) является вариантом корня *-ук-* (*-уч-*); согласный [в] в *-вык-* приставочный, возникший потому, что у славян гласный [ы] не мог находиться в начале слова. Корень *-ук-* (*-уч-*) выступает в словах *наука*, *учить*, *неуч*, *учеба* и т. д. Чередование *ы // у*, которое наблюдается в этом корне, встречается и в других словах, например: *дыхание* — *дух*, *засыхать* — *засушить* и т. п.

Ниже приводится еще ряд образований с выпавшим корневым звуком [в] после приставки *об-*:

- об + вернуть(ся)* > *обернуть(ся)*, *обертываться*, *обертка*;
- об + витать* > *обитать*, *обитатель* (ср. выражение *витать в облаках* в значении «предаваться бесплодным фантазиям»);
- об + влако* > *облако* (ср. «Небо *обволакивают* тучи»);
- об + влад(еть)* > *обладать*;
- об + власть* > *область*;
- об + влачить(ся)* > *облачить(ся)*;
- об + вод* > *обод*;
- об + воз* > *обоз*;
- об + волочь* > *оболочка*;

об + *ворачивать(ся)* > *оборачивать(ся)*;
об + *вращение* > *обращение*.

Как известно, в современном русском языке есть слова с сочетанием [бв], в котором [б] относится к приставке *об-*, а [в] является начальным согласным корня: *обвязать, обвернуть, обвести, обвинить, обворожить, обводнение, обводной* и т. п. Но все эти слова возникли позже, когда сочетание [бв] стало возможно по законам фонетической системы русского языка.

§ 63. В тех случаях, когда исторические справки могут способствовать усвоению значения и орфографии трудных слов, целесообразно обратить внимание учащихся на характер изменений, происшедших в конкретном слове. Так, например, при помощи исторической справки легко предупредить типичную для учащихся ошибку в написании таких слов, как *обязать, обязательность, обязательство, обязательный* и т. п. Здесь необходимо объяснить, что имеющиеся в учебнике правила о написании разделительного твердого знака в словах с приставкой на согласную перед корневыми *я, е, ё, ю* в данном случае не применимы.

§ 64. Таким же древним процессом, как упрощение группы [бв], было выпадение согласных [б], [п], [д], [т], [г], [к] перед глагольным суффиксом *-ну-*, в результате чего в современном языке обнаруживается чередование этих согласных с нулем звука:

<i>гибель</i> — <i>сгинуть</i>	<i>шептать</i> — <i>шепнуть</i>
<i>загибать</i> — <i>загнуть</i>	<i>брызгать</i> — <i>брызнуть</i>
<i>капать</i> — <i>кануть</i>	<i>двигать</i> — <i>двинуть</i>
<i>спать</i> — <i>заснуть</i>	<i>дергать</i> — <i>дернуть</i>
<i>утопать</i> — <i>утонуть</i>	<i>трогать</i> — <i>тронуть</i>
<i>глядеть</i> — <i>глянуть</i>	<i>тягать</i> — <i>тянуть</i>
<i>кидать</i> — <i>кинуть</i>	<i>впрыскивать</i> — <i>впрыснуть</i>
<i>увядать</i> — <i>увянуть</i>	<i>плескать</i> — <i>плеснуть</i>
<i>блестеть</i> — <i>блеснуть</i>	<i>тискать</i> — <i>тиснуть</i>
	<i>трескаться</i> — <i>треснуть</i>

Выпадение взрывных перед суффиксом *-ну-* в современном русском языке необязательно; ср.: *воздвигать* — *воздвигнуть, достигать* — *достигнуть, ослабеть* — *ослабнуть, погибать* — *погибнуть, стучать* — *стукнуть; топать* — *топнуть* и др. Слова с сохранившимися сочетаниями согласных и с упрощением этих сочетаний разошлись или семантически (ср. *кануть* и *каннуть*), или стилистически (ср. *подвинуть* что-либо и *подвигнуть* на подвиг).

§ 65. В эпоху утраты редуцированных в древнерусском языке также прошли процессы упрощения групп согласных, вызвавшие различные результаты; иногда и в этот период возникал разрыв этимологических связей родственных слов, а иногда изменению подвергалась лишь морфологическая структура слова.

Можно привести следующие примеры образования новых корней:

берцовая (кость) — из *бедрьцевая*, ср. *бедро*;

гончар — из *гърньчаръ*, ср. *горн*;

кочегар — из *кочергаръ*, ср. *кочерга*;

чан — из *дъщанъ*, ср. *доска* (*дъщанъ* > *дищан* > *тищан* > *чан*);

(*ни*)*зги* — из *стыги*, ср. *стежка* (*стыга* > *стга* > *сга* > *зга*).

Проиллюстрируем некоторыми фактами упрощение морфологической структуры слов. Как известно, в современном языке *-л-* является глагольным суффиксом прошедшего времени: *писал* — *писала* — *писали*, *купил* — *купила* — *купили* и т. п. Однако этот суффикс сохраняется лишь в том случае, если ему предшествует или за ним следует гласный. Если же глагольная основа оканчивается на согласный, то суффикс *-л-* в форме мужского рода выпадает. Это явление также связано с утратой редуцированных, приведшей к образованию в конце этих глаголов группы согласных, подвергшейся упрощению:

везлъ > *везл* > *вез*

греблъ > *гребл* > *греб*

леглъ > *легл* > *лег*

неслъ > *несл* > *нес*

пеклъ > *пекл* > *пек*

терлъ > *терл* > *тер*

§ 66. Несколько по-иному осуществляются процессы изменения в двух группах согласных, которые также возникли после утраты редуцированных, но вызвали не исчезновение одного из согласных группы, а упрощение его артикуляции в результате расподобления (диссимиляции) с другими согласными. Речь идет о группах [чт] и [чн]. В связи с тем что [ч'] по своему образованию есть сочетание двух элементов — смычного [т] с фрикативным [ш'], расподобление с последующим [т] или [н] привело к утрате смычного элемента [ч']; это обусловило изменение сочетания [чт] в [шт], а [чн] — в [шн].

В современном языке по литературным нормам требуется произносить *что* как [што], *чтобы* как [штóбы], *кое-что* как *кое*[што], *конечно* как *коне*[шн]о, *скучно* как *ску*[шн]о и т. д. Однако, во-первых, произношение [чт] как [шт] не распространяется на книжное слово *нечто*, сохраняющее [чт]; во-вторых, в наши дни под влиянием орфографии широко распространяется произношение всех образований с *что* без изменения в [шт], и это становится вариантной нормой литературного языка. Само собой разумеется, что в словах с [чт], не относящихся к образованиям с *что*, это сочетание сохраняется: *почта*, *мечта*, *мачта*.

Сочетание [шн] на месте *чн* в современном литературном произношении сохраняется только в немногих словах (вроде *коне*[шн]о, *ску*[шн]о, *яи*[шн]ица), в ряде случаев допускается произношение и [шн], и [чн] (например, *було*[шн]ая и *було*[чн]ая; ср. еще стилистические различия: *моло*[шн]ая каша и *моло*[чн]ая железа, друг *серде*[шн]ый и *серде*[чн]ый приступ).

В большинстве же случаев сочетание *чн* сохраняется. Хотя в прошлом произношение [шн] на месте *чн* осуществлялось достаточно последовательно, оно не распространялось на книжные слова (типа *порочный, алчный, вечный*) и на те слова, в которых произношению [шн] мешала возможность возникновения омонимии (ср. *точный* и *тошный, научный* и *наушный*). Влияние аналогии (ср. произношение [чн] в *ночной*, потому что есть *ночь*, в *дачный* — потому что есть *дача*, в *начну* — потому что есть *начинать*, в *печной* — потому что есть *печь*) и орфографии постепенно вытесняло из литературного языка произношение [шн] на месте *чн*.

В поэзии XVIII—XIX вв. наблюдались колебания в произношении слов *конечно, нарочно, скучно*: судя по рифмам, они произносились и с [чн], и с [шн]. Например:

Упал вдругорядь — уж *нарочно!*
А хохот пуше: он и в третий, так же *точно*.
(Грибоедов «Горе от ума»)

Давно он знал ее *заочно*.
С его глазами *ненарочно*
Глазами встретилась она.
(Баратынский. «Цыганка»)

По дороге зимней, *скучной*
Тройка борзая бежит,
Колокольчик *однозвучный*
Утомительно гремит.
(Пушкин «Зимняя дорога».)

О древней верности, *конечно*,
Слыхали как-нибудь и вы!
Но как сказания молвы
Все дело перепортят *вечно*,
То я вам точный образец
Хочу представить наконец!
(Лермонтов. «Незабудка».)

Ну что ж, ей, может быть, единообразие *скучно*,
И муж на то-глядеть обязан *равнодушно*.
(Грибоедов. «Молодые супруги».)

«Не спится, няня: здесь так *душно!*
Открой окно да сядь ко мне!»
— «Что, Таня, что с тобой?» — «Мне *скучно...*»
(Пушкин. «Евгений Онегин».)

Вы отгадаете, *конечно*,
Кто этот гость неожиданный был.

Немного, может быть, *поспешно*
Любовник смелый поступил.

(Лермонтов. «Тамбовская казначейша».)

Надо иметь в виду, что произношение *чи* как [шн] в ряде случаев закрепилось в орфографии, например: *двурушник*, *Столешников* (переулоч), фамилии *Свешников*, *Прянишников*, *Шапошников* и т. д. Колебания в орфографии таких слов известны по литературе XIX в., например: «Давно известны коломенские фабрики, *кумашные*, полотняные, шелковые...» (Карамзин. «Вокруг Москвы»); «И, наконец, в *мушном* ларе открыто заседание.. (Крылов. «Совет мышей»); «Под этими атласными веками, окруженными легкой *коришневой* тенью...» (Лермонтов. «Вадим»); «И *скушно* и грустно, и некому руку подать...» (Лермонтов).

ПОЛНОГЛАСИЕ

§ 67. Характерной звуковой особенностью русского языка является **п о л н о г л а с и е**, которое проявляется в том, что в исконно русских, по происхождению общеславянских словах (в древности и в настоящее время) выступают сочетания *оло* (*ело*), *оро*, *ере* между согласными в корнях слов (и в некоторых приставках). Например: *голова*, *город*, *борода*, *дерево*, *береза*, *перевод*.

Вместе с тем почти каждому русскому слову с полногласием можно найти соответствующее однокоренное слово со старославянским неполногласным сочетанием *ла*, *ра*, *ре* (ср. *глава*, *град*, *брада*, *древо*, *пре-*); русским словам со звуко сочетанием *оло* (*ело*) соответствуют еще и старославянские слова с неполногласным сочетанием *ле* (ср. *волочить* — *увлекать*, *молоко* — *млечный* (путь); *шелом* — *шлем*)¹.

Следовательно, по происхождению в современном русском языке слова с неполногласными сочетаниями являются старославянскими, однако многие из них в процессе исторического развития прочно вошли в русский язык, первоначально главным образом через церковные книги. Обычно заимствованные из старославянского языка слова с неполногласием носят более отвлеченный, книжный характер, чем соответствующие им исконно русские слова, ср.: *гражданин* (страны) и *горожанин*; *верный*

Несколько похожее явление наблюдается в русском языке в ряде слов с начальными сочетаниями *ра*, *ла* и *ро*, *ло*, представляющими собой развитие одних и тех же сочетаний праславянского языка у южных и восточных славян. Здесь мы также сталкиваемся с парами слов, из которых одно — с начальным сочетанием *ра* или *ла* — является старославянизмом в русском языке, а другое — с начальным *ро* или *ло* — исконно восточнославянским словом. Так, ст.-слав *равный* — др.-русск *ровный*, ст.-слав *ладья* — др.-русск *лодка*, ст.-слав приставка *раз-*(*рас-*) — др.-русск *роз-*(*рос-*), ср. совр. *розлив*, *рѳпись* при *разливать*, *расписка*.

страж (отчизны) и *сторож*; *влачить* (жалкое существование) и *волочить* (ноги) и т. п.

В поэтической речи XIX в. были распространены неполногласные формы, носившие отпечаток высокаторжественного стиля и в обычной речи не встречавшиеся. Так, например, в известных строках поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» старославянские неполногласные формы придают стиху торжественность и патетическую интонацию:

Прошло сто лет, и юный *град*,
Полнощных *стран* краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи *блат*
Вознесся пышно, горделиво...

Некоторые неполногласные формы сохранились во фразеологизмах современного русского языка; ср., например, *глас* вопиющего в пустыне (напрасный призыв к чему-либо), начать за *здравие*, а кончить за упокой, от *младых* ногтей (с детства, с юных лет), кипеть *млеком* и медом (иметь изобилие, богатство).

§ 68. Проникнув в русский язык из старославянского, слова с неполногласными сочетаниями вступили в контакт с соответствующими русскими словами с полногласием. Результаты взаимодействия русских и старославянских слов оказались различными, причем в одних случаях сохранились оба слова, в других же — одно слово осталось в языке, а второе утратилось.

Некоторые неполногласные формы оказались настолько активными, что полностью вытеснили старые русские формы с полногласием. Так, например, вместо исконно русских *веремя*, *веред*, *ворог*, *хоробрый*, *солодкий*, *норов*, *сором* в современном русском языке употребляются старославянские по происхождению *время*, *вред*, *враг*, *сладкий*, *нрав*, *срам* (ср. сохранившееся в диалектах *веред* в значении «болячка», производное *ворожба*, половицу «Что ни город, то *норов*», спец. *солод*).

Когда язык сохранял оба слова, происходило их лексическое или стилистическое размежевание, т. е. старославянское и соответствующее ему русское слово закреплялись в разных значениях или с разными стилистическими оттенками. Так, например, произошло со словами: *прах* и *порох*, *страна* и *сторона*, *власть* и *волость*, *глас* и *голос*, *страж* и *сторож* и т. п.

§ 69. Можно наметить три основные группы наиболее употребительных слов с полногласными и неполногласными сочетаниями в современном русском языке.

1 группа. Исторически однокорневые полногласные и неполногласные формы, существующие в современном русском языке параллельно. Для этой группы слов характерны:

а) семантический распад одинаковых по происхождению корней;

б) разнородное стилистическое употребление.

Слова с полногласными звукосочетаниями	Соотносительные слова с неполногласными звукосочетаниями
<p>берег, береговой, набережная, беречь, бережливый, оберегать, сберегать, сберегательная (касса) волочить, проволока, наволочка, волокита ворожба, ворожить ворот, воротник, поворот, изворотливый, бесповоротный, ворочаться</p> <p>ворота, подворотня</p> <p>голова, головной, головоломка, головокружение, головастик, заголовоч</p> <p>голос, голосовой, голосистый, голосование</p> <p>город, городской, иногородний, междугородный, горожанин, пригород, пригородный, загородный</p> <p>городить, отгородить, огород дерево, деревянный, деревенеть, деревообрабатывающий дорогой, дороговизна, дорогостоящий, дорожить жеребьевка полонить, заполнить</p> <p>здоровый, здоровье, оздоровительный</p> <p>золото, золотой, золотить короткий, укоротить, коротать</p> <p>молодежь, молодой, молодость, молодеть, молодецкий молоко; молочный, молочник морочить, обмороч</p> <p>норовить, норовистый</p> <p>оболочка оборона, оборонный, оборонять, обороноспособность, оборонительный оборот, оборотень, наоборот, оборотистый ошеломить, ошеломляющий (ср. устар. и народно-поэт. шелом) пере- (приставка): передать, переступить, перегородить и т. д. перед, передний, передник, передовик, передовица, передовой, опередить, вперед перечить, поперек, поперечный</p>	<p>безбрежный, прибрежный, небрежный, пренебрежение, пренебречь влачить, завлекать, извлекать, привлекать, развлекать враг, вражда, враждовать возврат, возвратить, возвращение, вращать, вращательный, извращение, превращать, отвратительный, отвращение вратарь, врата (науки), привратник</p> <p>глава, главенство, главный, главарь, заглавие, заглавный, возглавить</p> <p>возглас, приглашение, соглашение, гласный, согласный градостроительство, гражданин, гражданство, наградить (первоначально: наградить городом), Волгоград, Ленинград ограда, ограждать, ограждение древесный, древесина, древносаждение, древко драгоценный, драгоценность</p> <p>жребий плен, пленный, пленник, пленительный</p> <p>здравый, здравствовать, здравница, здравоохранение златолюбие, златокудрый краткий, прекратить, прекращать, сократить, сокращение, вкратце младенец, младенческий, младший (ср. выражение и стар и млад) Млечный путь, млекопитающее мрак, мрачный, омрачать, мракобесие нрав, нравиться, нравственный, нравственность облако, облачко брань, бранить, перебранка</p> <p>обратить, обращать, обращение</p> <p>шлем, нашлемник</p> <p>пре- (приставка): предать, преступный, преградить и т. д. пред- (приставка): предсказать, предрассветный, предвестник; прежде, прежний, предок прекословить, упрекать, вопреки</p>

Слова с полногласными звукосочетаниями	Соотносительные слова с неполногласными звукосочетаниями
<p><i>полотно, полотняный, полотнище</i> <i>полотёнце</i> <i>порожний, порожняк</i> <i>порох, пороша, запорошить; по- рошок</i> <i>привередливый, привередничать</i></p> <p><i>середина, середняк</i></p> <p><i>смородина (по сильному терпкому запаху)</i> <i>солод, солодовый (спец)</i></p> <p><i>сторож, сторожить, сторожка, осторожный, предосторожность</i> <i>сторона, сторониться, посторонний</i></p> <p><i>теребить</i></p> <p><i>холод, холодный, холодец, холо- дильник, холодить, похолодеть</i> <i>хоромы</i> <i>хоронить, похороны</i></p> <p><i>чередование, очередь, очередной, поочередно</i> <i>через, череспосолица, чересседель- ник, чересчур</i></p>	<p><i>платок, платье, платяной, заплата</i></p> <p><i>праздный, праздник, упразднить</i> <i>прах (ср в пух и прах)</i></p> <p><i>вредный, вредить, вредитель, вре- дительство</i> <i>посреди, среда, посредственный, по- средник, средний, средоточие</i> <i>смрад, смрадный</i></p> <p><i>сладкий, сладость, сласти, насла- диться, наслаждение</i> <i>страж, стража</i></p> <p><i>страна, странник, странствовать, пространство, распространять, ино- странный</i> <i>требовать, потребности, употреб- лять, потреблять</i> <i>охладить, хладнокровие, прохлада, прохладный</i> <i>храм</i> <i>хранить, охрана, сохранить, хра- нилище, предохранять</i> <i>учредить, учреждение</i></p> <p><i>чрезвычайный, чрезмерный</i></p>

2 группа. Слова, выступающие в русском литературном языке только с полногласными сочетаниями, неполногласные варианты полностью утрачены:

береза, березняк, береста, берестяной, подберезовик;

болото, болотистый, болотный;

борода, бородавка, бородатый, бородач, подбородок (ср. устар. брадобрей в знач. «парикмахер»);

борозда, бороздить, бороздчатый (ср. выражение борозды правления);

борона, боронить, бороновать;

вереск (вечнозеленый кустарник), вересковый;

веретено;

волос, волосатый, волосок, волосяной (ср. устар. власяница — «грубая одежда из волос»);

воробей, воробьиный, воробушек (воробышек);

*ворон, ворона, воронье, вороний, вороненый, воронить, во-
роной;*

ворох, ворошить;

голод, голодать, голодный, голодовка;

горох, гороховый, горошек, горошина;
долото, долотный;
дорога, дорожка, бездорожье, дорожный, подорожник;
желоб, желобок, желобчатый;
жеребец, жеребенок, жеребячий;
колода, колодка, колодочный;
колодец, колодезный;
колокол, колокольный, колокольня, колокольчик;
колос, колосистый, колоситься, колосья;
колотить, колотушка;
короб, коробейник, коробить, коробка, коробок;
корова, коровий, коровник;
коростель;
мережа (рыболовецкая сеть), мережка (род вышивки);
молот, молоток, молотобоец;
молотить, молотый, молотьяба;
мороз, морозить, морозный, изморозь, мороженое;
моросить, изморось;
ожерелье, ожерельице;
окорок, окорочный;
папоротник, папоротниковый;
перепел, перепелиный, перепелка;
переполох, всполошиться, чертополох;
полозья;
полоса, полосатый, полоска, полосовать, полосовой;
полоскать, полоскательница;
полоть, выполоть;
порог, порожек, порожистый, запорожец;
поросенок, порослячий;
сковорода, сковородник;
соловей, соловьиный, соловеть, осоловеть;
солома, соломенный, соломинка;
сорочка, сорочий;
стеречь, предостеречь, предостережение;
тетерев, тетеревиный;
толочь, толокно;
торопить, оторопеть, оторопь, расторопный, торопыга;
хворост, хворостина;
холостой, холостяк, выхолощенный.

Г р у п п а. Слова, которые в русском литературном языке выступают только с неполногласными сочетаниями; соответствующие им полногласные варианты полностью отсутствуют:

благо, блаженство, блажь (чаще в сложных словах: *благодарить, благозвучный, благоразумный, благородный*); полногласие сохранилось лишь в названии станции *Бологое*, утратившем смысловые связи с *благо*;

влага, влажность, влажный (полногласие сохранилось лишь

в названии города *Вологда*, тоже не обнаруживающем смысловых связей с *влага*);

владеть, владыка, власть, властный, обладать, область. Владимир (в уменьшительном образовании *Володя* сохраняется полногласие);

время, временный, времянка, современный, современник; глагол, глагольный, глагольность;

зрачок, призрак, призрачный, прозрачный, невзрачный;

мрамор, мраморный;

пламя, пламенный, воспламенять (ср. выражение «Из огня да в полымя», в котором сохраняется видоизмененное др.-русск. *поломя*);

претить, воспретить, запретить, запрещение;

срам, срамить;

храбрый, храбрость, храбриться;

член, членить, членский, вычленение;

чрево, чреватый, чревоугодник.

§ 70. Внимание к словам с полногласием и неполногласием не только будет способствовать успешному проведению словарно-стилистической работы в школе, но и, безусловно, повысит орфографическую грамотность учащихся. Именно поэтому выше были даны по возможности исчерпывающие списки слов с полногласием и неполногласием. Узнав, что слова типа *ворона, воробей, корова, поросенок, соловей, хворостина, укоротить, проволока, наволочка* и др. относятся к словам с полногласными сочетаниями, учащиеся легче усвоят их написание. То же относится и к словам с неполногласием типа *отвлекать, увлекать, привлекать, сокращать, сокращение, отвращение* и т. п., орфографическая трудность которых — в написании безударных гласных.

СИСТЕМА БЕЗУДАРНЫХ ГЛАСНЫХ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ОРФОГРАФИЯ

§ 71. В заключение целесообразно остановиться на одном явлении в истории звуковой стороны русского языка, важном не только потому, что развитие этого явления определило общий характер фонетической системы русского литературного языка в области гласных, но и потому, что оно оказало определенное влияние на орфографию ряда русских слов. Речь идет об изменениях в произношении безударных гласных.

§ 72. Исконно в древнерусском языке все гласные выступали в одном и том же качестве как в слоге под ударением, так и в безударных слогах. Иначе говоря, древнерусский язык не знал ослабления, или редукции, безударных гласных, какое знает современный русский литературный язык.

§ 73. В современном литературном языке гласные [а], [о] и [е], попадая в безударное положение, ослабляются (редуцируются) и изменяют свое качество, причем это изменение приводит к тому, что после твердых согласных [а] и [о], а после мягких — [о], [а] и [е] совпадают в одном звуке. В первом предударном слоге после твердых согласных вместо [а] и [о] произносится краткий звук [а] (в транскрипции его обозначают так называемой «крышечкой» — [л]), а вместо [а], [о] и [е] после мягких — гласный [и°], звук, промежуточный между [и] и [е]. Например, под ударением [дам] — [дом], но в первом предударном одинаково [дл^{а́}] — [дл^{ма́}]; под ударением [п'а́тый], [в'ол], [л'ес] (*пяты́й, вѐл, лес*), но в первом предударном одинаково [п'и°то́к], [в'и°ла́], [л'и°со́к] (*пято́к, вела, лесок*). В других безударных слогах после твердых вместо [а] и [о] произносится очень краткий слабый звук, который обозначается знаком [ъ], а после мягких согласных вместо [а], [о], [е] — такой же краткий звук, обозначаемый знаком [ь]. Например: [тра́вы] — [дом], но одинаково [тръв'и°нби́] — [дъмлвби́]; [п'а́тыи] — [пч'обы́] — [в'ек], но одинаково [п'ьтлч'о́к] — [пч'ьлвбóт] — [в'ьклавби́].

§ 74. Редукция безударных гласных и их совпадение в одном звуке называется аканьем (в отличие от оканья — сохранения безударных гласных без изменения их качества по сравнению с ударными).

Аканье возникло в русском языке относительно поздно, приблизительно в XIII в., и охватило первоначально южнорусские территории, а затем продвинулось на запад и на север, северо-запад (северная граница аканья проходит теперь в районе г. Загорска Московской области). Важно учесть, что, став нормой русского литературного произношения, аканье все больше укрепляет свои позиции и проникает в те говоры, которые прежде этого явления не знали.

§ 75. Однако акающее произношение литературного языка не находит отражения на письме: русская орфография является, так сказать, «окающей» — мы пишем не так, как говорим, сохраняя написание одних и тех же букв для обозначения ударных и соответствующих им безударных гласных звуков. Иначе говоря, мы пишем и произносим *дом, дал*, но пишем *дома́, дала́* при произношении [дл^{ма́}], [дл^{ла́}], пишем и произносим *пять, лес*, но пишем *пяти, лесок* при произношении [п'и°т'и́], [л'и°со́к] и т. д. Подобные факты связаны с основным принципом русской орфографии, согласно которому значимые части слов пишутся всегда одинаково, независимо от их произношения.

Следовательно, современная русская орфография в этой своей стороне не отражает произношения, и поэтому правописание безударных гласных представляет значительные трудности. Вместе с тем целесообразно знать, что в написание ряда слов проникло акающее произношение, которое закрепилось в орфографии.

И поэтому только специальный анализ позволяет установить этимологический звуковой состав таких слов.

§ 76. Изучая правописание безударных гласных, следует иметь в виду те факты, которые связаны с отражением в нем исторических изменений орфографии под влиянием акающего произношения. В этом плане особенно важны в силу своей распространенности в языке следующие слова, в которых написание безударной буквы *а* появилось под влиянием аканья:

ахинёя (восходит к *охинея*, производному от *хинить* — «бранить, хаять» с приставкой *о-*; *хинить* — от *хинь* — «вздор, чепуха»);

балаболка (восходит к *болболка*, из праслав. *болбола, в котором сочетание *ол* > *оло*; *бол — это звукоподражательный корень, как *гол в *голголь > *глагол* — «речь, слово»);

балагур (восходит к *балогур*, произведенному с помощью соединительной гласной *о* от *бал*- (ср. укр. *балакати* — «говорить», бел. *бал* — «разговор») + *гур* (ср. диал. *гуркати* — «рассказывать»);

баламут (восходит к *баломут*, произведенному с помощью соединительной гласной *о* от *бал*- (см. *балагур*) и *муть* (ср. *возмутить*);

баран (восходит к *боран*, с тем же корнем, что *боров*);

барсук (восходит к *борсук*, заимствованному из казахского языка);

байн (восходит к *бян*, являющемуся переосмыслением собственного имени *Боян*, известного по «Слову о полку Игореве»);

ватрушка (восходит к *вотрожька*, которое в свою очередь — результат метатезы *творожька*; кроме метатезы, в образовании современного слова сыграло свою роль влияние слов на *-ушка*);

галдеть (восходит к *голдеть*, образованному от *голда* — «крик», «шум», которое произведено с суффиксом *-да* от звукоподражательного корня *гол*, см. *балаболка*);

забота (восходит к *зобота*, производному от *зобаться* — «заботиться, хлопотать», последнее от *зобь* — «пища, еда», ср. *зоб*);

завтракать (восходит к *заутрокъ*, производному от *заутра* — «завтра» + суффикс *-къ* > *-ок*);

закавыка (восходит к *заковыка*, производному с приставкой *за-* от *ковыка* — «запинка, помеха», образованному от *ковъ* — «оковы, пути», ср. *ковать*);

кавычка (восходит к *ковычка*, см. *закавыка*);

калач (восходит к *колач*, производному с суффиксом *-ач* от *коло* — «колесо», ср. *около*, *кольцо*);

каравай (восходит к *коровай*, производному с суффиксом *-ай* от *корова*);

карактица (восходит к *корокатица*, производному с суффиксом *-ица* от *корокать*, последнее — от *корокъ* — «нога», ср. *окорок*);

карануз (восходит к сложному слову, образованному с по-

мощью соединительной гласной *о* от *коротый* — «короткий» и *пузо*: *коротопуз*; в результате выпадения слога — *коропуз*);

кара́чки (восходит к *корочки*, см. *каракатица*; на звуковом облике слова сказалось и влияние глагола *укорачивать*);

карма́н (восходит к *корман*, заимствованному из тюркских языков);

крапи́ва (восходит к *кропива*, которое является результатом метатезы *коприва*, производного от *копръ* — «анис, укроп»);

ладо́нь (восходит к *лодонь*, являющемуся результатом метатезы *долонь*, ср. ст.-слав. *длань*);

лапта́ (восходит к *лопта*, производному от *лоп-*; тот же корень в *лопата*, *лопух*);

махро́вый (восходит к *мохровый*, производному от *мохра*, образованному с суффиксом *-ра* от *мох*);

пала́та (восходит к *полата*, заимствованному из греч. языка);

па́ром (восходит к *пором*, производному от *переть* — «идти, ехать», с чередованием *е* // *о*);

перламу́тр (восходит к *перломутр*, являющемуся передачей с соединительной гласной *о* немецкого *Perlmutter*);

славя́не (восходит к *словѣне*, производному от *слово*);

тарака́н (восходит к *торокан*, заимствованному из тюркских языков);

чехарда́ (восходит к *чехорда*, производному с суффиксом *-да* от *чехор* — «драчун, забияка»)

§ 77. До сих пор речь шла об отражении на письме фактов изменения безударных гласных после твердых согласных. Однако в русской орфографии есть и примеры закрепления на письме неэтимологических написаний, связанных с изменением безударных гласных после мягких согласных. К таким фактам относятся прежде всего следующие:

Написание *и* вместо *е*

двѣсти (восходит к *двѣстѣ*, сложению форм двойств. числа *дѣвѣ* и *стѣтѣ*);

дитя́ (восходит к *дѣтя*, ср. *дети* < *дѣти*);

мизине́ц (восходит к *мѣзиньць*, производному от *мѣзиный* — «маленький»);

сви́репый (восходит к *сверѣпый*, производному с суффиксом *-ѣп-* от основы *свер-* — «дикий, тяжелый»);

цинко́вка (восходит к *ценовка*, производному от *ценовать*, образованному от диал. *цен* — «ряд, порядок»).

Написание *е* вместо *я* (*а*)

десна́ (восходит к *дясна* и далее — к *дасна*, с корнем **dent-*; ср. *дангист*);

егоза́ (восходит к *ягоза*, производному с суффиксом *-оза* от диал. *ягать* — «кричать, шуметь»);

лебе́дь (восходит к *лебядь*, ср. *лебяжий*);

ресница (восходит к *рясница*, производному от *рясный* — «частый, крупный», образованному от *ряса* — «подвеска», с тем же корнем, что и *ряд*).

Таким образом, аканье как фонетическое явление современного русского литературного языка, не получая прямого отражения в орфографии, тем не менее обнаруживает себя в ряде закрепившихся написаний слов, и поэтому проверять правописание безударного гласного в таких словах путем сопоставления их с родственными, в которых этот гласный стоит под ударением, нельзя.

§ 78. В разделе «Фонетика» подробно показано, как постепенно развивались и совершенствовались речевые средства русского языка, как изменялись или исчезали некоторые фонемы, как появлялись новые фонемы.

Следует указать учащимся на то, что в школьном учебнике русского языка большое внимание уделено разграничению звуков и букв, недаром раздел в учебнике назван «Фонетика и графика».

В первую очередь изучаются звуки речи, так как звуковая, устная речь первична. Она появилась с незапамятных времен, ее возникновение связано с происхождением человека. Именно в звуках материально овеществляется язык. Если бы слова не существовали в виде сочетаний звуков, язык не мог бы выполнять свою основную функцию — быть важнейшим средством человеческого общения.

Письменная речь, как известно, появилась несравненно позже как средство фиксации устной речи при помощи начертательных знаков (букв).

В отличие от древнерусского языка, в современном языке часты случаи расхождений между звучащей речью и ее фиксацией на письме. Ср., например, произношение таких слов, как *сегодня*, *вода*, *пруд*, *белого*, *жизнь*, *цирк*, *широкий* и т. п.

Глубокое и осознанное изучение фонетики безусловно, будет содействовать повышению орфографической грамотности учащихся.

§ 79. При изучении фонетики рекомендуется уделить особое внимание темам, которые непосредственно связаны с правописанием. Речь идет прежде всего о редукции безударных гласных, которая является причиной устойчивых орфографических ошибок. Большое место в изучении звуковой системы языка занимают различные чередования звуков, которые возникли в разное время и часто связаны с различением смысла и формы слов, ср. *вести* — *водить*, *гореть* — *загар*, *беру* — *брат* — *собор* — *собирать* и т. д. Особенно распространено чередование *о* — *а* в глагольных формах совершенного и несовершенного вида¹: *смотреть* — *высма-*

То же относится к глаголам с безударными гласными в корнях *-лаг-* — *-лож-* и *-кас-* — *-коб-*, например: *касаться*, *излагать*, *предлагать* (несоверш. вид); *коснуться*, *изложить*, *предложить* (соверш. вид)

ривать, копать — выкапывать, выскочить — выскакивать и т. п. Вызывают интерес чередования *ы — ов — ав* (типа *плыть — пловец — плавать*); *у (ю) — ов (ев)* (типа *ковать — кую, плевать — плюю*). Исторически эти чередования связаны с законом открытых слогов.

§ 80. Особого рассмотрения заслуживают чередования согласных звуков. В школьном учебнике для IV класса дана краткая таблица чередований звуков в современном литературном русском языке. Однако с этим явлением учащиеся встречаются на протяжении всего школьного курса русского языка, так как словоизменение и словообразование часто сопровождаются чередованиями.

Необходимо уяснить сущность чередований, которые характерны не только для современного и древнерусского языка, но и для многих других языков.

Источником чередований являются позиционные изменения звуков. Иными словами: чередования возникали в строго определенных фонетических условиях в зависимости от положения какого-либо звука по отношению к другому. Возникнув в глубокой древности и будучи неоднородными по своему происхождению, многие чередования звуков на протяжении своей истории претерпели различные изменения. И главное изменение их в том, что из явления фонетического характера чередования звуков превратились в факт морфологии: в современном русском языке чередования, не обусловленные фонетическими позициями, играют роль дополнительного средства при словоизменении и словообразовании.

Так, например, современному русскому языку известны чередования *к // ч, г // ж, х // ш*: *река — речка, нога — ножка, рубаша — рубашка*. Но ведь известно, что в истории языка *к, г, х* изменились в *ч, ж, ш* лишь в определенных позициях, а именно перед гласными переднего ряда и *j*. В современных словах с чередованиями *к // ч, г // ж, х // ш* таких позиций нет. Чем же объяснить появление таких чередований?

Дело в том, что в древнерусском языке суффикс существительных *-к(а)* имел вид *-ьк(а)*: *речька, ножька, рубашька*. Следовательно, *к, г, х* изменились в *ч, ж, ш* перед гласным переднего ряда *ь*, т. е. появление чередований этих согласных в приведенных словах было фонетически оправдано. В дальнейшем *ь* в слабой позиции исчез, а чередования сохранились и, потеряв позиционную обусловленность, стали характеризовать образование существительных с суффиксом *-к(а)*. Поэтому те же самые чередования обнаруживаются и во вновь образованных подобных существительных, в таких, которых не было в древнерусском языке: *бумага — бумажка, интрига — интрижка, клубника — клубничка, физик — физический*.

В древнерусском языке был суффикс *-ькъ*, который по фонетическим законам должен был преобразоваться и преобразовался в

-ек: *орехъ* — *орешкъ* > *орешек*. Однако под ударением перед твердым согласным [e] изменилось в [o]: *день* — *денёк*, *стебель* — *стебелёк*, *пай* — *паёк*, и точно так же после шипящих: *дружок*, *бережок*, *флажок*, *кулачок*, *пяточок*, *смешок* и т. п. Так оказалось, что согласные *г*, *к*, *х* чередуются с шипящими не перед гласными переднего ряда, а перед [o].

Еще пример. В современном русском языке часты случаи чередования заднеязычных согласных *г*, *к*, *х* с шипящими *ж*, *ч*, *ш* перед суффиксом прилагательных *-н-*: *рука* — *ручной*, *нога* — *ножной*, *страх* — *страшный*. Это явление можно легко объяснить, если учесть, что суффикс *-н-* в древнерусском языке имел вид *-ьн-*. Редуцированный *ь* в слабой позиции исчез, а чередование сохранилось.

Особенно интенсивно происходит чередование звуков в глагольных формах и образованиях. Учащиеся под руководством учителя могут сами подобрать различные примеры, выделив чередующиеся в словах звуки: *искать* — *ищу*, *упростить* — *упрощать*, *ответить* — *отвечать*, *водить* — *вожу*, *приносить* — *приношение* и т. п.

Следует особо подчеркнуть, что чередования согласных наблюдаются только на границе морфем, т. е. там, где корень стыкуется с суффиксом или суффикс — с окончанием.

МОРФОЛОГИЯ

§ 81. Современная русская система форм словоизменения является результатом длительного исторического развития. В ней обнаруживается целый ряд явлений, которые могут быть поняты и объяснены лишь при условии учета исторических процессов в развитии морфологического строя древнерусского языка. Исторического комментария требуют формы всех частей речи современного русского языка, хотя не все из них в одинаковой мере подверглись изменениям в истории: одни части речи пережили существенные изменения, потеряв ряд форм или изменив их облик, или развив новые формы; другие же сохранили во многом ту систему форм, какая была свойственна им и в прошлом. Кроме того, надо иметь в виду и то, что формы слов существуют не сами по себе и не сами для себя, а для выражения определенного значения, и поэтому изменение формы связано с изменением значения, которое ею выражается.

§ 82. Развитие морфологической системы русского языка от древнейших эпох до нашего времени определяется процессами унификации форм, процессами упрощения системы форм словоизменения, причем упрощения, осуществлявшегося путем объединения ранее различных групп слов по формам их изменения в одну группу. Это процессы, связанные с усилением абстрактности грамматических форм, когда слова, имеющие совершенно разное лексическое значение, с точки зрения образования форм относятся к одному и тому же классу.

Унификация связана, кроме того, с утратой многообразия форм одной части речи, с упрощением всей системы форм, с потерей различных форм, что обуславливается передачей выражения определенных значений другим, сохраняющимся в языке формам.

Названные общие процессы получили различное конкретное воплощение в истории форм словоизменения различных частей речи, и прежде всего в истории форм имен существительных.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 83. Система форм словоизменения имен существительных, характеризующая современный русский язык, сложилась в результате преобразования системы этих форм, когда-то существовавшей в древнерусском языке.

В древнейшую эпоху истории русского языка имена существительные имели те же грамматические категории, что и теперь (за исключением категории одушевленности-неодушевленности), т. е. они относились к мужскому, женскому или среднему роду, изменялись по числам и склонялись. Однако и в родовой принадлежности, и в изменениях по числам, и в характере падежных форм древнерусские существительные имели ряд особенностей, которые определяли во многом иную, по сравнению с современной, систему словоизменения этой части речи.

Род существительных

§ 84. Наиболее устойчивой, сохранившейся с XI в. до настоящего времени, явилась отнесенность существительных к одному из трех родов.

В современном русском языке род существительных, в первую очередь, различается морфологически (по окончанию им. пад. един. числа) и синтаксически (по согласованию). Но одних формальных признаков недостаточно, так как категория рода часто является также смысловой категорией. Вот почему при определении рода одушевленных существительных лексическое значение является главным признаком. Например, существительные *дедушка, дядя, воевода, юноша, сынишка, подмастерье, рантье* и др. по соотношению с реальным полом, независимо от характера окончаний и основ, являются словами мужского рода.

В названиях животных выражение грамматического рода крайне несистематично. Так, у названий многих животных, имеющих хозяйственное значение, у названий крупных диких животных реальные различия по полу обозначаются разными словами или словами с разными суффиксами (*бык — корова, петух — курица, жеребец — кобыла; волк — волчица, слон — слониха, лев — львица*). Но в подавляющем большинстве случаев наименования животных принадлежат к одному какому-либо роду и различий по полу не отражают (*носорог, ястреб, осетр; белка, кукушка, мышь, щука*).

Принадлежность неодушевленных существительных к роду обычно определяется не по лексическому значению, а только по морфологическим и синтаксическим признакам.

Род заимствованных несклоняемых существительных определяется различными правилами. Так, несклоняемые существительные, обозначающие лиц мужского и женского пола, относятся к соответствующему роду (например, *военный аташе, благородная леди*); несклоняемые одушевленные существительные, обозначающие животных, обычно относятся к мужскому роду (например, *ловкий шимпанзе, яркий фламинго*); однако, если подчеркивается, что речь идет о самке, то женский род обозначается синтак-

сическим способом (например, *Шимпанзе родила* детеныша, *Маленькая кенгуру* поскакала в лес).

Имеются случаи колебания в грамматическом роде (например, *скирд* — *скирда*, *клавиш* — *клавиша* и некоторые другие). Замечено, что чаще всего при колебании форм мужского и женского рода побеждает форма мужского рода¹.

Пестрота, нестройность и даже колебания в определении грамматического рода существительных объясняются тем, что категория рода отражает в языке не современное мышление, а мышление людей весьма далеких эпох. Поэтому связь между значением неодушевленных существительных и их грамматическим родом в настоящее время нами уже не осознается.

§ 85. В целом распределение древнерусских существительных по родам совпадает с их современным распределением, хотя в некоторых случаях в истории языка произошло перераспределение; например, слова *перстень*, *лебедь*, *гусь* в древнерусском языке относились к женскому роду, а *печать*, *гортань*, *степень* — к мужскому роду. Ср. у Пушкина:

Глядь, поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.

(«Сказка о царе Салтане».)

Ср. у него же: *И пращ*, и стрела, и лукавый кинжал («Песнь о вещем Олеге») — в современном языке *праща* — жен. рода. Ср. еще у Грибоедова: *Смятенье! Гнев! Испуга!* («Горе от ума») и совр. *испуг*.

Число существительных

§ 86. Подавляющее большинство склоняемых имен существительных выступает в двух числах — единственном и множественном и имеет шесть падежных форм в каждом из них. Это типичная для современного русского языка система, однако из нее выпадают две группы существительных: слова, имеющие только формы единственного числа, и слова, имеющие только формы множественного числа; подобные существительные, следовательно, обладают только шестью (а не двенадцатью) падежными формами. Кроме того, надо иметь в виду, что в русском языке не все падежные формы имеют разные окончания (например, в 3-м склонении род., дат. и предл. пад. един. числа равно оканчиваются на *-и*). Однако мы говорим о шестипадежной системе форм единственного и множественного числа, так как, независимо от различия или одинаковости окончания падежных форм, каждая из них выражает определенное, отличное от других форм (хотя бы с тем же окончанием) грамматическое значение.

¹ Подробно см.: Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1978, с. 171—172.

§ 87. Существительные в древнерусскую эпоху выступали не только в единственном и множественном числах, но еще и в действительном числе. Это значит, что когда древнерусские существительные употреблялись в сочетании с числительными *два, две* и *оба, обе* или когда речь шла о парных или о двух предметах, то в этих случаях существительные выступали в особых формах двойственного числа. Следовательно, в древнерусском языке особыми формами выражалось значение единичности (одного предмета или явления), значение двойственности (двух или парных предметов или явлений) и значение множественности (трех и более предметов или явлений); в современном же языке противопоставляются только единичность и множественность, т. е. «один — не-один» (не важно — два, десять или тысяча). В этом изменении отражается развитие абстрактности человеческого мышления, ибо вместо конкретной множественности, противопоставленной единичности («один — два — три — много») возникает абстрактная, более обобщенная множественность («один» — это не то, что «не один»), что и свидетельствует о прогрессе в развитии абстрагирования.

§ 88. Формы двойственного числа существительных были утрачены в истории русского языка, и в современном языке этих форм по существу нет. Вместе с тем некоторые явления в морфологии и в лексике могут быть объяснены, если учитывать наличие особого двойственного числа в истории русского языка.

Для того чтобы разобраться в этих явлениях, необходимо прежде всего сказать, что существительные в двойственном числе имели всего три формы: одну для им. и вин. пад., другую — для род. и местн. пад.¹, третью — для дат. и твор. пад. При этом для всех существительных вторая и третья формы имели одинаковые окончания: во второй форме — *-у*, а в третьей — *-ма* (например, род.-местн. пад. *столау, жену, селу*, дат.-твор. пад. *столома, женама, селома*), а в им.-вин. пад. у существительных мужского, женского и среднего рода были разные окончания: в мужском роде — *-а, -я* или *-ы*, в женском и среднем — *-ѣ* или *-и* (например, *стола, коня, сыны, селѣ, сестрѣ, поли, земли*). Склонение существительных в двойственном числе можно представить в следующем виде:

Им.-Вин.	<i>стола</i>	<i>коня</i>	<i>сыны</i>	<i>женѣ</i>
Род.-Местн.	<i>столау</i>	<i>коню</i>	<i>сынову</i>	<i>жену</i>
Дат.-Твор.	<i>столома</i>	<i>конема</i>	<i>сынѣма</i>	<i>женама</i>
Им.-Вин.	<i>селѣ</i>	<i>поли</i>	<i>земли</i>	<i>кости</i>
Род.-Местн.	<i>селу</i>	<i>полю</i>	<i>землю</i>	<i>костю</i>
Дат.-Твор.	<i>селома</i>	<i>полема</i>	<i>земляма</i>	<i>костьма</i>

По двойственному числу склонялось и числительное *два, две* (по др.-русск. *дѣва, дѣвѣ*): им.-вин. *дѣва, дѣвѣ*, род.-местн.

¹ Др.-русск. местн. падеж соответствует совр. предл. падежу, но в отличие от последнего мог употребляться и без предлога.

дъвою (а несколько позже — *дъву*), дат.-твор. *дъвъма*. При этом форма *дъва* употреблялась только со словами мужского рода, а *дъвъ* — со словами женского и среднего рода; употребляясь в сочетании с *дъва*, *дъвъ*, существительные согласовывались с ними в роде и падеже. Иначе говоря, если *дъва*, *дъвъ* в древнерусском языке выступали в им.-вин. пад., то и существительные при них выступали также в им.-вин. пад. двойственного числа: *дъва стола*, *дъвъ сестръ*, *дъвъ селъ*; ср. в род.-местн. пад. *дъвою столу*, *дъвою сестру*, *дъвою селу*; в дат.-твор. пад. *дъвъма столома*, *дъвъма сестрама*, *дъвъма селома*.

§ 89. Учитывая сказанное о формах древнерусских существительных в двойственном числе, о склонении числительного *два*, *две* и о связи форм этого числительного с существительными, можно объяснить некоторые явления современного русского языка. Проще всего объясняются некоторые лексические явления. Так, в современном русском языке есть целая группа слов с элементом *дву-* в своем составе: *двудольный*, *двужильный*, *двубортный*, *двурушник* и т. п. Этот элемент *дву-*, как теперь ясно, представляет собой бывшую форму род.-местн. пад. от *дъва*, *дъвъ*. Более старая форма этих падежей сохранилась в прилагательном *двоюродный* (а по аналогии с *двою-* возникло и *трою-*, выступающее теперь в *троюродный*; у числительного *три* такой формы исконно не было).

Лексическим следом бывшего двойственного числа является и современное наречие *воочию*, представляющее собой по происхождению бывшую форму местн. пад. двойств. ч. от *око* — «глаз»: *въочию* (речь идет о «парном» предмете — о двух глазах человека).

§ 90. По происхождению формами им.-вин. пад. двойств. числа являются формы множественного числа существительных мужского рода, обозначающих парные предметы и оканчивающихся на *-а*: *рогá*, *бокá*, *глазá*, *берегá*, *рукавá* (исконно им. пад. множ. числа этих слов образовывался иначе: *рози*, *бѣци*, *гláзы*, *бѣрези*, *рукá-ви* — см. об этом § 108). Точно так же обстоит дело и с современными формами *плечи*, *колени*, от *плечо*, *колѣно*. Здесь надо иметь в виду, что в древнерусском языке первое слово выступало в виде *плече*, так как после мягкого [ч'] не могло быть [о], и поэтому склонялось по мягкому варианту, т. е. им.-вин. пад. двойств. ч. *плѣчи*, а им.-вин. пад. множ. ч. *плечá*. Эту последнюю форму можно найти еще у Пушкина: «...Умыть лицо, *плеча* и грудь» («Евгений Онегин»), но у него там же и: «Ах, милый, как похорошели у Ольги *плечи*...». Что же касается слова *колѣно*, то в древнерусском языке оно изменялось по твердому варианту и имело в им.-вин. пад. двойств. числа окончание *-ѣ*: *колѣнѣ* (им.-вин. пад. множ. числа *колѣна*); современное *колени* с *и* на конце — это результат фонетического изменения [ѣ] в [и] (ср. то же самое изменение: *дѣтá* > *дети*).

В этом плане необъяснимой представляется форма *уши*, так как от слова *ухо* в древнерусском языке им.-вин. пад. множ. числа должен был быть *уха*, им.-вин. пад. двойств. числа —

ушь (откуда в результате выравнивания парадигмы — *ухе*). Существует предположение, что в древнерусском языке была форма *ушь*, которая и могла иметь им.-вин. пад. двойств. числа *уши* — форму, сохранившуюся до нашего времени. Возможно, так же объясняется и форма *очи* — как им.-вин. пад. двойств. числа от незафиксированного в памятниках *очь*.

§ 91. Сложнее обстоит дело с еще одним явлением, связанным в своем происхождении с двойственным числом древнерусского языка. Речь идет о современных сочетаниях числительного *два*, *две* с существительными. Мы говорим, что при *два*, *две* существительные употребляются в форме род. пад. един. числа. Это верно, но исторически верно лишь отчасти, так как в одних случаях перед нами действительно род. пад. един. числа, а в других — мы только осознаем форму существительного как род. пад., однако на самом деле перед нами иная форма.

Сравнивая древнерусское сочетание *дѣвъ сестръ*, где оба слова выступают в форме им.-вин. пад. двойств. числа, с современным *две сестры*, мы можем сказать, что здесь действительно форма *сестры* является формой род. пад. един. числа. Еще более ясно в этом плане обстоит дело с формой *два села*, заменившей древнерусское *дѣвъ селѣ*: здесь, во-первых, отразилось общее сближение в склонении слов мужского и среднего рода — отразилось в том, что при существительных среднего рода стала выступать форма *два*, как и при существительных мужского рода; во-вторых же, и здесь вместо утраченной формы двойств. числа стала употребляться форма род. пад. един. числа.

Возникает вопрос, почему произошли такие изменения, почему вместо формы им.-вин. пад. двойств. числа при *два*, *две* слова женского и среднего рода стали выступать в форме род. пад. един. числа.

Понять это можно, если обратиться к словам мужского рода в сочетаниях с *два*. Ведь в отличие от сочетаний *два*, *две* со словами женского и среднего рода, сочетания с существительными мужского рода не пережили видимых изменений. В им.-вин. пад. двойств. числа подавляющего большинства этих существительных здесь было окончание *-а*, т. е. эта форма совпала по окончанию с род. пад. един. числа.

Следовательно, если в древнерусском языке *дѣва стола* — это была форма им.-вин. пад. двойств. числа, то почему в современном языке *два стола* — не сохранение прежней формы, а новая форма род. пад. един. числа? Можно ли установить, какая форма действительно выступает в сочетании типа *два стола*? Оказывается, можно. И здесь важно обратить внимание на одно интересное явление в современном русском языке, а именно на то, что форма род. пад. един. числа у некоторых слов имеет ударение то на окончании *-а*, то на корне. При этом ударение на окончании оказывается только тогда, когда существительное выступает в сочетании с *два*, а во всех остальных случаях — на корне.

Так, например, мы говорим *два часа́*, но *нет ни часа́ времени, до последнего часа́; два шага́*, но *с первого шага́; два ряда́*, но *с третьего ряда́*. Чем объяснить такую странность? Объяснение можно найти в том, что перед нами не одна и та же форма, а две разные формы. В таких случаях, как *до последнего часа́, с первого шага́, с третьего ряда́*, перед нами действительно форма род. пад. един. числа от существительных *час, шаг, ряд* — в этом нет никакого сомнения, ибо сами конструкции отчетливо это доказывают. Но тогда в *два часа́, два шага́, два ряда́* — не род. пад. един. числа, а что-то иное. Это иное и есть форма бывшего им.-вин. пад. двойств. числа. Является ли исконным различие этих двух форм по ударению, или такое различие представляет собой «исключение из правил», вызванное определенными причинами (ср. возникшее по аналогии *три разá* у Пушкина: *И три разá мне снился тот же сон* («Борис Годунов»)) при род. пад. един. числа *три ра́за*), в данном случае не столь важно — важно то, что в современном русском языке в сочетаниях типа *два стола* обнаруживаются следы иного происхождения формы на *-а*, чем внешне одинаковой с нею формы род. пад. един. числа.

§ 92. Итак, в современных сочетаниях слов мужского рода с числительным *два* сохраняется старая форма им.-вин. пад. двойств. числа. Однако в связи с тем, что двойственное число было утрачено, она стала осознаться как форма род. пад. един. числа. Но раз в сочетании типа *два стола* форма существительного стала восприниматься как род. пад., то и в сочетаниях с *два* слов среднего рода, а затем и в сочетаниях с *две* слов женского рода начали употребляться формы род. пад. един. числа.

Следовательно, говоря теперь, что в сочетаниях *два стола, два села, две рыбы* существительные выступают в форме род. пад. един. числа, нужно иметь в виду, что формы *села* и *рыбы* — это действительно род. пад., заменивший исконную форму им.-вин. пад. двойств. числа *сель, рыбь*, а форма *стола* только осознается как род. пад., будучи в действительности формой им.-вин. пад. двойств. числа, существовавшего в древнерусском языке.

Типы склонения существительных

§ 93. В отличие от современного состояния русского языка, где существительные, за небольшим исключением, изменяются только по трем типам склонения, система склонения в древнерусском языке была более сложной. Во-первых, самих типов склонения было больше, чем теперь, а во-вторых, распределение существительных по этим типам было менее тесно связано с распределением их по родам: существительные одного и того же рода могли входить в разные типы склонения, и в одном типе склонения могли оказаться существительные разной родовой принадлежности. Например, существительные мужского рода могли относиться к четырем разным типам склонения. С другой

стороны, в один тип склонения (с так называемой основой на согласный) входили существительные всех трех родов, т. е. эти существительные, независимо от родовой принадлежности, имели одинаковые падежные формы.

§ 94. Общий путь изменения типов склонения существительных в русском языке представляется достаточно простым и ясным: во-первых, это сокращение числа типов за счет утраты одних и закрепления позиций других, во-вторых, это унификация, обобщение различных падежных форм.

Рассмотрим современные типы склонений имен существительных в сравнении с древнерусскими.

§ 95. 1-е склонение имен существительных в наибольшей степени сохраняет как состав слов, входящих в этот тип, так и формы падежей древнерусского языка. Для того чтобы убедиться в этом, сопоставим склонение существительных, например *высота* и *земля*, в современном и древнерусском языках¹:

	др.-русск.	совр.	др.-русск.	совр.
Един. им.	<i>высота</i>	<i>высота</i>	<i>земля</i>	<i>земля</i>
число род.	<i>высоты</i>	<i>высоты</i>	<i>землѣ</i>	<i>земли</i>
дат.	<i>высотѣ</i>	<i>высоте</i>	<i>земли</i>	<i>земле</i>
вин.	<i>высоту</i>	<i>высоту</i>	<i>землю</i>	<i>землю</i>
твор.	<i>высотою</i>	<i>высотою</i>	<i>землю</i>	<i>землю</i>
местн.	<i>высотѣ</i> (предл.)	<i>высоте</i>	<i>земли</i> (предл.)	<i>земле</i>
Множ. им.	<i>высоты</i>	<i>высоты</i>	<i>землѣ</i>	<i>земли</i>
число род.	<i>высотѣ</i>	<i>высот</i>	<i>земль</i>	<i>земель</i>
дат.	<i>высотаѣмъ</i>	<i>высотаѣм</i>	<i>земляѣмъ</i>	<i>землям</i>
вин.	<i>высоты</i>	<i>высоты</i>	<i>землѣ</i>	<i>земли</i>
твор.	<i>высотаѣми</i>	<i>высотаѣми</i>	<i>земляѣми</i>	<i>земляѣми</i>
местн.	<i>высотахъ</i> (предл.)	<i>высотах</i>	<i>земляхъ</i> (предл.)	<i>землях</i>

Если рассмотреть твердый вариант данного типа склонения, то можно установить, что, кроме фонетического изменения [ѣ] в [е] и утраты конечного редуцированного [ѣ], никаких изменений в склонении слов женского рода на *-а* не произошло, т. е. современное 1-е склонение в его твердом варианте сохраняет древнерусские падежные формы.

Как будто бы больше изменений претерпел мягкий вариант склонения этого типа, однако если внимательно рассмотреть современную и древнерусскую парадигмы склонения слова *земля*, то можно обнаружить, что изменение падежных форм шло по одной линии — по линии сближения с твердым вариантом. Ведь если в древнерусском языке отличия твердого и мягкого вариантов связаны с тем, что окончания в ряде падежей были

¹ Здесь и в дальнейшем при сопоставлении парадигм древнерусского и современного склонений не учитываются формы двойственного числа, которые были утрачены в истории русского языка (об этих формах см. выше § 88—92).

различными (-ы — -ѣ, -ѣ — -и), то в современном языке эти отличия определяются только твердостью или мягкостью конечного согласного основы, падежные же окончания в твердом и мягком вариантах склонения одни и те же, причем исконны окончания твердого варианта (ср. старые формы у Крылова: Мужик... нашел червонец *на земле* («Червонец») или у Гоголя: Лѣтит мимо всё, что ни есть *на земли* («Мертвые души»); ср. обратное влияние мягкого варианта на твердый в пословице «У голодной куме хлеб на уме»).

Вместе с тем, конечно, и в мягком варианте обнаруживаются изменения, не связанные непосредственно с историей морфологических форм: во-первых, это (по образцу твердого варианта) появление по аналогии гласного [о] после мягкого согласного в твор. пад. вместо древнерусского [е] (*землѣй* < *землей*); во-вторых, это утрата редуцированного [ь] на конце падежных форм; в-третьих, наконец, это развитие беглого [е] в род. пад. множ. числа.

Современное 1-е склонение сохраняет и основной состав существительных, входивших в этот тип в древнерусском языке. Однако вместе с тем в это склонение теперь входят и такие существительные женского рода, которые в древнерусском языке относились к другому типу склонения. Таких существительных немного: к ним относятся *буква, тыква* (др.-русс. им. пад. един. числа *буки, тыки*, род. пад. един. числа *букѣве, тыкѣвѣ*), а также, предположительно, *Москва* (др.-русс. *Москы—Москѣве*). Попав под влияние основной массы слов женского рода на -а, эти существительные изменили форму именительного падежа и утратили свое исконное склонение.

§ 96. Процесс образования современного 2-го склонения существительных был сложнее. Сопоставление современных и древнерусских парадигм существительных начнем с единственного числа:

		др.-русс.		совр.	др.-русс.		совр.
Муж. род	им.	<i>столѣ</i>		<i>стол</i>	<i>мѣчь</i>		<i>меч</i>
	род.	<i>стола</i>		<i>стола</i>	<i>мѣча</i>		<i>меча</i>
	дат.	<i>столу</i>		<i>столу</i>	<i>мѣчу</i>		<i>мечу</i>
	вин.	<i>столѣ</i>		<i>стол</i>	<i>мѣчь</i>		<i>меч</i>
	твор.	<i>столѣмь</i>		<i>столом</i>	<i>мѣчьмь</i>		<i>мечом</i>
	местн.	<i>столѣ</i>	(предл.)	<i>столе</i>	<i>мѣчи</i>	(предл.)	<i>мече</i>
Средн. род	им.	<i>село</i>		<i>село</i>	<i>поле</i>		<i>поле</i>
	род.	<i>села</i>		<i>села</i>	<i>поля</i>		<i>поля</i>
	дат.	<i>селу</i>		<i>селу</i>	<i>полю</i>		<i>полю</i>
	вин.	<i>село</i>		<i>село</i>	<i>поле</i>		<i>поле</i>
	твор.	<i>селѣмь</i>		<i>селом</i>	<i>польмь</i>		<i>полем</i>
	местн.	<i>селѣ</i>	(предл.)	<i>селя</i>	<i>поли</i>	(предл.)	<i>поле</i>

Сопоставление форм падежей в единственном числе со всей очевидностью показывает, что, кроме фонетических процессов,

связанных с изменением [ѣ] в [е], «прояснением» сильных [ѣ] и [ѣ] в [о] и [е] и утратой конечных слабых [ѣ], [ѣ] с последующим отвердением [м'] в твор. пад., было лишь одно изменение падежной формы: в местном (предложном) падеже вместо *мѣчи*, *поли* появилось (о) *мече*, *поле*, как само собою ясно, под влиянием формы (о) *столе*, *седе* в твердом варианте (такое же выравнивание наблюдалось и в истории 1-го склонения).

§ 97. Во множественном числе изменения коснулись по существу всех падежей, кроме именительного-винительного, а для твердого варианта и родительного.

		др.-русск.	совр.	др.-русск.	совр.
Муж. им.		<i>столи</i>	<i>столи</i>	<i>мѣчи</i>	<i>мечи</i>
род. род.		<i>столѣ</i>	<i>столов</i>	<i>мѣчь</i>	<i>мечей</i>
	дат.	<i>столомѣ</i>	<i>столам</i>	<i>мѣчемѣ</i>	<i>мечам</i>
	вин.	<i>столи</i>	<i>столи</i>	<i>мѣчь</i>	<i>мечи</i>
	твор.	<i>столи</i>	<i>столами</i>	<i>мѣчи</i>	<i>мечами</i>
	местн.	<i>столѣхѣ</i> (предл.)	<i>столах</i>	<i>мѣчихѣ</i> (предл.)	<i>мечех</i>
Средн. им.		<i>села</i>	<i>села</i>	<i>поля</i>	<i>поля</i>
род. род.		<i>селѣ</i>	<i>сел</i>	<i>поль</i>	<i>полей</i>
	дат.	<i>селомѣ</i>	<i>села</i>	<i>полемѣ</i>	<i>полям</i>
	твор.	<i>сели</i>	<i>села</i>	<i>поли</i>	<i>полями</i>
	местн.	<i>селѣхѣ</i> (предл.)	<i>селах</i>	<i>полихѣ</i> (предл.)	<i>полях</i>

Здесь прежде всего следует отметить явления, связанные с дат., твор. и предл. (местн.) пад., где как в среднем, так и в мужском роде вместо исконных форм появились окончания *-ам* (*-ям*), *-ами* (*-ями*), *-ах* (*-ях*), т. е. такие же как и издавна имели существительные женского рода на *-а*, *-я*. Иначе говоря, склонение слов на *-а*, *-я* оказалось не только наиболее устойчивым, но и таким, формы которого вытесняли исконные образования в другом типе склонения. Именно влиянием слов на *-а*, *-я* и объясняется единство форм дат., твор. и предл. пад. множ. числа современных 1-го и 2-го склонений.

Пожалуй, единственным остатком старой формы дат. пад. множ. числа является современное наречие *поделом*, представляющее собой по происхождению сочетание предлога *по* с дат. пад. множ. числа от *дело*: *поделом* вору и мѹка — букв. «по делам». Ср. старую форму твор. пад. у Пушкина: С готовыми тесовыми *вороты* («Сказка о рыбаке и рыбке»).

Для мужского рода можно отметить также становление одинаковых форм им. и вин. пад. множ. числа: в твердом варианте *-ы* (т. е. старый винительный падеж вытеснил исконную форму именительного падежа), а в мягком — *-и* (т. е. старый именительный падеж вытеснил исконную форму винительного).

В род. пад. множ. числа мягкого варианта этого типа склонения вместо прежней формы, равной чистой основе, появилась

форма, по происхождению восходящая к род. пад. множ. числа 3-го склонения, о котором подробно будет сказано' дальше.

§ 98.- Особого внимания заслуживает форма род. пад. множ. числа твердого варианта мужского рода, но ее рассмотрение требует нескольких предварительных замечаний.

Прежде всего следует сказать, что слова мужского рода твердого варианта 2-го склонения характеризуются определенной вариативностью окончаний некоторых падежей. Такая вариативность наблюдается как в единственном, так и во множественном числе. В един. числе вариативны окончания род. и предл. падежей.

В род. пад. при господствующем окончании *-а* в определенных случаях выступает еще окончание *-у*; это наблюдается в так называемом родительном партитивном (т. е. при обозначении части целого): *кусок сахару*, в сочетании с предлогом *из*: *из лесу* и в некоторых иных сочетаниях: много *народу*, много *шуму*; ср. фразеологизмы с формой род. пад. на *-у*: *с глазу на глаз*, *моя хата с краю*, много *шуму* из ничего, *пороху* не хватает, ни *складу* ни *ладу*.

В предл. пад. при господствующем окончании *-е* (из *-ѣ*) также в определенных случаях выступает окончание *-у*; это наблюдается в конструкциях с пространственным значением: *в саду*, *в лесу*, а иногда и с временным: *в прошлом году*.

Во множ. числе вариативность охватывает род. пад., где при господствующем окончании *-ов* относительно редко, но все же отчетливо выступает и форма, равная чистой основе: *много раз*, *без сапог*, *без чулок*, *нет глаз*, *пять человек* и т. д.

В древнерусском языке форм род. и местн. пад. един. числа на *-у* и род. пад. множ. числа на *-ов* у большинства слов не было. Следовательно, эти формы вторичны, относительно новы в истории русского языка, и поэтому возникает вопрос, откуда они могли появиться.

Объяснение можно найти, если учесть, что не все слова мужского рода с окончанием в им. пад. *-ѣ* (а после его утраты — с нулевым окончанием в основах на твердый согласный) относились к тому типу склонения, который развился в современное 2-е склонение; они могли относиться и к другому типу и иметь иные падежные формы. И действительно, в древнерусском языке небольшая группа существительных мужского рода на *-ѣ* образовывала особый тип склонения. В эту группу входили слова *сынѣ*, *домѣ*, *вѣрхѣ* (*верх*), *волѣ*, *полѣ* (в значении «половина»), *ледѣ*, *медѣ* и, может быть, некоторые другие. Для нас важно, что эти существительные в род. и предл. пад. един. числа имели окончание *-у*, а в род. пад. множ. числа — *-овѣ*. В связи с тем что слова, например *столѣ* и *сынѣ*, относившиеся к разным типам склонения, по форме именительного падежа не различались, оба эти типа стали сближаться друг с другом, взаимно принимая окончания косвенных падежей. А так как группа слов, склонявшихся по типу *сынѣ*, была малочисленна, то в процессе

взаимодействия двух склонений она утратила свои прежние формы и приобрела формы слов типа *столъ*. Однако ее прежние формы не исчезли бесследно, а были использованы языком. Совершенно ясно, почему в род. пад. множ. числа господствующее положение заняла форма на *-ов*: исконная форма род. пад. множ. числа слов типа *столъ* совпадала с формой им. пад. един. числа и потому была «не выразительна»; у слов же типа *сынъ* эта форма не совпадала ни с какой другой падежной формой; понятно, что язык использовал ее для укрепления внутрипадежного противопоставления.

Что касается «сосуществования» окончаний *-а* и *-у* в род. пад., *-е* и *-у* в предл. пад. един. числа, то, как уже было сказано, формы на *-у* в современном языке отличаются от форм род. пад. на *-а* и предл. пад. на *-е* значением. Не случайно некоторые лингвисты считают, что в русском языке есть не только родительный падеж с окончанием *-а*, но и особый количественно-определятельный падеж с окончанием *-у*; не просто предложный падеж, а изъяснительный с окончанием *-е* и местный с окончанием *-у*.

§ 99. Итак, современное 2-е склонение образовано из двух древнерусских склонений. Одно составило его костяк (слова типа *стол*, *конь*), а другое влилось в него и передало ему некоторые свои формы (слова типа *сынъ*, *волъ*). Но это еще не весь состав современного 2-го склонения: сюда вошли также все слова мужского рода на мягкий согласный (типа *огонь*, *голубь*, *гость*), об истории которых подробно будет сказано ниже, и три группы слов, относившиеся прежде к полностью разрушившемуся особому склонению с так называемой основой на согласный. Все эти три последние группы были малочисленны по составу, и в них входили существительные мужского и среднего рода, характеризовавшиеся тем, что в косвенных падежах они имели особые суффиксы, оканчивавшиеся в своем исконном виде на разные согласные.

§ 100. Первая группа — это слова, имевшие в им. пад. един. числа формы *камы* — «камень», *ремы* — «ремень», *пламы* — «пламень», *кремы* — «ремень», *ячмы* — «ячмень», а также *днь* — «день» и *корень*, а в родительном и других косвенных падежах принимавшие суффикс *-ен-*: *камене*, *ремене*, *пламене*, *кремене*, *ячмене*, *дъне*, *корене* и т. п. В результате установления в им. пад. (по образцу вин. пад.) форм *камень*, *ремень* и *ячмень* все эти слова сблизилась с мягким вариантом склонения типа *конь* и приобрели формы этого склонения. Только существительное *пламы*, попав под влияние существительных типа *имя*, *сѣмя*, изменило форму им. пад. в *пламя* и перешло в группу существительных среднего рода, которые ныне являются разносклоняемыми. Однако форма *пламень* встречается в поэтической речи XIX в. Ср., например, у Пушкина:

Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, лед и *пламень*
Не столь различны меж собой.

(«Евгений Онегин»)

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш *пламень*...

(«19 октября, 1825»)

§ 101. Вторая группа — это существительные среднего рода *слово, тѣло, чудо, коло, око, ухо*, которые в косвенных падежах принимали суффикс *-ес*: род. пад. *словесе, тѣлесе, чудесе, небесе, очесе, ушесе*.

Нетрудно понять, что склонение этих слов не могло оказаться устойчивым: совпадение форм им. пад. един. числа данных существительных и многочисленных слов среднего рода, склонявшихся по типу *село*, не могло не привести к сближению этих двух склонений и к утере существительными типа *слово* исконных падежных форм. Однако процесс здесь оказался несколько необычным, ибо утрата суффикса *-ес* в косвенных падежах у существительных *чудо* и *небо* и переход этих слов в склонение типа *село* обнаруживается только в единственном числе; в падежных же формах множественного числа суффикс *-ес* у них сохраняется: *чудеса, небеса*. Слова же *слово* и *тѣло*, как и *око, ухо*, полностью утратили суффикс *-ес* и склоняются по типу *село*. В современном языке иногда употребляются образования *словеса, телеса*, но только с ироническим оттенком. См., например, у Маяковского:

А если
вам кажется,
что всего делов —
это пользоваться
чужими *словесами*,
то вот вам,
товарищи,
мое стило,
и можете
писать
сами!

(«Разговор с фининспектором о поэзии»)

Безмозглый,
и две ноги для ляганий,
вот — портрет хулиганий.
Матроска в полоску,
словно лесá.

Из этих лесов
глядят *телеса*.

(«Хулиган».)

В особом положении оказалось слово *коло*, которое хотя и изменяется теперь по 2-му склонению, не только не утратило суффикс *-ес-* в падежных формах, но приобрело его и в им. пад. един. числа: *колесо, колеса*.

Судя по фактам современного русского языка, процессы преобразования склонения слов рассматриваемого типа шли очень рано: уже в древний период истории русского языка падежные формы с суффиксом *-ес-* не были свойственны живой народно-разговорной речи, хотя и сохранялись в памятниках письменности как сугубо книжные элементы. Об этом свидетельствует то, что производные от слов с бывшим суффиксом *-ес-*, существующие теперь и характерные для живого разговорного современного языка, образованы от форм, не имеющих в своем составе *-ес-*; например, *пословица, дословный* — от *слово, чудный, чудак* — от *чудо, тельняшка, нательный* — от *тело*. И наоборот, производные, имеющие в своем составе древний суффикс *-ес-*, носят явно книжный, более «высокий» характер: *небесный, чудесный, телесный, словесность*. И вновь в особом положении здесь оказываются производные от *коло* — *колесо*: производные от обеих форм равно принадлежат современному языку и стилистически не различаются; например, в современном языке есть и производные от *коло* — *около, окольный, околица, кольцо, коловорот*, и производные от *колесо* — *колесный, околесица*, равно относящиеся к живой народной речи.

§ 102. Третья группа — это существительные, относившиеся к среднему роду и обозначавшие детенышей живых существ. Данная группа также была немногочисленной. Им. и вин. пад. един. числа у этих слов оканчивались на *-а (-я)* после мягкого согласного: *теля* — «теленок», *осьля* — «осленок», *козья* — «козленок», *ягня* — «ягненок» и т. д., а в других падежах они имели суффикс *-ат- (-ят-)* также после мягкого согласного: род. пад. *теляте, осьляте, козьяте, ягняте*. Сюда относилось и слово *дѣтя* — «ребенок», род. пад. *дѣтяте*.

В истории русского языка эта группа слов пережила серьезные изменения. Формы им. пад. един. числа приобрели суффикс *-енок (-ёнок)*, что вызвало переход рассматриваемых существительных в категорию слов мужского рода, склоняющихся по типу *стол*. Суффикс *-ёнок* проник не только в именительный падеж, но и во все остальные падежные формы единственного числа, и парадигма склонения в единственном числе слов типа *теленок, ягненок* ничем принципиально не отличается от парадигмы склонения слов типа *стол*. Однако во множественном числе положение оказалось иным. Суффикс *-ат- (-ят-)* здесь сохранился во всех падежных формах, хотя в остальном эти формы образуются так же, как и формы множественного числа слов среднего рода. Таким образом, существительные типа *теленок* — *телята* относятся целиком ко 2-му склонению, хотя образование их падежных форм и отличается определенным своеобразием.

§ 103. Эта группа слов требует еще нескольких замечаний. Во-первых, в древнерусском языке в нее входило существительное *робя* — «дитя, ребенок», которое, как и другие слова данной группы, изменилось первоначально в *робенъкъ*, а далее (вследствие уподобления гласного первого предударного слова гласному под ударением) — в *ребенокъ*. Это слово по существу вытеснило из живого языка слово *дитя* (фонетически из *дѣтя*), встречающееся теперь лишь в поэтической речи.

Во-вторых, на протяжении истории развития русского языка эта группа слов все время пополнялась, причем продуктивность модели существительных *-онок (-ёнок)* и *-ата (-ята)* сказалась в том, что такие существительные стали возможны не только как названия живых существ, но и как названия неодушевленных предметов, а обозначая живые существа, они не обязательно обозначают детенышей взрослых животных или людей. Например, *поваренок* — *поварята*, *постреленок* — *пострелята*, *октябренок* — *октябрята*; да и слово *ребята* уже не соотносится теперь со словом *ребенок*, а употребляется в более широком значении. Что же касается «неодушевленных» образований по этой модели, то здесь прежде всего следует сказать о двух словах, называющих грибы: *опенок* — *опята* — это образование от слова *пень*, а *масленок* — *маслята* — от *масло*; само собой разумеется, что такие образования не могут быть исконными и очень древними — они возникли как результат влияния продуктивной словообразовательной модели. Ср. еще:

Будет любовь или нет?
Какая —
большая или крошечная?
Откуда большая у тела такого:
должно быть, маленький,
смирный *любеночек*.

(Маяковский «Облако в штанах»)

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

(Есенин «Там, где капустные грядки. »)

В-третьих, наконец, формы типа *теля*, *теляте* и др. обнаруживаются как в устойчивых выражениях — поговорах и поговорках, так и в произведениях русских писателей XIX в. Всем, конечно, известны такие поговорки, как *Ласковое теля двух маток сосет*, *Нашему теляти да волка поймати*, а также: *У кошки котя такое же дитя*, *Овин с овсом — жеребя с хвостом*, которые можно найти в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (М, 1955).

Что касается фактов употребления таких форм в литературном языке XIX в., то они связаны исключительно с существительным *дитя*. Так, архаические формы этого слова можно найти в комедии Грибоедова «Горе от ума»: «Не тот ли вы, к кому меня еще с пелен, Для замыслов каких-то непонятных, *Дитей* возили на поклон»; «А помню, ты *дитей* с ним часто танцевала». Однако эта форма не исконная [должно быть *дитятею (-ей)*], а уже подвергшаяся влиянию слов женского рода на -а, -я. Исконная же форма твор. пад. обнаруживается у Пушкина в «Сказке о попе и работнике его Балде»: «...кашу заварит, нянчится с *дитятей*», в «Капитанской дочке»: «Матушка в слезах наказывала мне беречь мое здоровье, а Савельичу смотреть за *дитятей*». Ср. такую же форму у Достоевского: «А будешь ли ты умным *дитятей*» («Неточка Незванова»). У Пушкина же встречается и старая форма род. пад. един. числа этого слова; так, в «Капитанской дочке»: «Что тебе в смерти барского *дитяти*», в «Станционном смотрителе»: «Уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего *дитяти*», в «Арапе Петра Великого»: «...Не погуби ты своего родимого *дитяти*». Интересно заметить, что существительное *дитя* у Пушкина колеблется в роде: оно выступает то как слово среднего рода, то как мужского, например: «Он очень плох, иногда заговаривается, и весь день сидит как *дитя глупое*» («Дубровский») — средн. род., но: «Слава богу, — ворчал он про себя, — кажется, *дитя умыт, причесан, накормлен*» («Капитанская дочка») — муж. род.

§ 104. Если сравнить современное 3-е склонение существительных с соответствующим склонением древнерусского языка, то нетрудно заметить, что в системе падежных окончаний слов, входящих в это склонение, в истории русского языка не произошло почти никаких серьезных изменений:

		др.-русск.	совр.
Един. число	им.	<i>кость</i>	<i>кость</i>
	род.	<i>кости</i>	<i>кости</i>
	дат.	<i>кости</i>	<i>кости</i>
	вин.	<i>кость</i>	<i>кость</i>
	твор.	<i>костьюю</i>	<i>костьюю</i>
	местн.	<i>кости</i>	(предл.) <i>кости</i>
Множ. число	им.	<i>кости</i>	<i>кости</i>
	род.	<i>костей</i>	<i>костей</i>
	дат.	<i>костьмъ</i>	<i>костям</i>
	вин.	<i>кости</i>	<i>кости</i>
	твор.	<i>костьюми</i>	<i>костями</i>
	местн.	<i>костьхъ</i>	(предл.) <i>костях</i>

Как можно установить, сопоставляя эти парадигмы, изменения коснулись лишь форм дат., твор. и предл. (местн.) пад. множ. числа, где проявилась общая для всех существительных древнерусского языка тенденция подчинения этих форм формам склонения

ния существительных на *-а, -я* (ср. выше об истории этих форм у существительных 2-го склонения, § 97). Однако в современном русском литературном языке сохранились некоторые следы старого твор. пад. множ. числа с окончанием *-ми*, восходящим к форме этого падежа в древнерусском склонении слов типа *кость*. Речь идет здесь, во-первых, о формах *лошадьми, детьми, людьми* (надо иметь в виду, что слова *дети* и *люди* во множ. числе склонялись по образцу рассматриваемых существительных) и *костьми, плетьми* во фразеологических сочетаниях *лечь костьми, бить плетьми*. Кроме того, в ряде случаев наблюдаются колебания в форме твор. пад. множ. числа, например *дверями* и *дверьми*. В литературном же языке XIX в. форм на *-ми* было значительно больше; ср., например:

Тогда бы дни я *радостьюми* считал.

(Батюшков «Тибуллова элегия»)

Ах! горько наслаждаясь под небом благодатным
Живыми *прелестьюми* роскошныя весны...

(Катенин «Мир поэта».)

А ведь ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с *гостьюми* немудрено ужиться...

(Крылов. «Ворона и Курица».)

Жадно питаюсь там *желудьюми* и водой запивая
Пищу...

(Жуковский «Одиссея», XIII)

И, видя жертвы меж кустов,
Коготьми хватает вдруг.

(Лермонтов «Кавказский пленник».)

Питомец резвой Карабаха
Прядет *ушми*...

(Лермонтов «Демон».)

Вздохнул, пожал *плечьюми*...

(Батюшков. «Странствователь и Домосед»)

§ 105. Что касается формы род. пад. множ. числа, то изменение древнерусского *-ий* в современное *-ей* носит чисто фонетический характер и потому не означает морфологического изменения формы, однако важно здесь и то, что эта форма не только сохранилась в современном языке, но, как уже говорилось, оказалась очень влиятельной. Она проникла в мягкий вариант 2-го склонения существительных как мужского, так и среднего рода: формы типа *коней, ножей* или *полей, морей* вытеснили старые формы этого падежа *конь, ножь* или *поль, морь*.

Здесь следует обратить внимание на одну чрезвычайно любопытную деталь. В древнерусском языке к мягкому варианту склонения слов мужского и среднего рода (современное 2-е склонение) относились, среди прочих существительных, имеющие перед конечным гласным [ь] мягкие шипящие и мягкий [ц] *ножь, шалашь, ткачь, плащь, дѣждь, отць; плече, рубище, лице, кольцо*. Когда в род. пад. множ. числа возникло влияние формы этого падежа на *-ий > -ей* (из склонения типа *кость*), оно не коснулось слов среднего рода, сохранивших прежнюю форму, подвергнувшись лишь некоторым фонетическим преобразованиям; ср. *плечь > плеч, рубищь > рубищ, лиць > лиц, кольцо > колец*. В мужском же роде развилось, на первый взгляд, странное явление. Как известно, в истории русского языка шипящие [ш], [ж] и свистящий [ц] отвердели, а [ч'], [ш']*ц* сохранили мягкость. Казалось бы, когда в словах мужского рода современного 2-го склонения происходило становление новых форм род. пад. мн. ч. с окончаниями *-ов* в твердом и *-ей* в мягком варианте, существительные на шипящие и *ц* должны были бы получить разные окончания в зависимости от того, отвердели или не отвердели к этому времени данные согласные; если они еще были мягкими, то данные слова должны были бы получить в род. пад. множ. числа окончание *-ей* (как и в *конь — коней*), а если они уже отвердели — окончание *-ов* (как и в *стол — столов*). На самом же деле оказывается, что слова на [ш], [ж], [ч'], [ш'] усвоили окончание *-ей*, а слова на [ц] — *-ов (-ев)*: *нозей, шалашей, ткачей, плащей, но отцов, братьев*. Если формы на *-ей* у слов с конечными [ч'] [ш'] не вызывают сомнений, то такие формы у слов на [ш], [ж] и формы с *-ов (-ев)* у слов на [ц] кажутся неправомерными: ведь [ц] отвердело в большинстве диалектов русского языка позже, чем [ш] и [ж], и, казалось бы, все должно было быть иначе: у существительных на [ш], [ж] род. пад. множ. числа должен оканчиваться на *-ов (-ев)*, а у слов на [ц] — на *-ей*¹. Чем можно объяснить такое «отступление от правила»?

Для понимания данного явления необходимо учесть, что, как видно, влияние со стороны склонения типа *кость* на мягкий вариант 2-го склонения мужского рода шло таким образом, что уподоблению формы подвергались слова этого склонения, которые были сходны по звуковому составу конца слова со словами исконного склонения типа *кость*. Иначе говоря, в связи с тем, что в последнем, 3-м склонении были существительные женского рода на *-жь (ръжь > рожь)*, *-шь (мышь)*, *-чь (ночь)*, *-ць (вѣць)*, имеющие форму род. пад. множественного числа с окончанием *-ей*, существительные мужского

¹ Для тех диалектов, в которых [ц] отвердело раньше, чем [ш] и [ж], существующее в литературном языке распределение окончаний род. пад. множ. числа после этих согласных может считаться фонетически и морфологически закономерным

рода с таким же звуковым составом конца слова (*ножь, шалашь, ткачь, плащь*) могли уподобиться указанным существительным женского рода и получить в род. пад. множ. числа такое же окончание *-ей*. И наоборот, так как в склонении типа *кость* не было существительных женского рода на *-ць*, слова мужского рода 2-го склонения на *-ць* (*отць*) оказались изолированными от такого влияния и подверглись воздействию близких им основ твердого варианта того же 2-го склонения (т. е. под воздействием *столов* появилось и *отцов*).

§ 106. Если вернуться к рассмотрению истории 3-го склонения существительных, то следует подчеркнуть, что главным процессом в его развитии было «сокращение» состава слов, относящихся к данному склонению: в прошлом в этот тип входили не только существительные женского рода, но и существительные мужского рода типа *тесть, гость, голубь, огонь* и т. д. В истории русского языка эти последние существительные пережили разную судьбу. Одни из них изменили родовую принадлежность и перешли в слова женского рода; так случилось, например, со словами *печать, гортань, степень*; естественно, эти существительные сохранились в составе 3-го склонения. Другие же, оставшись существительными мужского рода, «ушли» из этого склонения в «типично мужское» — в мягкий вариант 2-го склонения; так случилось со словами *тесть, зять, огонь, голубь, желудь* и т. д.

И только одно слово *путь*, являясь существительным мужского рода, сохранило свои старые падежные формы, т. е. осталось в 3-м склонении. Здесь надо иметь в виду, что в древнерусском языке в данном типе склонения существительные женского и мужского рода имели разные формы твор. пад. един. числа: в женском роде — *-ью* (или *-юю*), а в мужском — *-ьмь* > *-ем*. Существительное *путь* в современном русском языке и отличается от слов женского рода 3-го склонения именно этой формой; ср. *костью*, но *путем*. Причину особой судьбы существительного *путь* видят в книжности этого слова (в древнерусском языке параллельно существовало разговорное *дорога*), а также в том, что оно могло употребляться в переносном значении, в составе устойчивых сочетаний, в качестве термина. Но как бы то ни было, важно помнить, что существительное *путь* сохраняет свои исконные падежные формы в отличие от других существительных мужского рода, ранее относившихся к рассматриваемому типу.

Произошло и некоторое расширение состава слов, входивших в данное склонение в связи с переходом сюда ряда существительных, исконно принадлежавших к другому типу склонения и имевших в им. пад. един. числа окончание *-ы*, а в вин. пад. *-ъвь* > *-овь*. К таким словам относятся *кры* — *кръвь* > *кровь*, *любы* — *любъвь* > *любовь*, *моркы* — *моркъвь* > *морковь*, *църкы* — *църкъвь* > *церковь*, *свекры* — *свекръвь* > *свекровь*. Укрепление в именительном падеже этих слов бывшей формы вини-

тельного падежа сблизило их с существительными 3-го склонения, падежные формы которых и были ими усвоены.

§ 107. В современном русском языке есть существительные среднего рода на *-мя* (типа *имя, семя, знамя* и т. д.), которые относятся к разносклоняемым, так как в род., дат. предл. пад. един. числа они склоняются по 3-му склонению, а в твор. пад. един. числа имеют окончание *-ем* как существительные среднего рода на *-е*; во множ. числе эти слова (кроме *бремя, вымя, пламя, темя*, которые не имеют форм множ. числа) изменяются как существительные среднего рода на *-о* (*имена, имен, именами* и т. д.).

Особенностью этой группы слов является прежде всего наличие во всех падежах (кроме им.-вин. пад. един. числа) суффикса *-ен* (а в словах *семя, стремя* в род. пад. множ. числа — суффикса *-ян*: *семян, стремян*). Ср., впрочем, по существу диалектные формы (без суффикса *-ен*) дат. и род. пад. у Крылова: «То к *тему* их прижмет» («Мартышка и очки»), «Поверь, что у него (солнца) *ни время*, ни охоты на это нет» («Василек»), у Лермонтова: «Не знал другого *имя*» («Сашка»).

В им.-вин. пад. един. числа вместо суффикса *-ен* выступает *-я* (т. е. [а] после мягкого согласного: *имя* [им'а]), потому что в древнюю эпоху звуко сочетание *-ен* в конце слова изменялось в [е] носовое (*имѣ, времѣ*), а затем в [а] (*я*). Во всех других падежах звуко сочетание [ен] сохранилось, так как оно оказалось в положении перед гласным: *имени, именемъ, имена, именамъ, именами, именахъ*. Следовательно, история этих форм связана с судьбой носовых гласных в древнерусском языке (см. § 26—34). В современном русском языке *-ен* воспринимается как суффикс (в некоторых пособиях *-ен* называют наращением), а *-я* — как окончание.

К разносклоняемым можно отнести также слово *путь*, так как оно склоняется по 3-му склонению, но в твор. пад. един. числа принимает окончание 2-го склонения — *-ем* (ср. *конем — путем*).

Замечания о форме именительного падежа множественного числа

§ 108. В современном русском языке существительные в им. пад. множ. числа имеют разные окончания, что может найти свое объяснение в истории русского языка. Без сомнения, господствующим окончанием в этой форме является *-ы, -и*, которое выступает в словах мужского и женского рода. Если сопоставить приведенные выше падежные парадигмы существительных современного русского и древнерусского языков, то можно убедиться, что это окончание или является исконным, или возникло в результате воздействия твердого варианта склонения на мягкий, или воздействия формы им. пад. множ. числа на винительный.

Вместе с тем в им. пад. множ. числа широко распространено еще окончание *-а, -я*. Однако, если для слов среднего рода 2-го

склонения это окончание является исконным, то у существительных мужского рода оно появилось в истории русского языка как вторичное, новое. Вопрос о происхождении формы им. пад. множ. числа на *-а* у существительных муж. рода является сложным и до конца не решенным, хотя этой проблеме посвящена обширная научная литература (в частности, выдвигалось предположение о влиянии формы им. пад. двойств. числа, особенно от слов, обозначающих парные предметы, типа *рукава́, берега́, глаза́, бока́, рога́* и под., но, как видно, в появлении этой формы и ее распространении сыграли роль многие причины). Не рассматривая подробно этот вопрос, надо подчеркнуть, что если для слов мужского рода исконным можно считать окончание *-ы, -и* в им. пад. множ. числа, а для слов среднего рода — *-а, -я*, то последнее окончание в мужском роде — это, так сказать, аномалия, объясняющаяся определенными процессами в истории русского языка (ср. фразеологизм «*на веки вечные*» и совр. «остаться в памяти *на века*»).

С этой точки зрения такой же аномалией являются и формы им. пад. множ. числа с окончанием *-и* у существительных среднего рода. Об этих формах уже шла речь выше, когда рассматривался вопрос о двойственном числе и судьбе его форм в русском языке и в связи с этим обращалось внимание на формы *колени, уши, очи, плечи*. Здесь можно добавить еще один факт, требующий объяснения: им. пад. множ. ч. существительных среднего рода на *-ко* (типа *яблоко, веко, окошко*) образуется с безударным окончанием *-и*: *я́блоки, ве́ки, око́шки* (но ср. *облака́, войска́*), что объясняется закреплением на письме диалектного произношения слов среднего рода с *-ы* вместо *-а* (вроде *се́лы, ве́слы, ко́льцы*).

В этом отношении общую картину нарушает форма *очки́*, которая, вероятно, проникла в литературный язык из говоров, знающих и подударное *-и* в словах на *-ко* типа *озерко́* — *озерки́, ушко́* — *ушки́*. Появление формы *очки*, по существу подобной формам им. пад. множ. числа муж. рода, вызвало и закрепление в род. пад. окончания *-ов* по образцу муж. рода: *очков*. Кроме того, следует отметить, что форма род. пад. множ. числа *облаков* объясняется иначе: это, как видно, «закономерная» форма не от *облако*, а от *облак* — вариантной формы слова, также диалектного характера.

§ 109. Кроме рассмотренных выше форм им. пад., в современном русском литературном языке есть и еще некоторые формы этого падежа, которые требуют комментариев исторического характера.

Во-первых, целая группа существительных, обозначающих совокупность людей по их принадлежности к племени, местности, городу и т. п., характеризующаяся в един. числе наличием суффикса *-ин, -анин (-янин)*, сохраняет древнерусскую форму им. пад. с окончанием *-е*: *боярин* — *бояре, крестьянин* — *крестьяне, гражданин* — *граждане, горожанин* — *горожане, северянин* — *северяне* и т. д. Выпадение суффикса *-ин* во множ. числе этих

слов связано с тем, что данный суффикс имеет значение единичности (см. § 140). Такие слова в древнерусском языке склонялись по типу *камы* — *камене*, о котором говорилось выше (см. § 100), и имели в им. пад. множ. числа окончание *-е*.

Во-вторых, также целая группа существительных мужского рода имеет форму им. пад. множ. числа на *-ья*, как ударное (ср. *друзья*, *мужья*), так и безударное окончание (ср. *братья*, *кобля*, *колбсья*, *сучья*). Как видно, в некоторых случаях эта форма восходит к форме им. пад. един. числа соответствующих собирательных существительных древнерусского языка. Так, например, от слова *брат* им. пад. множ. числа исконно был *брати*, заменившийся впоследствии под влиянием формы вин. пад. множ. числа формой *братя*. Вместе с тем в древнерусском языке было слово женского рода *братия* > *братья*, имеющее собирательное значение. Переосмысление этого слова как им. пад. множ. числа от *брат* привело к вытеснению старой формы *браты* и закреплению соотношения *брат* — *братья*. Как предполагают, под влиянием *братья* возникло *мужья* (вместо *мужи*), *друзья* (вместо *друзи*), *князья* (вместо *князи*). Несколько сложнее, но тоже подобным путем возникла форма *сыновья*. Старый им. пад. множ. числа от *сын* — *сынове* испытал двоякую судьбу: или он был вытеснен формой винительного падежа — *сыны*, или под влиянием форм *друзья*, *мужья* изменился в *сыновья*. В современном русском языке есть и та и другая форма, однако *сыны* выступает лишь в устойчивых сочетаниях *сыны народа*, *сыны Отчизны*.

§ 110. При изучении имени существительного в школе учитель, пользуясь изложенным выше материалом, обратит внимание учащихся на наличие вариантных форм некоторых падежей (род. пад. един. числа, предл. пад. един. числа, род. пад. множ. числа и т. д.), разных окончаний одного и того же падежа (например, им. пад. множ. числа), и наоборот — полную унификацию падежных форм всех трех склонений (дат., твор., предл. пад. множ. числа) и т. д.

Звательная форма

§ 111. В художественных произведениях XIX в. учащиеся могут встретить еще одну форму существительных древнерусского языка, о которой выше ничего не говорилось, так как в современном языке никаких следов этой формы не сохранилось. Речь идет о так называемой з в а т е л ь н о й форме, которая употреблялась обычно в функции обращения (термин образован от глагола *звать*) и рано стала заменяться формой именительного падежа. Реликты этой формы — *господи*, *боже* — превратились в междометия.

В литературе XIX в., в произведениях некоторых писателей древние звательные формы использовались в целях стилизации. Ср. у Пушкина: «Что тебе надобно, *старче?*» («Сказка о рыбаке и

рыбке»), «Ты, *отче* патриарх, вы все бояре, обнажена душа моя пред вами...» («Борис Годунов»). Ср. также известную поговорку «*Врачу, исцелися сам*»

При изучении «Слова о полку Игореве» учитель может обратить внимание учащихся на звательные формы: «Братие и *дружино!* Лице ж бы потяту быти, неже полонену быти»; «*О вѣтрѣ, вѣтрило!* Чему, *господине* насильно вѣши?» и некоторые другие.

Категория одушевленности

§ 112. В современном русском языке форма винительного падежа существительных находится в разных отношениях к другим падежным формам того или иного слова. В единственном числе у существительных женского и мужского рода на *-а*, *-я* вин. пад. имеет окончание *-у*, *-ю*, у существительных среднего рода — равен по форме именительному; у существительных же мужского рода он в одних случаях совпадает по форме с именительным, а в других — с родительным падежом (ср. *вижу стол* и *вижу сына*). Такое различие в форме вин. пад. у слов муж. рода — явление не только не исконное, но исторически довольно позднее: исконно в древнерусском языке вин. пад. един. числа у слов муж. рода был всегда равен именительному (им. *столъ*, *сынъ* и вин. *вижу столъ*, *вижу сынъ*).

Почему возникло указанное различие, чем оно было вызвано? Появление в винительном падеже двух разных форм объясняется тем, что в языке развилась потребность отличить субъект действия от объекта этого действия, что особенно важно, когда речь идет об одушевленных существительных, прежде всего названиях лиц. Когда говорили *Язъ вижу столъ*, то в этом случае было ясно, где субъект и где объект действия, но когда говорили *Отць видить сынъ*, этой ясности не было, так как активно действующим лицом мог быть и отец, и сын. Если бы в древнерусском языке был обязательный, фиксированный порядок слов, установление субъекта и объекта действия было бы облегчено (скажем, субъект всегда на первом месте, а объект — на втором), но по-древнерусски равно можно было бы сказать и *Отць видить сынъ*, и *Сынъ видить отць*, вкладывая в эти фразы одно и то же содержание. В женском роде таких трудностей не было, так как именительный (падеж субъекта) и винительный (падеж объекта) различались по форме. В среднем роде потребности разграничить падеж субъекта и падеж объекта не возникало, ибо здесь не было слов, обозначающих активно действующий субъект. Значит, такая потребность существовала именно для слов мужского рода, и язык должен был найти средства разграничить винительный и именительный падежи, чтобы формально обозначить объект и субъект действия. Это средство и было найдено в использовании формы родительного падежа в значении винительного при обозначении одушевленного объекта.

Так возникла категория одушевленности, формально выражающаяся в том, что при обозначении одушевленности объекта

действия существительное выступает в форме винительного падежа, равного родительному; при обозначении же неодушевленного объекта винительный падеж равен по форме именительному.

§ 113. То, что именно родительный падеж был использован для обозначения винительного в определенных случаях, объясняется близостью этих двух падежей в синтаксическом плане. Так, например, параллельно конструкции «глагол + вин. пад.» употребляется конструкция «тот же глагол с отрицанием *не* + род. пад.»: *читал книгу, но не читал книги*. Параллельные конструкции *выпил воду* и *выпил воды* отличаются друг от друга лишь тем, что вин. пад. обозначает объект, полностью охваченный действием, а род. пад. — объект, только частично подвергающийся этому действию. Подобная близость синтаксических связей и определила использование именно родительного падежа при обозначении винительного одушевленных существительных.

§ 114. Становление категории одушевленности в русском языке шло постепенно: первоначально это была категория лица, т. е. ею охватывались лишь слова, обозначающие людей, и только в единственном числе; затем она захватила названия лиц мужского пола во множественном числе; далее — названия лиц женского пола во множественном числе (ведь во множественном числе у слов женского рода винительный падеж исконно совпадал с именительным), и уже только потом (XVII в.) она распространилась на все слова, обозначающие живых существ (в том числе в ряде случаев и на слова среднего рода; ср. *вижу насекомое, но вижу насекомых*).

§ 115. Необходимо обратить внимание учащихся на то, как выражается категория одушевленности в современном русском языке:

а) в словах женского рода (а также в словах мужского рода 1-го склонения) форма вин. пад. совпадает с формой род. пад. только во множ. числе (*вижу сестер, нянь; старост, юношей*);

б) в словах мужского рода 2-го склонения формы вин. пад. совпадают с формами род. пад. и в един. и во множ. числе (*вижу брата, сторожа, врача, кота, орла; вижу братьев, сторожей, врачей, котов, орлов*);

в) в словах среднего рода форма вин. пад. совпадает с формой род. пад. только во множ. числе (*вижу детей, насекомых, животных, млекопитающих*).

Отдельные существительные в современном языке допускают колебания в выражении одушевленности — неодушевленности; например, *видеть микробов* и *видеть микробы*.

В современном русском литературном языке сохранились некоторые старые формы винительного падежа одушевленных существительных, равные именительному. Эти образования носят различный характер. Прежде всего такая форма обнаруживается в наречии *замуж* (бывшее сочетание предлога *за* с вин. пад., рав-

ным им. пад. от *муж*: ср. *выйти замуж* и *заступиться за мужа*). У Пушкина еще встречается *на конь*: «Люди, *на конь*! Эй, живее!» («Сказка о Золотом петушке»). Ср. у него же: «И оставило на бреге *тридцать три богатыря*» («Сказка о царе Салтане») вместо *тридцать трех богатырей*.

Названная форма сохраняется в народных поговорках: «Седши, *на конь* да и поехал в огонь» и др. Старая форма вин. пад. сохранена в некоторых сочетаниях с предлогом *в* и формой множ. числа, обозначающих новую должность или новое состояние человека: *брать в жены*, *выйти в люди*, *годиться в отцы*, *произвести в генералы*, *быть принятым в члены организации* и т. д. Ср. у Пушкина:

Не рвусь я грудью *в капитаны*,
И не ползу *в ассессора*.

(«Моя родословная»)

Не надо, конечно, слишком прямолинейно представлять себе отношения одушевленных и неодушевленных существительных, полагая, что одушевленные — это обязательно живые существа, а неодушевленные — не живые. В языке есть ряд «незаконных» в этом плане образований. Так, например, одушевленными оказываются слова *мертвец* и *покойник*, а неодушевленным — слово *труп*: *видел мертвеца*, *покойника* (*мертвецов*, *покойников*), но *видел труп* (*трупы*); одушевленным оказывается слово *кукла*: *взял кукол*, а неодушевленным — *бактерия*: *наблюдать бактерии*. Важно только четко представлять себе, с чем связаны различия в оформлении вин. пад. существительных в современном русском языке.

Собственные и нарицательные существительные

§ 116. При изучении собственных и нарицательных имен существительных полезно обратить внимание учащихся на интересный раздел языкознания — о н о м а с т и к у, изучающий собственные имена. Эта тема может быть особенно подробно рассмотрена на факультативных и кружковых занятиях.

Учащиеся должны понять, что между нарицательными и собственными именами имеются существенные различия.

Важнейшей особенностью нарицательных имен является обобщение. Так, например; слово *человек* относится ко всем людям, жившим, живущим и к тем, которые будут жить на Земле. Это обобщающее слово. А ведь каждый человек имеет свои индивидуальные особенности: не существует в природе даже двух совершенно одинаковых индивидуумов. Но в значение слова *человек* входят лишь самые существенные признаки, характерные для человека.

Назначение же собственных имен — не обобщать, а выделять из массы однородных предметов конкретный предмет и противопоставлять его всем остальным однородным предметам. Следовательно, собственные имена в отличие от нарицательных не обоб-

щают, а конкретизируют. Например, *человек, река, город* — обобщающие слова, а *Пушкин, Волга, Москва, Володя* — конкретизирующие слова, называющие определенные, единичные «предметы».

Нарицательные существительные имеют лексическое значение, которое может быть переведено на другие языки, а собственные не имеют лексического значения, обычно не могут быть выражены другими словами и не могут быть переведены на другие языки. В качестве примера приведем два слова: *город* и *Киев*, первое из них имеет лексическое значение (см.: О ж е г о в С. И. Словарь русского языка. 13-е изд., испр. М., 1981) и может быть переведено на различные языки. Иное дело собственное имя.

В ономастике особенно большой интерес представляют: а) *антропонимика* — наука о человеческих именах и б) *топонимика* — наука о наименовании географических объектов.

§ 117. Известно, что каждый человек имеет имя. Трехчленное именование людей — имя, отчество, фамилия — особенность русского языка, развившаяся еще в петровскую эпоху.

Собственные имена, как правило, не выдумываются, а образуются от нарицательных имен или заимствуются из других языков.

История имен очень интересна и сложна. Есть целый ряд имен и фамилий, происхождение которых нам понятно. Ср. *Вера, Надежда, Любовь, Светлана, Святослав* (святая слава), *Владислав* (тот, кто владеет славой), *Владимир* (тот, кто владеет миром), *Людмила* (людям милая).

С принятием христианства на Руси широкое распространение получили греческие и латинские имена. Без обращения к специальному словарю невозможно узнать, какой смысл заложен, например, в именах *Виктор* (победитель), *Андрей* (мужественный), *Александр* (защитник людей), *Марина* (морская), *Петр* (камень), *Зоя* (жизнь), *Ирина* (мир) и т. п.

Можно рекомендовать учащимся прочесть широко известную книгу Л. Успенского «Ты и твое имя» (Л., 1962), а также книгу Е. Н. Поляковой «Из истории русских имен и фамилий» (М., 1975). Интересные справки о происхождении имен учащиеся почерпнут в «Словаре русских личных имен» Н. А. Петровского. При этом учителю необходимо особо подчеркнуть, что собственные имена не фиксируют никаких качеств и свойств человека, так как имя дается человеку с первых дней его рождения без всякого логического обоснования, а отчество и фамилию он наследует от родителей.

С интересом учащиеся прочтут отрывок из повести Гоголя «Шинель», где автор описывает, как мать по святцам (календарю) выбирала имя своему новорожденному сыну.

Интересна и поучительна история появления фамилий. Вначале установились фамилии знатных людей (князей, бояр, дво-

рян). Подавляющее же большинство населения получило фамилии лишь в XVIII—XIX вв.

Итак, собственные имена обычно образуются от нарицательных имен. Значительно реже случаи перехода собственных имен в нарицательные. Например, слова *хулиган*, *бойкот* произошли от соответствующих собственных английских имен. Учащиеся сами могут привести немало примеров из художественных произведений, когда имя того или иного персонажа превращается в нарицательное слово (*обломовы*, *собакевичи*, *маниловы*, *держиморды* и др.). Многие собственные имена вошли в научную и техническую терминологию: *вольт*, *ом*, *ампер*, *кулон*, *генри*, *дизель* и др. Количество примеров увеличат сами учащиеся. Можно посоветовать учащимся прочитать книгу Л. А. Введенской и Н. П. Колесникова «От собственных имен к нарицательным» (М., 1981).

§ 118. Знакомые с топонимикой, учащиеся могут представить себе, как многообразна и интересна эта наука, как увлекательна работа, связанная с изучением происхождения топонимов. Можно порекомендовать им для чтения книгу В. Ф. Барашкова «Знакомые с детства названия» (М., 1982).

Давая название уже существующему географическому объекту, люди пытались указать на одно из его свойств, т. е. в название вкладывался определенный смысл. Образование многих географических названий нам понятно и теперь. Например, моря *Черное*, *Красное*, *Северное*; города *Грозный*, *Верный*, *Остров*, *Владивосток* (что означало «владение Востоком») и т. п.

Ряд названий древнерусских городов был образован от собственных княжеских имен на *-слав* с помощью суффикса *-j-* (влияние *-j-* вызвало чередование *в* с *вл'*): *Изяслав* — *Изяславль*, *Лихослав* — *Лихославль*, *Переяслав* — *Переяславль*, *Ярослав* — *Ярославль* и др. С помощью суффикса *-ск-* (*-ьск-*) образовались названия городов от наименований рек, около которых возникал город: *Гжать* — *Гжатск*, *Иркуть* — *Иркутск*, *Проня* — *Пронск*, *Ея* — *Ейск* и т. д. Ср. еще *Полоцк*, восходящее к *Полотьскъ*, от названия реки Полота ([т'с] > [тс] > [ц]). Не менее прозрачны такие названия, как *Волоколамск*: от *воло* — «место наибольшего сближения двух судоходных рек, по которому в старину перетаскивали (волочили) суда и грузы из одной речной системы в другую» + название реки *Лама* + *ьск-*; *Мытищи*: от *мыто* (*мытъ*) — «плата, податъ, торговая пошлища» + *ище* (суффикс, обозначающий место чего-либо, ср. *хранилище*), т. е. *мытищи* — место, где вимали *мыто*, и под.

Но происхождение географических названий прозрачно не всегда. При анализе происхождения топонимов ученых интересует, когда, как, почему возникло это название, с какими историческими событиями оно связано.

Судьба многих топонимов очень интересна и связана с историей языка, так как многие из этих названий возникли в глубокой древности и переходили от народа к народу. Первоначальный

смысл названия часто забывается, но само название продолжает сохраняться и живет в языках многих народов. Вот почему на географических картах есть такие топонимы, смысл и происхождение которых до сих пор не раскрыты.

Многие топонимы (так же как и антропонимы) перешли в нарицательные слова. Например, от географических названий произошли такие слова, как *бостон*, *панама*, *шевиот*, *мадаполам* (названия тканей), и др.

В топонимике принято выделять микротопонимику, т. е. малую топонимику, изучающую названия улиц, площадей, частей населенного пункта, рощ, оврагов и т. п. Местная топонимика может стать предметом наблюдений учащихся на занятиях кружков.

Например, история древней Москвы оживает, когда вдумываешься в сохранившиеся старые топонимы. Подробно об этом можно прочитать в книгах П. В. Сытина «Откуда произошли названия улиц Москвы (М., 1959)», М. В. Горбаневского и Г. П. Смолицкой «Топонимика Москвы» (М., 1983).

Топонимы в первую очередь имеют практическую ценность, так как они ориентируют людей на земном шаре. Но топонимы могут сыграть большую роль и в изучении страны, так как они, по образному выражению, являются «языком Земли».

Географические названия могут достоверно свидетельствовать об истории местности, о древнем расселении народов на ней. Народ, назвавший на своем языке реки, горы, озера, леса, может давно исчезнуть, может исчезнуть и его язык (история знает немало мертвых языков), а географические названия продолжают существовать, так как они обычно менее других памятников истории подвергаются действию времени.

Следует также учесть, что собственные имена (антропонимы и топонимы) — слова и, как все слова, имеют свою историю, подчиняются законам языка и изучаются наукой о языке — лингвистикой.

МЕСТОИМЕНИЕ

§ 119. Формы местоимений¹ в современном русском литературном языке во многом сохраняются от древнерусской эпохи, хотя некоторые из них пережили в истории языка определенные изменения. Вместе с тем эти современные формы, а иногда и формы, зафиксированные в литературе XIX в., требуют в ряде случаев исторического комментария для правильного их понимания. Именно на такие формы ниже и будет обращено основное внимание.

Важно иметь в виду также роль местоимений в образовании полных прилагательных, полных причастий, наречий и некоторых глагольных форм.

¹ Местоимения в настоящей книге рассматриваются раньше, чем прилагательные, так как исторический комментарий к прилагательным требует знания истории неличных местоимений.

§ 120. Склонение личных местоимений всех трех лиц в современном языке, как известно, характеризуется супплетивизмом, т. е. тем, что формы именительного падежа, с одной стороны, и формы косвенных падежей — с другой, образуются от разных основ: *я — меня, мне; мы — нас, нам* и т. д. Однако такой супплетивизм имеет разное происхождение и возник в разные периоды. Супплетивность форм местоимений 1-го и 2-го лица является очень древней, и ее нельзя объяснить не только на почве древнерусского языка, но и на почве языка праславянского. Это значит, что супплетивные формы данных личных местоимений характеризовали уже ранний праславянский язык, откуда они перешли в древнерусский, а затем и в современный русский язык. Само же возникновение этого супплетивизма относится еще к допраславянской эпохе — он возник, как видно, в эпоху существования прародителя всех индоевропейских языков — в общиндоевропейском языке-основе.

Наоборот, супплетивизм форм местоимения 3-го лица развился относительно поздно, в период распада праславянского языка. Дело здесь заключается в том, что исконно славянские языки не знали личного местоимения 3-го лица, однако еще до возникновения письменности его роль стало выполнять указательное местоимение *и* (муж. род), *я* (жен. род), *е* (средн. род), выступавшее обычно в сочетании с частицей *же*: *иже, яже, еже*. Это местоимение в косвенных падежах имело формы в единственном числе для мужского и среднего рода *его, ему, имь (>им), емь (>ем)*, а для женского — *ей (>ее), ей (>ей), ею, ей (>ей)*; во множественном числе для всех родов — *ихъ, имъ, ими, ихъ*. Еще в праславянский период в им. пад. вместо форм *и, я, е* укрепились формы другого указательного местоимения — *онъ, она, оно* (это местоимение сохранилось теперь как форма устаревшего полного прилагательного *оный, оная, оное*, которое можно встретить в литературе XIX в.; ср. еще выражение *в оно время* — «когда-то, давно»), в косвенных же падежах сохранились старые формы. Так и возник тот супплетивизм форм местоимения 3-го лица, который характерен для современного русского языка.

§ 121. Формы косвенных падежей местоимения 3-го лица заслуживают внимания также и потому, что в них обнаруживается еще одна своеобразная черта, а именно появление в абсолютном начале слова согласного [н] после предлога: *вижу ее, но получил от нее; дал ему, но пошел к нему; доволен ими, но встретился с ними; видел их, но пришел от них* и т. д.

Почему именно предлоги вызывают такое «вставочное» *н*?

Этот факт связан с тем, что первоначально такое *н* могло появиться лишь в результате переразложения основ при сочетании форм указательного местоимения с теми предлогами, которые и с ко н ю имели в свдем составе согласный *н*; такими предлогами были *вън, кън* и *сън* (см. § 32). Когда эти предлоги употреблялись с формами косвенных падежей бывшего указа-

тельного местоимения *и, я, е*, например *вън его, кѣн ему, сън имь*, происходило переразложение основ и согласный *н* присоединялся к местоимению (этому переразложению способствовало то обстоятельство, что наряду с предлогами *вън, кѣн, сън* древнерусский язык знал и предлоги *въ, къ, съ*); в результате этого возникли новые отношения: *его*, но *въ него*, *ему*, но *къ нему*; *имь*, но *съ нимь*. Постепенно в истории русского языка развилась четкая связь форм без *н* и форм с *н* в беспредложных и предложных образованиях: если выступает беспредложное сочетание, например, глагола с местоимением, употребляется форма без *н*; если же это сочетание включает в свой состав предлог, выступает форма с *н*, причем теперь уже неважно; имел ли предлог исконно в своем составе *н* или не имел; ср. *от него, у нее, о нем* и т. д.

§ 122. Наконец, говоря о местоимении 3-го лица, надо обратить внимание еще на одну форму, не характеризующую современный русский литературный язык, но широко распространенную в языке XVIII—XIX вв. и отмечаемую в произведениях русской классической литературы. Речь идет о форме им. пад. множ. числа.

В древнерусском языке в зависимости от рода употреблялись три формы им. пад. множ. числа: *они* (муж. род), *оны* (жен. род), *она* (средн. род). Действие общей тенденции к единообразию падежных окончаний множ. числа (эту тенденцию мы отмечали, говоря о склонении существительных, см. § 104), обусловившей то, что в косвенных падежах местоимение 3-го лица имело одинаковые формы для всех трех родов, привело к установлению и в именительном падеже также единой формы *они*, восходящей, таким образом, к древнерусской форме мужского рода. Эта единая форма и характерна для современного русского литературного языка.

Однако в процессе развития местоимения 3-го лица в им. пад. множ. числа возникла еще одна форма — *оне* (<*онѣ*). Совершенно ясно, что она не является сохранением какой-либо старой формы, а представляет собой древнерусское диалектное новообразование. Форма *оне* возникла по аналогии с формами местоимений *те* (<*тѣ*), *все* (<*вьсѣ*). Эта форма проникла в литературный язык в XVIII в. и закрепилась в нем наряду с *они*, причем между двумя формами произошло своеобразное грамматическое «размежевание»: *они* стало формой мужского и среднего рода, а *оне* — женского. Ср. у Пушкина:

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне *оне*
Иную жизнь и берег дальний.

(«Не пой, красавица, при мне»)

Однако такое «размежевание» этих двух форм было искусственным, не имело опоры в живом языке и потому не могло со-

храниться Реформой 1917—18 г. форма *о́не* была исключена из литературного языка, и теперь, если она и встречается в художественной литературе, то лишь как средство стилизации

§ 123. Коснемся вопросов истории местоимений других рядов

Обратимся к формам род пад единственного числа личных местоимений муж и средн рода *того, всего, моего, нашего, кого, чего* и т. п Известно, что в современном русском литературном языке все эти формы произносятся с согласным [в] на месте *г* в окончании. Написание этих форм является, таким образом, чисто традиционным, отражающим утраченное древнерусское их произношение с согласным [г]

§ 124. Вин и дат падежи местоимений 1-го и 2-го л, а также возвратного местоимения в древнерусском языке имели две формы — полную и краткую: *мене, тебе, себе* (из которых возникли современные *меня, тебя, себя*) и *мя, тя, ся; мѣнѣ, тебѣ, себѣ* и *ми, ти, си, васѣ, вамѣ* и *вы; насѣ, намѣ* и *ны* В истории русского языка краткие формы исчезли (ср др-русск *иду на вы* — предупреждение врагам о походе на них войной) Сохранились лишь очень слабые следы этих форм в междометных выражениях типа *Бог тя знает! Я те дам! Вот те на! Вот те раз!* (Впрочем, эти формы могли возникнуть и позже в результате фонетических изменений. *тебя > тея > тя*) Однако в одном случае краткая форма, потеряв связи с местоимением, послужила средством образования новой грамматической категории в русском языке.

Речь идет о бывшей краткой форме возвратного местоимения *ся*, превратившейся в суффикс и служащей для образования возвратных глаголов Если первоначально *ся* сохраняло свою самостоятельность и могло употребляться отдельно от глагола (ср. *что ся деет по веремьнемь* — «делается»), то постепенно оно теряло самостоятельность и, закрепляясь только в положении непосредственного следования за глаголом, сливалось с ним, превращаясь в суффикс, образуя возвратную форму

Тот факт, что в современном языке этот суффикс выступает то в виде *-ся*, то в виде *-сь* (т е [с']), может быть объяснен как результат ослабления и исчезновения безударного гласного

§ 125. Целесообразно обратить внимание учащихся на разветвленную систему указательных местоимений в древнерусском языке: *и, я, е; иже, яже, еже, сеѣ, сия, сие* (ср. в современном языке: *сегодня, сейчас, сию минуту* — и устойчивые сочетания *не от мира сего, ни то ни сѣ, ни с того ни с сего*, ср еще *иже с ними* — «все, кто с кем-либо»)

Среди указательных местоимений большой интерес представляют также местоимения *тот, та, то; этот, эта, это*. Форма мужского рода образована путем удвоения древней формы *тъ* *тътъ > тотѣ > тот*, а *этот* (известная лишь со второй половины XVII в) — путем присоединения местоименной частицы *э*

к указательному местоимению *тот, та, то* Вместо исконной формы вин пад жен рода *ту* в художественной литературе встречается форма *тоё*, являющаяся по происхождению формой род пад (др -русск *тоѣ*) Ср в басне Крылова «Лиса-строитель»: «Кого ж подстерегли? *Тоё* лису-злодейку» Под влиянием этой формы по аналогии появилась форма вин пад жен. рода от определительного местоимения *сама* — *самоё*, которая употребляется и в настоящее время (в книжной речи) наряду с формой *саму*

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Краткие и полные прилагательные

§ 126. В современном русском языке прилагательные могут выступать как в краткой, так и в полной форме Однако если иметь в виду, что основная функция прилагательных — это выражение определения, а краткие формы прилагательных выступают теперь лишь в роли сказуемого, то можно утверждать, что прилагательными как таковыми в современном русском языке являются прежде всего полные формы

В истории русского языка отношения кратких и полных прилагательных были иными. Иной была и их грамматическая роль Более древними являются краткие прилагательные; полные же формы образовывались от кратких путем присоединения к ним падежных форм указательного местоимения *и, я, е* (см. § 120)

Первоначально как краткие, так и полные прилагательные склонялись и изменялись по родам и числам; разница здесь была лишь в том, что краткие прилагательные склонялись как существительные 1-го (если речь шла о женском роде) или 2-го (если речь шла о мужском и среднем роде) склонения, а полные — как указательные местоимения *тот, то, та* или *весь, всё, вся* О том, что краткие прилагательные могли выступать в роли определения и склоняться, свидетельствуют некоторые обороты, в состав которых входят старые падежные формы кратких прилагательных, например *на босу ногу, от мала до велика, отчего сыр-бор загорелся, средь бела дня, по белу свету.*

И краткие и полные прилагательные употреблялись в роли определений, т. е. согласовывались с существительным, к которому они относились, в роде, числе и падеже Однако в роли сказуемого в древнерусском языке могли выступать только краткие прилагательные, полные формы в такой роли стали употребляться относительно поздно, не ранее XV в

§ 127. Если в древнерусском языке раннего периода его развития в роли определения равно выступали как краткие, так и полные прилагательные, то, естественно, должно было быть какое-то различие в значении этих определений Это различие заключалось, как предполагают, в том, что краткие прилагательные употреблялись при неопределённом существительном, т. е.

при существительном, обозначающем или неизвестный предмет, или впервые упоминаемый, а полные — при определенном существительном, т. е. при существительном, обозначающем уже известный предмет (такие отношения можно сравнить с различием неопределенного и определенного артиклей в английском, французском, немецком языках). Таким образом, *добра сестра* означало, что признак доброты приписывается вообще какой-то сестре или той, которая впервые упомянута, а *добрая сестра* можно было бы истолковать как «эта (определенная, известная) сестра добра».

Однако категория определенности-неопределенности оказалась неустойчивой в древнерусском языке, и в связи с тем, что краткие прилагательные изначально могли выступать в роли сказуемого, они и укреплялись в этой роли, утрачивая вместе с тем позицию определения при существительном. В последней позиции, наоборот, укрепились полные формы, которые и превращались по существу в прилагательные, т. е. в слова, выполняющие функцию определения. В результате того что краткие прилагательные стали сохраняться только как именная часть составного сказуемого, а эта именная часть всегда выступает в именительном падеже, краткие прилагательные утратили формы косвенных падежей, т. е. перестали склоняться. Так возникли современные отношения кратких и полных прилагательных.

Итак, в современном языке краткие прилагательные обычно употребляются только в роли сказуемого, а полные — в роли определения. Однако полные прилагательные нередко бывают и сказуемыми. В первую очередь это относится к относительным прилагательным, так как они не имеют краткой формы, например: *Поезд был курьерский. Настроение праздничное*, а также к притяжательным, ср.: *Берлога медвежья Платок был мамин*. Следует отметить качественные прилагательные, которые, употребляясь в роли сказуемого, имеют полную и краткую форму, например: *Артист был умный, веселый и находчивый*. — *Артист был умен, весел и находчив*. В чем здесь различие? Акад. В. В. Виноградов писал: «Полные прилагательные даже в предикативном употреблении означают, что признак в предмете пребывает постоянно, что существование признака охватывает весь период бытия предмета. Напротив, краткие прилагательные выражают, что признак в предмете пребывает непостоянно, является временным его состоянием»¹. Значит, если сказуемое выражено полным прилагательным, то признак, обозначаемый им, является постоянно присущим предмету, если же оно выражено кратким прилагательным, то признак, обозначаемый им, является временным (артист *умный* — постоянный признак данного человека, артист *умен* — сейчас, в определенный момент).

¹ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. 1947, с. 270.

§ 128. Несколько иную судьбу имели притяжательные прилагательные с суффиксами *-ов* (типа *отцов*) и *-ин* (типа *сестрин*), которые сохранились в роли определений, а поэтому и не утратили склонения. Эти прилагательные, конечно, не были охвачены категорией определенности-неопределенности, т. е. не имели полных форм, так как они могли употребляться как определения только по отношению к известному лицу или предмету, а поэтому не нуждались в особом оформлении местоименными флексиями, какое имели полные, первоначально определенные прилагательные. Все сказанное обусловило сохранение притяжательных прилагательных в роли определений как склоняемых слов. Ср. в баснях Крылова

*Вещунья*на с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло,—
И на приветливы *лисицыны* слова
Ворона каркнула во все воронье горло
(«Ворона и Лисица»)

Закралась грусть в *красавицыну* грудь
(«Разборчивая невеста»)

Я *солнцев* брат и зимнею порою
Чудес не меньше строю
(«Роща и Огонь»)

При помощи суффикса *-ин* (*-ын*) образуются притяжательные прилагательные от основ одушевленных существительных 1-го склонения со значением лица (иногда встречаются образования от названий животных и даже неодушевленных существительных). Эти прилагательные выражают единичную принадлежность.

В разговорной речи особенно широко распространены образования на *-ин* от названий лиц по родству, от собственных имен и их интимных форм: *мамин, папин, мамашин, мамёнькин, бабушкин, тетин, Катин, Верин, Петин, Колин* и т. п.

При помощи суффикса *-ов* (*-ев*) образуются притяжательные прилагательные от основ одушевленных существительных мужского рода 2-го склонения со значением лица. Однако эти образования более ограничены, чем слова на *-ин*.

Следует иметь в виду, что притяжательные прилагательные на *-ин* и *-ов* (*-ев*) в строго нормированном современном словообразовании не участвуют. В древнерусском языке и позднее эти суффиксы употреблялись значительно свободнее, о чем свидетельствуют многочисленные устойчивые сочетания типа *антонов огонь, гордиев узел, мамаево побоище, авгиевы конюшни, нове ковчег, прометеёв огонь, ахиллесова пята, дамоклов меч, демьянова уха, крокодиловы слезы, сизифов труд, филькина грамота* и др., а также топонимические наименования: *Марсово поле, Мамаев курган, Берингов пролив* и т. п.

Притяжательные прилагательные на *-ин* и *-ов (-ев)*, образованные от собственных имен, явились источником большинства русских фамилий (ср *Кузьмин, Еремин, Петров, Сергеев; Кузнецова, Павлова*) и многих названий городов, населенных пунктов (ср. *Киев, Львов¹, Пушкино, Комарово* и т. п.). Если собственное имя оканчивается на согласный, то к нему прибавляется суффикс *-ов (-ев)* ср *Максим — Максимов, Матвей — Матвеев*, если же имя оканчивается на *-а (-я)*, то к основе прибавляется суффикс *-ин*; ср *Илья — Ильин, Лука — Лукин* и т. п.

§ 129. Следует, наконец, отметить тот факт, что в древнерусском языке была еще одна группа притяжательных прилагательных — группа слов, образованных исконно с суффиксом *-j-* и склонявшихся по мягкой разновидности 1-го или 2-го склонения. Такую форму можно видеть, например, в «Слове о полку Игореве» *по замышленцю бояню* — форма *бояню* — это род пад един числа от *боянь* «боянов»; *боянь* же является притяжательным прилагательным от имени *Боянь*, образованным с суффиксом *-j-* *боян-j-ь* (сочетание [н] + [j] изменилось в [н']) Все эти прилагательные были утрачены в истории русского языка, и свидетельством их былого существования остались лишь названия городов *Ярославль, Переяславль, Перемышль, Путивль, Изяславль* (т. е. город Ярослава, Переяслава, Перемысла и т. д.).

§ 130. Притяжательные прилагательные образуются также от основ существительных мужского и женского рода, обозначающих названия лиц и животных при помощи суффикса *-j-*: *охотничий, заячий, павлиний, щучий*. Эти прилагательные, в отличие от притяжательных прилагательных типа *дядин, отцов*, выражают родовую принадлежность.

Рекомендуется обратить внимание на состав слов в формах косвенных падежей: $\overbrace{\text{син}} \boxed{\text{ий}}$ — $\overbrace{\text{син}} \boxed{\text{его}}$, но $\overbrace{\text{лисий}} \square$ — $\overbrace{\text{лис}} \overset{\wedge}{\text{й}} \boxed{\text{его}}$. Здесь суффикс *-j-* выступает в своей основной форме (в именительном же падеже он имеет фонетический вариант *-ий*, где *и* является вставочным).

§ 131. Заканчивая рассмотрение истории кратких прилагательных, целесообразно обратить внимание еще на два момента.

Во первых, несмотря на относительно раннюю утрату склонения краткими прилагательными, они все же в качестве определений нередко встречаются в фольклорных произведениях и в поэзии XVIII — начала XIX в. Таковы, например, фольклорные

¹ В древнейшей летописи «Повести временных лет» рассказывается о том, что более полутора тысяч лет назад на высоком холме над Днепром поселились три брата, храбрых воина Кий, Щек и Хорив. Они основали город, получивший название по имени старшего брата *город чей? Киев*. Эта форма притяжательного прилагательного постепенно стала восприниматься как название города.

Название города *Львов* (по происхождению также притяжательное прилагательное) обычно связывают с именем галицкого князя Льва, который в XIII в. возвел городские укрепления.

выражения *на миру и смерть красна, не красна изба углами, а красна пирогами*, таковы и некоторые факты, примеры употребления кратких прилагательных в роли определений, которые можно найти, скажем, у Пушкина, например:

Царь Салтан, с женой простясь,
На добра коня садясь

(«Сказка о царе Салтане»)

Во-вторых, от кратких прилагательных следует отличать искусственно образованные так называемые усеченные прилагательные, часто встречающиеся в поэзии XVIII—XIX вв. Ср., например, «Как *мала искра* в вечном льде» (Ломоносов), «Уж *темна ночь* на небеса всходила» (Пушкин). Здесь надо иметь в виду, что полные и краткие прилагательные отличаются местом ударения, тогда как в усеченных формах ударение падает на тот же слог, что и в полных. Для приведенных выше примеров ср.: полные прилагательные *мáлая, тёмная*, краткие — *малá (куча мала), темнá* («Ночь *темна*, не видна в небе луна»), усеченные — *мáла, тёмна*.

Склонение прилагательных

§ 132. Как известно, существует две разновидности склонения прилагательных: твердая и мягкая, с одной стороны, *красный, красного*, с другой — *синий, синего*. Вместе с тем такие прилагательные, которые имеют основу на *ж, ш, ч, ц* (типа *чужой, хороший, сыпучий, куцый*), а также на заднеязычные *г, к, х* (типа *дорогой, великий, сухой*) частично склоняются по мягкому, а частично — по твердому типу.

Как же появился этот смешанный тип склонения?

Как известно, смешанность типа склонения прилагательных с основой на *к, г, х* проявляется прежде всего в том, что, имея в род, дат и предл. пад. един. числа муж. и средн. рода окончания *-ого, -ому, -ом* (*глубокого, -ому, -ом; строгого, -ому, -ом; тихого, -ому, -ом*), т. е., склоняясь по твердому варианту, эти прилагательные в твор. пад. един. числа и во всех формах множ. числа приобретают окончания по мягкому варианту: *глубоким, -ими, -их; строгим, -ими, -их, тихим, -ими, -их* и т. п. (как *синим, -ими, -их* и под.). Исконно такие прилагательные, конечно, могли относиться только к твердому варианту склонения, так как [к], [г], [х] не могли сочетаться с гласными переднего ряда, в том числе с [и] (см. § 7, 37—39). Следовательно, те падежные формы, которые теперь имеют окончания *-их, -им, -ими*, в древнерусском языке оканчивались на *-ых, -ым, -ыми* (т. е. было одинаково как *красныхъ, -ымъ, -ыми*, так и *глубокихъ, -ымъ, -ыми*). Однако в истории русского языка сочетания [кы], [гы], [хы] не удержались и изменились в [к'и], [г'и], [х'и] (см. § 56), современному

русскому языку они не известны (исключение составляют междометие *кыш* и подзывное слово *кыс-кыс*) Это изменение и привело к тому, что в определенных падежных формах прилагательных на *к, г, х* оказались окончания, свойственные мягкому варианту склонения

Что касается им пад един числа муж рода этих прилагательных, то его история была такой же, что и история полных прилагательных твердого варианта (см § 133) Эта форма после падения редуцированных стала оканчиваться на *-ой* (*глубокой, строгой, тихой*), которое в безударном положении при аканье произносится как [ъй] ([глубо́къй], [стро́гъй], [т'ихъй]). Это окончание должно было получить обозначение в орфографии через *-ый* (так же как [краснѣй] — *красный*), однако указанная выше чуждость сочетаний [кы], [гы], [хы] привела к вытеснению этих окончаний и к замене их орфографическим *-ий* Это окончание, также переводящее данные прилагательные в мягкий вариант склонения, есть чисто орфографическое явление: по старомосковским нормам литературного произношения форма им пад един числа муж рода должна произноситься с окончанием [ъй]. В наши дни влияние орфографии по существу вытеснило такое произношение. теперь говорят [глубо́къй], [стро́гъй], [т'ихъй].

§ 133. В самом склонении прилагательных внимания заслуживают некоторые падежные формы, требующие исторического комментария.

Не говоря специально о форме род пад един числа муж и средн. рода на *-ого, -его*, окончание которой произносится с согласным [в], а написание *г* является чисто традиционным, необходимо подробно прокомментировать форму им пад един числа муж рода

Как известно, в этой форме в твердом варианте склонения под ударением произносится [оц], что соответственно отражается и в написании данной формы, а без ударения — [ъй], в орфографии передающееся через *-ый*; в мягком же варианте окончание всегда безударно и произносится как [ьй], что в орфографии передается через *-ий*, например *молодой* [мълдѡй], *красный* [краснѣй], *синий* [сйн'ѣй]

Примечание В современной устной речи им пад един числа с безударным окончанием под влиянием орфографии стал произноситься с окончанием [ьй], [ий]

Надо иметь в виду, что, как уже говорилось, полные прилагательные исконно образовывались от кратких путем присоединения падежных форм указательного местоимения *и, я, е*, в рассматриваемой форме — им пад един числа муж рода *и краснѣ + и, синѣ + и*. Гласные [ъ] и [ь] изменились в [о] и [е] Следовательно, в древнерусском языке независимо от ударения в им пад един числа у прилагательных муж рода было окончание

-ой, -ей В таком виде эта форма выступает и теперь в тех северных русских говорах, которые не знают редуции безударных гласных (ср также такие фамилии, как *Толстой*, *Дикой*, *Тихой*, где перенос ударения на окончание отчетливо выявляет наличие [о] в им пад един числа) В таком виде эти формы часто можно встретить в литературе, особенно в поэзии XVIII—XIX вв., например

Когда я вдоль реки *широкой*
Считаюсь мрачный, *одинокой*

(Веневитинов «К моей богине»)

Свободно говорил язык *словоохотной*,
И легкие часы летели *беззаботно!*

(Языков «К няне А С Пушкина»)

Но, конечно, в приведенных примерах древнерусское оформление на письме окончания им пад является всего лишь орфографической особенностью, ибо при акающем литературном произношении безударное [о] не могло сохраниться — оно изменялось в редуцированный, ослабленный гласный Следовательно, при аканье ударное и безударное окончания стали произноситься по-разному, как это наблюдается и в современном языке, и это разное произношение получило свое отражение в орфографии

Здесь следует учесть, что редуцированные гласные [ъ] и [ь] в форме им. пад един числа полных прилагательных муж. рода в старославянском языке изменились в гласные [ы] и [и]. Поэтому в старославянских памятниках, а отсюда и в церковнославянском произношении в Древней Руси, в рассматриваемой форме закономерно выступало окончание *-ый, -ий* Именно такое написание закрепилось в русской орфографии

§ 134. Заслуживает внимания и форма род пад един числа прилагательных жен рода Впрочем, в данном случае речь идет не о современном явлении литературного языка, а об одном факте, достаточно часто встречающемся в художественной литературе до конца 30-х годов XIX в.

Известно, что в произведениях русских поэтов XVIII — начала XIX в. наряду с формой род пад един числа на *-ой, -ей* отмечается форма с окончанием *-ья, -ия*, например.

Досталось мне пасти иное стадо
На пажитях *крававья* войны.

(Жуковский «Прощание Иоанны д'Арк»)

. В мраке прохладном,
под сенью *дуплистая* липы!

(Майков «Пустыннику»)

И жало *мудрыя* змен
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой
(Пушкин «Пророк»)

Болтливыя молвы не требуя похвал,
Я подвиг бытия означил темным кругом
(Вяземский «Уныние»)

Эта форма по своему происхождению не древнерусская, а старославянская, точнее — это русифицированная передача старославянского образования данной формы В старославянском языке род пад един числа жен рода оканчивался на *-ыѣ*, *-иѣ*, в древнерусском же — на *-оѣ*, *-еѣ*, откуда в результате редукции до исчезновения гласного [ѣ] — *-ой*, *-ей* Как известно, на восточнославянской почве носовой [е] изменился в [а] после мягкого согласного (см § 26), и поэтому старославянские *-ыѣ*, *-иѣ* стали передаваться как *-ыя*, *-ия*, что и обнаруживается в приведенных выше фактах

Степени сравнения прилагательных

§ 135. Наконец, можно обратить внимание на формы сравнительной и превосходной степени прилагательных, образование которых отличается сложностью и многообразием, также объясняемыми определенными историческими процессами в развитии русского языка Прежде всего требует объяснения тот факт, что сравнительная степень прилагательных в современном русском языке характеризуется то суффиксом *-е* и чередованием конечного согласного корня, то суффиксом *-ее* без такого чередования, ср *хуже*, *крепче* и *новее*, *сильнее* (впрочем, ср у Пушкина «Я к Вам пишу — чего же боле» — «Евгений Онегин»)

Такое различие связано с тем, что исконно сравнительная степень образовывалась с помощью суффикса, включающего в свой состав начальный согласный [j] Если этот [j] присоединялся непосредственно к конечному согласному, то он, как обычно, ассимилировался этому согласному, смягчая его (при этом смягчение могло приводить к появлению согласного иного качества) Например, от основы *худ-* (*худой*) при образовании сравнительной степени начальный согласный суффикса [j] присоединялся непосредственно к [д], в результате чего возникал мягкий [ж] (см § 45) *хуже* Но этот [j] мог присоединяться и не непосредственно к конечному согласному основы, а через посредство *-ѣ*-, так, например, *нов + ѣ + j + е > новѣе > новее*

Надо иметь в виду, что в истории русского языка исконные формы сравнительной степени могли преобразовываться Так, в результате редукции, до исчезновения конечного [е] суффикс

-ѣе > -ее изменялся в -ей, широко распространенный в современной, особенно устной речи *сильней, скорей, веселей* и т д

§ 136. Что касается современной формы превосходной степени прилагательных с суффиксом *-ейш-*, то по происхождению она является той же сравнительной степенью, но осложненной присоединением падежных форм указательного местоимения *и, я, е* (как это было и при образовании полных прилагательных, см § 126) То, что эта форма по происхождению является сравнительной степенью, обнаруживается в употреблении ее еще в начале XIX в именно в этом исконном значении (ср у Жуковского «*Огромнейший первого камень схватил*» — перевод «Одиссеи») Наряду с *-ейш-* в превосходной степени после шипящих выступает суффикс *-айш-* *высочайший, дражайший, кратчайший, тишайший* и т п¹ Надо сказать, что в современном языке формы превосходной степени с суффиксами *-ейш-*, *-айш-* распространены все-таки не широко более употребительны описательные составные (аналитические) обороты для выражения превосходной степени — *самый высокий, самый краткий* и т п

В древнерусском языке превосходная степень выражалась также описательно, с помощью слов *вельми, очень, самый*, присоединяемых к прилагательным, а в книжном языке также церковнославянизмами — прилагательными с приставкой *пре-* (*предобрый, премудрый*) и образованиями с приставкой *наи-* (*наибольший, наилучший*)

Составные формы степеней сравнения стали особенно употребительны с середины XIX в «Эта серия форм степеней сравнения должна быть признана очень живой и продуктивной в составе современного русского литературного языка Грамматическое удобство их употребления состоит в том, что они могут быть образованы от любого качественного прилагательного, даже от такого, от которого нельзя образовать простые формы степеней сравнения (например, от прилагательных с суффиксами *-ский, -ний, -овый* и т п) Описательные формы степеней сравнения последовательны, универсальны и логичны»²

Правописание прилагательных

§ 137. При изучении прилагательных необходимо обратить внимание на вопросы орфографии, связанные с историческими явлениями В первую очередь это относится к различным случаям чередования При образовании кратких форм прилагательных учащиеся встретятся со случаями появления беглых *о, е* (т. е. с чередованием этих гласных с нулем звука), ср *близкий* —

¹ Суффикс *айш-* образован следующим образом *крепкый — крепкѣйш(ий) > крепкѣвйшій > крепчайший* (т е [к] перед гласным переднего ряда изменился в мягкий [ч'] (см § 39), после которого [ѣ] перешло в [а'])

² Виноградов В В Русский язык Грамматическое учение о слове М, 1947, с 247

близок, робкий — робок, сладкий — сладок, узкий — узок, сильный — силен, страшный — страшен и т д Кроме того, при образовании полных прилагательных часты случаи стечения согласных, что ведет к появлению непронозимых звуков, ср *гигант — гигантский, уста — устный, опоздать — поздний, счастье — счастливый, прелесть — прелестный, известие — известный* и др Особое внимание должно быть уделено правилам, связанным с шипящими согласными и [ц] Здесь важно показать учащимся преемственность и последовательность орфографии существительных и прилагательных Речь идет о написании шипящих в конце существительных и кратких прилагательных (ср *врач, шалаш, нож, плащ, отец и горяч, могуч, хорош, свеж* и т д), а также о написании *о, е* после шипящих и *ц* в окончаниях и суффиксах существительных и прилагательных (ср в существительных: *врачѳм, свинѳм, камышѳм, плащѳм, но товарищем, задѳчей, крѳшей, ѳлицей, сѳрдцем, снежѳк, ручѳнка, медвежѳнок, но горѳшек, человекѳк, кусѳчек* и т п, в прилагательных *большѳй, чужѳй, но хорѳшего, свѳжего, ежѳвый, торѳбовый, но ключевѳй, лицевѳй, вещевѳй* и т п).

Учащиеся должны понять, что во всех этих орфограммах имеются два условия *о* в окончаниях и суффиксах существительных и прилагательных пишется только тогда, когда находится после шипящих или *ц* под ударением Несоблюдение хотя бы одного условия требует здесь написания *е* (ср *грѳшевый* — суффикс *-ев(ый)* находится после шипящего в неударном положении, *козлѳнок* — ударный суффикс находится не после шипящего или *ц*).

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

§ 138. В современном русском языке имена числительные, образуя особую, отдельную часть речи, объединяют слова — названия чисел, совершенно разные по своему образованию, по своему исконному характеру, по типам словоизменения Это объясняется тем, что как особая часть речи числительные сложились в относительно поздний период истории русского языка и до сих пор сохраняют многие черты, присущие им в древнерусскую эпоху Эти черты связаны прежде всего с тем, что в древнерусском языке слова — названия чисел не образовывали особой части речи, а относились или к прилагательным, или к существительным, или вообще еще не являлись отдельными словами, а представляли собой сочетания слов определенного характера

§ 139. Прилагательными были названия чисел *одинѳ (одѳна, одѳно), дѳва (дѳвѳ), три (трѳе), четыре (четыри)*. Такой их «прилагательный» характер выражался прежде всего в том, что они с о г л а с о в ы в а л и с ь в роде, числе и падеже с существительными, к которым относились *дѳва* (муж род) и *дѳвѳ*

(жен и средн род) согласовывались с существительными, выступавшими в падежных формах двойств числа (см выше, § 88), а *трѣ* (муж род), *три* (жен и средн род) и *четыре* (муж род), *четыри* (жен и средн род) — с существительными, выступавшими в падежных формах множ числа: *дѣва стола*, *дѣвѣ рыбѣ*, *дѣвѣ селѣ*, *трѣ столи*, *три рыбы*, *три окна*; *четыре столи*, *четыри рыбы*, *четыри окна* В современном языке такие отношения не существуют

Синтаксические признаки прилагательного полностью сохранило только числительное *один*, которое, сочетаясь с существительными, согласуется с ними в роде, числе и падеже Следует отметить, что слово *один* может употребляться также в качестве местоимения или существительного Например « в одном департаменте служил *один* чиновник» (Гоголь «Шинель»), «*Один* за всех, все за *одного*» (Пословица)

Остальные количественные числительные в им-вин пад, сочетаясь с существительными, выступают в роли управляющих слов, причем числительные *два*, *три*, *четыре* требуют род пад един числа (*два*, *три*, *четыре* *стола*), а остальные числительные — род. пад. множ. числа (*пять* *столов*) Во всех косвенных падежах числительные сочетаются с существительными, полностью согласуясь с ними, ср *двух* *столов*, *двумя* *столами*

П р и м е ч а н и е Прилагательные-определения, имеющиеся при существительных, которые сочетаются с числительными *два*, *три*, *четыре*, могут быть и в форме им пад множ числа, и в форме род пад множ числа, например *четыре отважные летчицы* и *четыре отважных летчика*

В таком изменении связей чисел с относящимися к ним существительными отражается процесс формирования числительных как особой части речи Кроме того, можно просто установить, что современный язык знает только одну форму *три* и *четыре* (т е было утрачено различие по родам), а форма *две* стала употребляться только с существительными жен рода (в том, что *два* стало сочетаться не только со словами мужского рода, но и среднего, сказалось общее сближение склонений имен этих двух родов)

Не останавливаясь на рассмотрении сложной истории падежных форм данной группы числительных, следует напомнить о том, что в современном языке в некоторых образованиях сохранились старые формы числительного *два* (*две*) (см § 89).

§ 140. Особого исторического комментирования заслуживает числительное *один* Оно произошло из общеславянской формы *единъ* (ср в современном русском языке *единый*, *единственный*, *единица*, *объединение*, *единство* и др), которая является результатом сложения *едъ* и *инъ*, *едъ* выступает в значении усилительной частицы (ср *едва*), а *инъ* первоначально обозначало «один», далее — «некоторый, какой-то» (ср *иной*, *иногда*, *инойродный*,

иногородний, иносказательный, иностранный и др.). В словах *инок* (калька греч слова «монах»), *инорог* сохранилось старое значение *ин* — «один»

Словообразовательный элемент *ин* в роли суффикса мы встречаем в словах *татарин, армянин, болгарин, хозяин, господин, гражданин*, где он выступает в значении единичности

§ 141. В отличие от группы 2—3—4, слова — названия чисел от 5 до 10, а также *сорок, сто, тысяча* в древнерусском языке были существительными, изменявшимися, правда, по разным типам склонения. 5—9 — как существительные 3-го склонения, 10 — как существительные типа *камы, ремы* (см § 100), 40 и 100 — как существительные 2-го склонения, а 1000 — как существительные 1-го склонения. Однако все они объединялись тем, что при этих названиях чисел относящееся к ним существительное употреблялось в форме род пад множ числа, т е здесь исконно была связь управления. Эта группа числительных по существу сохранилась в современном языке без изменений, если не считать утраты падежных форм числительных 40 и 100 и перехода числительного 10 в 3-е склонение. Последний факт не требует особых комментариев, а история числительных 40 и 100 заслуживает определенного внимания

§ 142. Слово *сорок* по своему происхождению является существительным со значением «рубаха» (ср совр *сорочка*) или «мешок». В «сорок» можно было положить 40 шкурок соболей на полную шубу. Как видно, название предмета было перенесено сначала на число этих соболей, а затем вообще отвлечено от конкретности, именно так возникло числительное *сорок*, заменившее исконное *четыредесять* (о нем см § 145). Это слово, как уже говорилось, изменялось по 2-му склонению, но в истории русского языка утеряло свои падежные формы: в современном языке есть только *сорок* для им -вин пад и *сорока́* — для косвенных падежей (То же произошло и с *девятьюсто*, которое имеет для всех косвенных падежей одну форму *девятьюста*; о 90 см § 147). Как остаток старого склонения можно привести выражение *сорок сороков*, где выступает форма род пад множ числа *сорок*

§ 143. Точно такую же утрату падежных форм, при сохранении лишь двух: *сто — ста*, пережило и это название числа (иногда еще употребляется старая форма род пад множ числа *сот*, например *несколько сот рублей, триста сот* и т п)

Что же касается слова *тысяча*, то оно не пережило никаких изменений и в современном языке склоняется как существительное мягкой разновидности 1-го склонения

Для обозначения больших чисел в современном русском языке используются слова *миллион* и *миллиард*, которые являются поздними заимствованиями. Слово *миллион*, обозначающее тысячу тысяч, придумано знаменитым итальянским путешественником Марко Поло. Итальянское слово *милли* обозначает «тысяча», а суффикс *-он(е)* соответствует русскому увеличительному суф-

фиксу *-ищ-* (ср *домище, ручища*) Слово *миллиард*, обозначающее тысячу миллионов, заимствовано из французского языка и образовано от *милли* при помощи суффикса *-ард(е)* Эти слова употребляются как изменяемые существительные 2-го склонения

§ 144. Особого внимания заслуживают числительные *11—19, 20—30, 50—80, 200, 300, 400 и 500—900*, так как все они представляют собой результат изменений первоначальных сочетаний разных слов — названий чисел Именно потому, что такие первоначальные сочетания превратились в самостоятельные слова, мы и можем говорить о новых образованиях числительных, такому превращению предшествовало возникновение в сознании людей простых целых понятий об этих числах, тогда как прежде существовало понятие о сложных названиях чисел

В древнерусском языке для обозначения количества от *11* до *19* употреблялось сочетание из трех слов: *одинъ два (двѣ) три* и т. д. + предлог *на* + местн. пад. от *десять* — *десяте один-на-десяте, двѣ-на-десяте, три-на-десяте* и т. д., т. е. один, два, три... сверх десяти Преобразованию таких сочетаний в одно слово способствовали фонетические процессы, обусловленные произношением, а именно если первоначально ударение имели *и один, два, три*, и *десяте*, то постепенно при слитном произношении это ударение стало сохраняться только на первой части сочетания, что привело к ослаблению, редукции, безударных (заударных) гласных — так начало появляться произношение *одинна-д(ь)-сяте*, в новообразованном слове сочетание согласных [дс] в результате уподобления [д] последующему глухому изменилось в [тс], т. е. [ц] *одиннадцать* [д'инъцът'] Точно так же произошло и в остальных словах этой группы (*две-на-дцать, три-на-дцать* и т. д.).

§ 145. Современные числительные *20* и *30* тоже восходят к сочетаниям самостоятельных слов в древнерусском языке это были сочетания *два* с им. двойств. числа от *десять* — *десяти* и *три* с им. пад. множ. числа от *десять* — *десяте* (как говорилось уже, *два* и *три* выступали здесь как прилагательные, согласованные с *десять* как существительным в числе и падеже) *два-десяти, три-десяте* Те же фонетические процессы, которые описывались при рассмотрении числительных *11—19*, привели к современным формам *двадцать, тридцать* Точно так же было образовано и старое название числа *40* *четыре-десять* > *четыредесят*, которое было вытеснено словом *сорок* Формы *пятьдесят* (*пять* + род. пад. множ. числа *десять* = *пятьдесят*), *шестьдесят, семьдесят, восемьдесят* сохранились

§ 146. Теперь уже должно быть ясно, что современные числительные *200, 300, 400*, а также *500—900* — это тоже по происхождению сочетания *двѣ + стѣ* (им. пад. двойств. числа от *сто*), *три* и *четыре + ста* (им. пад. множ. числа от *сто*), *пять, шесть* и т. д. + *сот* (род. пад. множ. числа от *сто*)

Эти древнерусские образования по существу сохранились до наших дней без изменения, причем сохранилось и такое свиде-

тельство былого их сложного состава, как склонение обеих частей данных числительных, тогда как в 11—19 и 20—30 в этом отношении ничто не указывает на исконную их сложность Единственное преобразование *двѣстѣ* в *двести* имеет чисто фонетический характер изменение [ѣ] в [и] в безударном слоге и совпадение [ѣ] с [е] под ударением

§ 147. *Девяносто* представляет собой загадочное образование. Здесь ясно только, что оно, как и *сорок*, не исконно и появилось, как видно, вместо более старого *девятыдесят* Однако способ образования слова *девяносто* до конца не ясен По этому поводу высказывались разные догадки, из которых наиболее достоверной кажется следующая *девяносто* возникло из сочетания *девять до ста* (т е девять десятков до сотни), которое в результате фонетического расподобления [т] и [д] и влияния *девятнадцать* изменилось в современное числительное Но эта догадка, конечно, остается лишь гипотезой

§ 148. Историческое изучение имен числительных представляет для учащихся большой интерес, так как появление и развитие этой самостоятельной части речи связано с расширением познания человеком окружающей действительности, с развитием отвлеченного мышления и возникновением числовых представлений

Первоначально круг этих представлений был весьма ограничен и связан с конкретными понятиями¹ Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» писал «Понятия числа и фигуры взяты не откуда-нибудь, а только из действительного мира. Десять пальцев, на которых люди учились считать, т е производить первую арифметическую операцию, представляют собой все, что угодно, только не продукт свободного творчества разума Чтобы считать, надо иметь не только предметы, подлежащие счету, но обладать уже и способностью отвлекаться при рассматривании этих предметов от всех прочих их свойств кроме числа, а эта способность есть результат долгого, опирающегося на опыт, исторического развития»²

В глубокой древности, как это было показано выше, числительные были непосредственно и неразрывно связаны с существительными и прилагательными и, лишь пройдя долгий путь развития, выделились в самостоятельную часть речи Впервые

¹ Учащиеся частично знакомы с римскими цифрами, которые в настоящее время употребляются весьма ограниченно — обычно при обозначении веков (например, XX в), месяцев при указании дат (например, 9 V.1945) и в некоторых других случаях

Учитель может обратить внимание учащихся на то, что в основе обозначения цифровой системы первого десятка древними римлянами положены десять пальцев I, II, III, V (напоминает руку с пятью пальцами), X (напоминает скрещение двух рук с десятью пальцами), при этом, если большая цифра стоит перед меньшей, то они складываются (например, VI=6, XII=12), если же меньшая стоит перед большей, то вычитаются (например, IV=4, IX=9 и т п)

² Маркс К, Энгельс Ф Соч 2 е изд, т 20, с 37

М. В. Ломоносов в своей «Российской грамматике» (1755 г) назвал числительные особой частью речи. О былой генетической связи числительных с другими частями речи писал акад В. В. Виноградов «Числительные в истории русского языка объединялись в самостоятельный грамматический класс, порвав старые связи с классами существительных (*пять — пяти* и т. д.) и отчасти (*два — две, оба — обе, три, четыре*, а также собирательные формы *двое, трое, четверо* и т. п.) местоимений и прилагательных»¹

§ 149. В современных числительных сохранились пережитки старинных морфологических отношений. Вот почему в грамматическом отношении числительные в настоящее время представляют довольно пеструю картину: наблюдаются своеобразные особенности в их синтаксической функции и морфологических свойствах.

Необходимо особо обратить внимание учащихся на то, что имена числительные не имеют грамматической категории рода (кроме *один — одна — одно, два — две, оба — обе, полтора — полторы*²). Современные числительные также не имеют грамматической категории числа (кроме *один, тысяча, миллион, миллиард* и т. п., которые фактически являются существительными).

Рекомендуется обратить внимание учащихся на их типичную ошибку, связанную с неправильным отношением слов *единица, двойка, тройка, четверка, пятерка, десятка, сотня* и под к числительным.

Надо указать школьникам не только на семантику этих слов, но и на наличие в них следующих грамматических категорий, не свойственных числительным: эти слова имеют категории рода, числа, могут иметь определения (например, *великолепная семерка, почетные «пятерки»* и т. д.), что вовсе невозможно для числительных.

ГЛАГОЛ

§ 150. Глагол как часть речи, обозначающая действие как процесс, противопоставит именам существительным, прилагательным, числительным, а также местоимениям. Имена склоняются, а глаголы спрягаются.

Система глагольных форм современного русского языка характеризуется наличием ряда черт, существенно отличающих ее от древнерусской глагольной системы.

Рассмотрим эти формы в сравнительном плане.

¹ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, с. 288.

² Первоначально — *полтора* (т. е. половина второго; мы и сейчас при определении времени пользуемся этой формой). Позднее в результате стечения трех согласных (*лвт*) согласный *в* исчез: *пол(в)тора*. От *полтора* образовано числительное *полтора*.

Инфинитив

§ 151. Неопределенная форма глаголов (или инфинитив) в древнерусском языке оканчивалась на *-ти* (*писати, ходити, зъвати*). В одних случаях окончание *-ти* присоединялось непосредственно к корню глагола (*нес-тиц пи-ти*), а в других — посредством суффиксов *-а-* (*-я-*), *-ѣ-*, *-и-*, *-ну-* (*зъвати, дѣяти, летѣти, курити, сохнути*)

Господствующее в современном русском языке окончание *-ть*¹ возникло в связи с исчезновением безударного [и], который оставил лишь мягкость конечного согласного [т'] *писать, ходить, звать* и т. д. В то же время конечное [и] в инфинитиве сохраняется под ударением *нести́, везти́, плести́, идти́*, причем присоединение приставок к таким глаголам не приводит к изменению этих форм *принести́, унести́, занести́, довести́, привезти́, расплести́* и т. д. То же наблюдается и в образованиях с приставкой *вы-*, перетягивающей на себя ударение *вынести́, вывезти́, выйти́*

Глаголы на *-ти* в современном языке образуются от основ с конечными согласными *з, с, д, т, б*, однако несколько глаголов с основой на *з, с* в неопределенной форме имеют окончание *-ть* (вместо ожидаемого *-ти*) *грызть, лезть, есть, класть, прочесть, сесть, упасть, учсть* и некоторые другие и их приставочные образования

В литературе первой половины XIX в такие формы могли употребляться в более широком круге глаголов. Ср., например, у Крылова «Его (Вола) *принестъ* богам за все его проказы, Чтоб и тела нам *спасть* и нравы от заразы» («Мор зверей»). То же у Пушкина

Но Ленский, не имев, конечно,
Охоты узы брака *нестъ*,
С Онегиным желал сердечно
Знакомство покороче *свестъ*

(«Евгений Онегин»)

Подобные факты можно встретить в стихотворных произведениях и более позднего времени. Например, у Маяковского «Я знаю — саду *цвествъ*» («Рассказ о Кузнецкстрое»)

Надо обратить внимание на то, что в рассматриваемой группе глаголов наблюдаются разные соотношения конечных согласных основы настоящего времени и инфинитива в одних глаголах в обеих основах выступает один и тот же конечный согласный, например *нес-у — нес-ти, вез-у — вез-ти, ид-у — ид-ти*, в других же наблюдается чередование разных конечных согласных

¹ В современной научно-методической литературе нет единого мнения о морфеме *ть* в неопределенной форме глаголов. Некоторые авторы продолжают считать ее суффиксом, другие — окончанием. Добиваясь единообразия, вслед за школьным учебником русского языка мы называем эту морфему окончанием

этих основ, например *вед-у — вес-ти, греб-у — грес-ти, мет-у — мес-ти*. Это объясняется тем, что еще в праславянскую эпоху при образовании форм инфинитива от основ на *d* и *t* возникали сочетания согласных *d + t, t + t* (**ved-ti, *met-ti*), в которых произошло расподобление двух согласных звуков, в результате на месте групп [dt], [tt] возникла группа [st]. Что касается формы *грести*, то она имеет несколько иное происхождение: исконное сочетание *b + t* (*greb-ti) упростилось в праславянском путем утраты [b] *greb-ti > *грети*, такая форма зафиксирована в памятниках древнерусского языка, современное же *грести* — это новообразование, возникшее под влиянием глаголов на *-сти* (типа *мести, нести* и т. п.)

§ 152. Инфинитив некоторых глаголов в древнерусском языке оканчивался на *-чи* *печи, речи, беречи* и др. По своему происхождению *-чи* также восходит к *-ти* если основа оканчивалась на заднеязычные *g, k*, то при образовании инфинитива появлялись сочетания [gt], [kt], которые не были свойственны славянским языкам; изменение этих сочетаний имело своим результатом появление на их месте звука [ч'], например *pek-ti > *печи, *bereg-ti* > *беречи* (см. § 39). Ср. у Крылова. «Беда, коль пироги начнет *печи* сапожник» («Щука и Кот»); «Пускай бы *стеречи* уж двор» («Крестьянин и Собака»), но и одновременно в той же басне «Собака нанялась и двор *стеречь*, и хлебы *печь*»)

В связи с исчезновением конечного безударного [и] образовались современные формы типа *печь, беречь*, в которых, следовательно, конечный [ч'] (орфографически *-чь*) включает в себя элементы корня и окончания. Количество глаголов на *-чь* в современном русском языке весьма ограничено, сюда относятся следующие глаголы (не считая приставочных и возвратных образований)

<i>беречь</i> (ср. <i>берегут</i>)	<i>обречь</i> (ср. <i>обрекут</i>)
<i>влечь</i> (ср. <i>влекут</i>)	<i>печь</i> (ср. <i>пекут</i>)
<i>волочь</i> (ср. <i>волокут</i>)	<i>пренебречь</i> (ср. <i>пренебрегут</i>)
<i>жечь</i> (ср. <i>жгут</i>)	<i>сечь</i> (ср. <i>секут</i>)
<i>запрячь</i> (ср. <i>запрягут</i>)	<i>стеречь</i> (ср. <i>стерегут</i>)
<i>лечь</i> (ср. <i>лягут</i>)	<i>стричь</i> (ср. <i>стригут</i>)
<i>мочь</i> (ср. <i>могут</i>)	<i>течь</i> (ср. <i>текут</i>)
<i>облечь</i> (ср. <i>облекут</i>)	<i>толось</i> (ср. <i>толкут</i>)

§ 153. Как известно, в современном русском языке в ряде случаев наблюдается омонимическое совпадение инфинитивных форм и форм существительных, например инфинитивы *течь, печь, стать, знать, пасть, мочь* и существительные *течь, печь, стать, знать, пасть, мочь* (в сочетании *бежать во всю мочь*). Подобное явление объясняется тем, что по происхождению инфинитив — это не глагольная, а именная форма: он представляет собой застывшее образование дат.-предл. пад. существительных 3-го склонения (имевших в этой форме окончание *-и*). Следовательно,

с исторической точки зрения формы *течи, печи, стати, знати, пасти, мочи* являются падежной формой существительных *течь, печь, стать, знать, пасть, мочь*, оторвавшейся от имени и втянутой в систему глагола

Утрата конечного безударного [и] в инфинитиве и привела к омонимическому его совпадению с соответствующими формами существительных

§ 154. Если в современном русском языке неопределенная форма оканчивается, главным образом, на *-ть*, а также в ограниченном количестве глаголов на *-ти* и *-чь*, то, как это было показано выше, все эти три формы, в конечном счете, развились из единой древней формы на *-ти*

При изучении фольклора учащиеся убеждаются в том, что окончание *-ти* в неопределенной форме глаголов было нормой для древнерусского языка, ср в былинке: «Стал Вольга тут *покрикивати*, колпаком стал Вольга *помахивати* », или в поговорке «Нашему теляти да волка *поймати*»

Обращая внимание на омонимичные образования инфинитива и начальной формы существительных (*течь, печь, стать, знать* и др.), учитель может, опираясь на контекст (даже не касаясь вопроса о том, что инфинитив по происхождению является формой косвенного падежа существительных), показать учащимся различие между именем и глаголом: *хлеб* (что делать?) *печь* (глагол); *топить* (что?) *печь* (существительное).

Основа глагола

§ 155. Как в древнерусском, так и в современном языке глаголы имели и имеют две основы

а) основу настоящего времени, которая четко выделяется в 3-м л мн ч наст времени др -русск *бер-уть, нес-уть, ход-ять, говор-ять*; совр *бер-ут, нес-ут, ход-ят, говор-ят*,

б) основу инфинитива, которая выделяется путем отбрасывания окончания *-ти* др -русск *нес-ти, ходи-ти, зва-ти*, совр *нес-ти, ходи-ть, зва-ть*

Как видно из примеров, основы настоящего времени и инфинитива иногда совпадают (*нес-уть, нес-ти*)

От основы настоящего времени как раньше, так и теперь образуются формы настоящего и будущего (простого) времени, повелительного наклонения, причастий настоящего времени действительного и страдательного залогов, деепричастий несовершенного вида

От основы инфинитива образуются глагольные формы прошедшего времени и условного наклонения, причастий прошедшего времени действительного и страдательного залогов, деепричастий совершенного вида, а в древнерусском языке еще и несклоняемых причастий с суффиксом *-л-*

§ 156. Учащиеся иногда испытывают затруднения при анализе морфемного состава некоторых глагольных форм

а) Анализируя неопределенную форму глаголов II спряжения типа *пилить, курить* и форму 3-го л. един. числа наст. и будущ. простого времени этих же глаголов типа *пилит, курит*, учащиеся иногда отождествляют природу и назначение звука [и] в этих двух различных формах. Фактически же звук [и] в словах *пилить, курить* является глагольным тематическим суффиксом [см. § 157], а в словоформах *пил-ит, кур-ит* он входит в состав личного окончания. *пили́ть*, *кури́ть* — *пилит*, *курит*. Следует также обратить внимание на перемещение ударения в этих формах: *пили́ть* — *пи́лит*, *кури́ть* — *ку́рит*.

б) Некоторые учащиеся не всегда различают личные окончания глаголов 1-го л. множ. числа наст. времени *-ем, -им* и омонимичные суффиксы страдательных причастий наст. времени *-ем, -им*. Ср.: *мы разреша́ем* [ем] — *разреша́ем* [ый], *мы выво́зим* [им] — *выво́зим* [ый].

В подобных случаях достаточно провести анализ таких слов по составу, объяснить назначение каждой значимой части слова, и недоумение будет рассеяно

Формы настоящего времени

§ 157. В древнерусском языке все глаголы делились на тематические и нетематические

Тематические глаголы характеризовались тем, что у них между основой и личными окончаниями настоящего-будущего времени выступали тематические (суффиксальные) *-е-* или *-и-*, в зависимости от чего различались два спряжения первое и второе. К этому типу относились все глаголы, кроме пяти нетематических (о них см. ниже § 158)

Для того чтобы наглядно увидеть отличия форм настоящего и будущего (простого) времени в древнерусском и современном языках, приводим сравнительные образцы спряжения

		Древнерусский язык		Современный русский язык	
		I спряжение	II спряжение	I спряжение	II спряжение
Един. число	1 л.	<i>несу</i>	<i>хвалю</i>	<i>несу</i>	<i>хвалю</i>
	2 л.	<i>несеши</i>	<i>хвалиши</i>	<i>несешь</i>	<i>хвалишь</i>
	3 л.	<i>несеть</i>	<i>хвалить</i>	<i>несет</i>	<i>хвалит</i>
Множ. число	1 л.	<i>несемъ</i>	<i>хвалимъ</i>	<i>несем</i>	<i>хвалим</i>
	2 л.	<i>несете</i>	<i>хвалите</i>	<i>несете</i>	<i>хвалите</i>
	3 л.	<i>несуть</i>	<i>хвалят</i>	<i>несут</i>	<i>хвалят</i>

Как показывает приведенная таблица, изменения в личных окончаниях глаголов в истории русского языка оказались незначительными и носят в основном фонетический характер во 2-м л един числа утратился безударный конечный [и], в 3-м л един и множ числа вместо мягкого стал произноситься твердый [т], в личных формах глаголов I спряжения произошло изменение [е] в [о] (*несешь* > *несёшь*, *несет* > *несёт*, *несем* > *несём*, *несете* > *несёте*). В основном же современный язык сохраняет личные окончания наст времени, характерные и для древнерусской эпохи

Можно отметить, что старое окончание 2-го л един числа *-ши* сохраняется в некоторых устойчивых выражениях. *сим победиши* (в значении уверенности успеха в каком-либо деле), *ныне отпускаеши* (о достижении чего-либо долго ожидавшегося), *его же не преидеши* (о пределе, которого нельзя переступить)

§ 158. Тематических глаголов в древнерусском языке было всего пять *быти* (1-е л един числа *есмь*), *вѣдѣти* — «знать» (*вѣмь*), *дати* (*дамь*), *ѣсти* — «кушать» (*ѣмь*) и *имѣти* (*имамь*)

Особенность этих глаголов заключалась в том, что у них личные окончания присоединялись непосредственно к корню (без тематических гласных *-е-* или *-и-*) и эти окончания отличались в некоторых формах от окончаний тематических глаголов

В истории русского языка этот тип глаголов как особая группа распался

Глагол *вѣдѣти* полностью был утрачен русским языком. Сохранилась лишь форма 3-го л ед. ч *вествь* во фразеологическом обороте *бог вествь* — «бог знает», например *Бог вествь, что он говорит*, ср также *не вествь что* — «неизвестно что»

Глагол *имѣти* > *иметь*, приобретя окончания, свойственные тематическим глаголам, перешел в I спряжение. Ср старую форму во фразеологизме «Мертвые сраму не *имут*».

У глагола *быти* полностью утрачены формы 1-го л. (един число — *есмь*, множ число — *есмѣ*), и лишь в фольклоре встречаются формы 2-го л (един число — *еси*, множ число — *есте*), например в былинах: «Ой, ты гой *еси*, добрый молодец». Форма 3-го л един числа этого глагола *ествь* в современном языке употребляется в значении «имеется» и в един и во множ числе («У меня *ествь* книги») и в роли глагола-связки, который в настоящем времени используется редко. Ср: «Гроза» *ествь*, без сомнения, самое решительное произведение Островского (Добролюбов «Луч света в темном царстве»). Такую же функцию в научной литературе иногда выполняет и форма 3-го л множ числа *суть* «Языки церковнославянский и наш русский *суть* языки самостоятельные» (Ф И Буслаев «Историческая грамматика»). Вместе с тем форма *суть* может выступать и как существительное, ср «В этом была *суть* дела». В древнерусском языке употребление *ествь* с предшествующим отрицанием *не* давало образование *нествь*, сохранившееся во фразеологических

оборотах: «*Несть* пророка в своем отечестве» (в значении «в своем доме не имеет авторитета»), *несть* числа (очень много).

Глаголы *дати* > *дать* и *ѣсти* > *есть* сохранили старую форму 1-го л един числа (с отвердением конечного согласного): *дамъ* > *дам*, *ѣмъ* > *ем* и приобрели под влиянием тематических глаголов окончание *-ши* > *-шь* (вместо исконного *-си*) во 2-м л един числа: *даси* > *даши* > *дашь*, *ѣси* > *ѣши* > *ешь*. В 1-м и 2-м л множ числа у этих глаголов вместо исконных форм стали употребляться формы повелительного наклонения *дадим*, *дадите* и *едим*, *едите* (вместо *дамъ*, *дасте* и *ѣмъ*, *ѣсте*).

Следует еще отметить, что формы инфинитива *дати* и *ѣсти* представляют собой результаты определенных древних фонетических преобразований. Присоединение окончания *-ти* к основам *дад-* и *ѣд-* (ср др.-русск 3-е л множ числа *дадять* > *дадутъ* и *ѣдять*) создавало группу согласных *d + t*, подвергшуюся расподоблению в [st] (*dad-ti > *дасти*, *ѣd-ti > *ѣсти*), в дальнейшем в *дасти* > *дасть* звук [с] был утрачен, а в *ѣсти* > *есть* он сохранился.

§ 159. Следует иметь в виду, что в современном русском языке, наряду с продуктивными группами глаголов, имеется ограниченное количество непродуктивных глаголов. Лексический состав этой группы не пополняется, так как по образцу этих глаголов новые глагольные образования не возникают. Больше того, в современном русском языке постепенно сокращается количество непродуктивных глаголов, частично переходящих в продуктивные классы, частично образующих замкнутые небольшие группы одиночных слов, имеющих свои особенности в формообразовании. Среди них, например: *бежать*, *хотеть*, *есть* (принимать пищу), *дать*, *быть*, *брить*, *ехать*, *идти*, *бить*, *мыть* и др.

Нетрудно заметить, что эти глаголы активно участвуют в нашей речевой практике. Однако некоторые из них сохранили своеобразные архаические черты, которые могут быть осмыслены с привлечением фактов истории языка.

В школьном учебнике русского языка для V—VI классов¹ даны таблицы спряжения двух глаголов *хотеть* и *бежать*. Легко заметить, что в един числе глагол *хотеть* изменяется по I спряжению, а во множ — по II спряжению, глагол же *бежать* изменяется по II спряжению, кроме формы 3-го л множ числа. Именно поэтому данные глаголы названы разноспрягаемыми. Как возникла такая разноспрягаемость?

Дело в том, что в древнерусском языке было два глагола: *бежати* и *бечи*. Первый спрягался как *кричати*, а второй как *печь*. Современное спряжение образовалось путем объединения форм этих двух глаголов. Что же касается глагола *хотеть*, то в древности существовали два спряжения этого глагола: *хочу*, *хочешь*, *хочет*, *хочем*, *хочете*, *хочут* и *хочу*, *хотишь*, *хотит*, *хотим*, *хотите*, *хотят*.

Современное спряжение образовалось путем объединения форм этих двух спряжений

Еще аналогичный пример В современном русском языке имеются две формы неопределенного наклонения *стлать* (I спряжение) и *стелить* (II спряжение) Но формы настоящего времени для обоих глаголов в литературном языке обычно употребляются общие *стелешь, стелет, стелем, стелете, стелют* (т, е по I спряжению)

В школьном учебнике для V—VI классов даны таблицы спряжений глаголов *есть, дать*, которые сохранили архаические формы эти архаические формы сохраняются и в производных от них глаголах *доесть, съесть, наесться, создать, продать* и т п (Об истории нетематических глаголов см § 158)

Формы прошедшего времени

§ 160. В древнерусском языке с дописьменной эпохи фактически употреблялись четыре формы прошедшего времени: две простые (аорист и имперфект) и две сложные (перфект и давнопрошедшее) Наличие такой сложной системы форм прош времени объясняется слабым развитием в ту эпоху категории вида С развитием видовых отношений эта система прошедших времен разрушилась Именно в истории становления единой формы прош времени в русском языке кроются многие ее особенности

§ 161. Прежде всего следует отметить, что в древнерусском языке существовала особая-грамматическая форма — так называемое причастие прош времени на -л- Оно образовалось от основы инфинитива путем прибавления к ней суффикса -л- и родового окончания, как и всякое причастие, оно не спрягалось, а изменялось по родам и числам, ср *ходилъ, ходила, ходило* — един число, *ходили* (муж род), *ходили* (жен род), *ходила* (средн род) — множ число

Если основа оканчивалась на согласные *д, т*, чередующиеся с *с*, то *д* и *т* в причастиях на -л- перед [л] выпадали, ср *вести* (* < ved-ti) — *вед + лъ > велъ, мести* (< *met-ti) — *мет + лъ > мелъ*

Причастия на -л- в древнерусском языке были весьма употребительны, ибо с их помощью образовывались сложные глагольные формы: перфект, давнопрошедшее, будущее сложное второе и сослагательное наклонение, причем по образованию все эти формы различались характером глагола-связки, но были одинаковыми по употреблению в них причастия на -л-: В этом плане образование перфекта характеризовалось тем, что в нём участвовали причастие на -л- и форма наст. времени глагола-связки *быти*: *есмъ пришьлъ, еси пришьлъ, есть пришьлъ; есмъ пришьли, есте пришьли, суть пришьли* — для муж рода и точно так же соответственно для жен и средн родов

Постепенно формы перфекта подверглись изменению. В связи

с утратой спряжения нетематического глагола *быти* в наст. времени в формах перфекта глагол-связка все чаще стал опускаться, а лицо, ранее выражавшееся формами наст. времени от *быти*, стало обозначаться личными местоимениями.

Раньше всего вспомогательный глагол утратился в 3-м л. един. и множ. числа, так как наличие подлежащего — существительного или местоимения — делало эту форму излишней. Так, в уже упоминавшейся надписи на Тьмутараканском камне отсутствует глагол-связка в 3-м л. един. числа: «Глѣбъ князь *мѣрилъ* море по леду» (а не «*мѣрилъ* есть»).

Постепенно личные местоимения стали употребляться в 1-м и во 2-м лице, в результате чего вспомогательный глагол и здесь вышел из употребления. Таким образом, вместо древнерусских *есмь писалъ* (-а, -о), *еси писалъ* (-а, -о) и т. п. появились *я писал* (-а, -о), *ты писал* (-а, -о) и т. д.

Все это привело к тому, что на месте сложной формы прош. времени в современном русском языке остались только одни причастия на -л-, которые стали осознаваться как формы прош. времени глагола. Вот почему в современном языке глагол в прош. времени не изменяется по лицам, как в настоящем времени, а имеет формы рода и числа.

§ 162. В истории русского языка были утрачены и формы давнопрошедшего времени, т. е. формы, обозначающие действие, которое совершенно раньше другого, тоже прошедшего действия. Эти формы образовывались сочетанием перфекта глагола *быти* и причастия прош. времени на -л-, например: *есмь былъ* (-а, -о) *велѣлъ* (-а, -о) (т. е. давным-давно велел).

Пережитки давнопрошедшего времени глагола в современном языке сохранились в разговорных конструкциях, выражающих как бы прерванное прошедшее действие, т. е. действие, которое начиналось, но не завершилось, например: *мы хотели было, да не успели; он пошел было, да вернулся; мы собрались было, но раздумали*. Ср. в басне И. А. Крылова «Ворона и Лисица»: «*Позавтракать было совсем уж собралась, да призадумалась...*»

Сослагательное наклонение

§ 163. Глаголы в сослагательном (или условном) наклонении обозначают действие, которое может произойти при определенных условиях.

По своему значению и образованию сослагательное наклонение древнерусского языка весьма близко к современному. В древнерусском языке оно образовывалось сочетанием причастия на -л- и спрягаемых форм аориста от глагола *быти*: *быхъ думалъ* (1-е л. един. числа), *бы писалъ* (2-е или 3-е л. един. числа), *быхомъ читали* (1-е л. множ. числа), *бысте шьли* (2-е л. множ. числа), *быша знали* (3-е л. множ. числа) и т. п.

С исчезновением простых прошедших времен в сослагательном

наклонении закрепляется бывшая форма 2-го и 3-го л. един. числа аориста от *быти* — *бы*, превратившаяся в условную частицу. Эта частица используется во всех лицах и числах при образовании форм сослагательного наклонения.

Частица *бы* в форме сослагательного наклонения может стоять непосредственно после глагола (чаще всего), перед глаголом и даже перед другим словом, отделяющим ее от глагола. Нередки случаи, когда частица относится сразу к нескольким глаголам. Например, у С. Я. Маршака:

Лет <i>бы сбросить</i> мне, ребята, Шестьдесят, Я <i>бы</i> тоже стал вожатым Октябрят... С октябрятами <i>ходил бы</i> Я в поход,	Вместе с ними я <i>водил бы</i> Хоровод. Каждый день <i>читал бы</i> книжки Иль журнал, А подчас и в кошки-мышки <i>Поиграл...</i>
---	---

Из этого примера видно, что сослагательное наклонение может употребляться со значением пожелания, которое может быть выражено и одной лишь частицей без глагола (например: *Еще бы тарелочку...*).

Таким образом, сослагательное наклонение восходит к конструкции, в образовании которой участвовало причастие на *-л-*. Вот почему у этого наклонения нет спряжения и оно не обозначает времени: сослагательное наклонение может обозначать нереальное действие, относимое ко всем трем временам, что устанавливается при помощи лексики и контекста; например: *если бы ты пришел сейчас; если бы вчера был дождь; завтра пойти бы в лес* и т. д.

Повелительное наклонение

§ 164. Повелительное наклонение выражает побуждение к действию: просьбу, приказание, призыв, предложение и т. д.

В древнерусском языке повелительное наклонение образовывалось от основы наст. времени и имело формы 2—3-го л. един. числа и 1—2-го л. множ. числа.

В истории русского языка ряд форм повелительного наклонения был утрачен, а другие формы пережили определенные изменения.

В современном русском языке сохранились формы 2-го л. един. и множ. числа повелительного наклонения. Если учесть, что побуждение к совершению действия со стороны говорящего может относиться прежде всего к собеседнику, то будет ясно, почему основной формой повелительного наклонения является 2-е л. един. и множ. числа.

В современном русском языке во 2-м л. един. числа формы повелительного наклонения могут быть трех видов:

а) с конечным мягким согласным (мягкость обозначается на письме буквой *ь*): *будь, тронь, брось, встань*;

б) с ударным конечным *-и*: *ходи, приходи; дои, пои, крои* (то же с приставкой *вы-*, которая обычно перетягивает на себя ударение: *выпиши, выведи, вынеси*);

в) с конечным *-й* после гласных: *думай, знай, читай, укрой*.

Таким образом, формы повелительного склонения 2-го л. един. числа в современном русском языке образуются: а) от чистой основы наст. (и будущ. простого) времени с чередованием твердого согласного с мягким и б) от чистой основы + *-и*¹

Исключениями являются: а) форма *ляг* с твердым согласным на конце и б) формы с отвердевшими конечными согласными *ж, щ* (типа *режь, ешь*), в которых буква *ь* уже не обозначает мягкости, а пишется по традиции.

Форма 2-го л. мн. ч. образуется путем присоединения *-те* к формам един. числа: *веди — ведите, знай — знайте, готовь — готовьте, режь — режьте* и т. д.

Примечание. Следует учесть, что в современном русском языке заднеязычные *з, к* глагольной основы в повелительном склонении сохраняются: *бегу — беги — бегите* (а не «бежи» — «бежите»); *берегу — береги — берегите, пеку — пеки — пеките, стерегу — стереги — стерегите, стригу — стриги — стригите* и т. д. От глагола *мочь (могу)* форма повелительного склонения *моги* не употребляется; хотя ср., например, у Крылова: «И слабого обидеть не *моги*» («Лев и Комар»). Точно так же не употребляется форма повелительного склонения от глагола *хотеть*. Ср., впрочем, у А. К. Толстого: «Еще, еще. *Хоти* еще сильнее» («Портрет»).

От глагола *ехать* употребляется форма повелительного склонения *поезжай, поезжайте* (от неупотребительного глагола *поезжать*), а не просторечные *ехай, ехайте* или *едь, едьте, езжай, езжайте*.

В формах повелительного склонения возвратных глаголов после согласных присоединяется суффикс *-ся*, а после гласных — *-сь*: *бросься — бросьтесь, мойся — мойтесь, берегись — берегитесь*.

Синтетическая форма 3-го л. един. числа, совпадавшая в древнерусском языке с формой 2-го л. един. числа, в современном языке перестала употребляться. В 3-м л. един. числа сохранились только аналитические формы повелительного склонения с частицами *да, пусть*, которые употребляются и в 3-м л. множ. числа и обозначают долженствование; например: «*Да здравству-*

¹ Эта морфема *-и* в школьном учебнике для V—VI классов именуется суффиксом. Чаще всего в научно-методической литературе она воспринимается как окончание, что вполне обоснованно, так как эта морфема участвует в словоизменении, а не в словообразовании.

ет солнце, да скроется тьма!» (Пушкин. «Вакхическая песня»); «Пусть сильнее грянет буря!» (Горький. «Песня о Буревестнике»); «Пусть всегда будет солнце!» (Л. Ошанин.) Любопытно, что сама частица *пусть* собственно русского происхождения является формой 2-го л. един. числа повелительного наклонения от *пустить* (ср. *пускай* от *пускать*). Частица *пусть* может присоединяться для выражения желания и к формам 1-го л. един. числа: «Уж не мешайте, *пусть* я *расскажу*» (Гоголь. «Ревизор»).

Заслуживает внимания история повелительного наклонения глагола *видеть* (др.-русск. *видѣти*).

При правильной форме *види* в древнерусском языке у этого глагола была еще форма *вижь* (ст.-слав. *виждь*), возникшая под влиянием нетематических глаголов типа *ѣжь* от *ѣсти*, *дажь* (ст.-слав. *даждь*) от *дати*. Старославянскую форму можно отметить в «Пророке» Пушкина: «Восстань, пророк, и *виждь*, и внемли». После утраты редуцированных и оглушения конечной согласной форма *вижь* изменилась в *вишь*, превратившуюся в частицу; ср. «*Вишь* ты, — сказал один другому, — вон какое колесо!» (Гоголь. «Мертвые души»).

§ 165. У учащихся часто вызывает затруднение определение состава слова в формах повелительного наклонения некоторых глаголов непродуктивных классов.

а) В односложных глаголах *бить* — *бей*, *брить* — *брей*, *вить* — *вей*, *лечь* — *лей*, *шить* — *шей* корневой гласный [и] основы инфинитива чередуется в основе наст. времени с [j], ср.

би [ть] — *бьют* [б'j] [ут], а в формах повелительного наклонения появляется [e]: [б'ей] [ ] .

б) Односложные глаголы *выть* — *вой*, *крыть* — *крой*, *мыть* — *мой*, *ныть* — *ной*, *рыть* — *рой* в основе инфинитива имеют [ы], а в основе настоящего времени — [оѣ], ср. *мы* [ть] — *мой* [ ]

Сюда же относится глагол *петь* — *пой* с чередованием *e* // *ой*:

пе [ть] — *пой* [ ]

в) Повелительное наклонение и будущее время глагола *быть* образуются от основы *буд*:- *буд* [у] — *буд* [ешь] *будь* [ ] — *будь* [те] .

г) От глагола *есть* образуется форма повелительного наклонения *ешь(те)*. Здесь закрепилось фонетическое написание, соответствующее произношению: в конце слова (*ежь* [ ]) и перед глухим согласным (*ежьте*) выступает глухой [ш], ср. *ед* [а] > *ежь* [ ] > *ешь(те)*.

д) От глагола *идти* образуется форма повелительного наклонения *иди(те)*.

Безличные глаголы

§ 166. Интересной глагольной формой являются безличные глаголы, которые обозначают действие или состояние, протекающее само по себе, без субъекта, производящего действие, — без подлежащего. Безличные глаголы в предложении являются сказуемыми и обычно обозначают явления природы или внутреннее состояние и переживания человека.

Безличные глаголы могут иметь форму: а) инфинитива (*вечереть, смеркаться*); 3-го л. един. числа наст. или будущ. времени (*вечереет, смеркается; будет вечереть, будет смеркаться*); средн. рода един. числа прош. времени и сослаг. наклонения (*вечерело, смеркалось; вечерело бы, смеркалось бы поскорее*).

Чем объясняется такое своеобразие безличных глаголов?

В древности люди верили в существование сверхъестественной силы. Когда говорили *лихорадит, знобит, светает, морозит*, то имели в виду, что эти действия производит какое-то сверхъестественное существо, которое люди боялись назвать. Поэтому при подобных глаголах подлежащее не употреблялось. Так образовались безличные глаголы. Естественно, что эти глаголы не могли употребляться в повелительном наклонении, поскольку человек, как считали древние люди, не в силах побуждать к действию сверхъестественное существо.

Безличные глаголы в современном языке могут быть образованы и от личных глаголов; ср. *пахнет сено — пахнет сеном, буря вырвала дерево — бурей вырвало дерево*. Возможны и возвратные формы с суффиксом *-ся (-сь)*: *ему не спится, ей взгрустнулось*.

Причастия и деепричастия

§ 167. В древнерусском языке были два типа причастий: несклоняемые и склоняемые.

Несклоняемые причастия — это причастия на *-л-*. Их история была рассмотрена выше (§ 161).

Склоняемые причастия в древнерусском языке, как и в современном, были действительного и страдательного залога, настоящего и прошедшего времени. И те и другие, так же как и прилагательные, имели краткую и полную форму, причем краткая являлась начальной формой, а полная — производной от краткой.

Рассмотрим формы причастий и их судьбу, обратив особое внимание прежде всего на краткие формы.

Причастия действительного залога настоящего времени

§ 168. Краткие причастия действительного залога наст. времени в древнерусском языке образовывались от глагольной основы наст. времени путем прибавления к ней суффиксов *-уч-*

(-юч-) — для глагольных основ I спряжения, -ач- (-яч-) — для глагольных основ II спряжения, ср. в жен. роде: *несучи, идучи, хвалячи*. Эти суффиксы не выступали только в им. пад. един. числа муж. и средн. рода: *неса, веда, хваля* (ср. полную форму им. пад. причастия в эпиграфе к «Путешествию из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева: «Чудище обло, озорно, огромно и *лаяй*» [= лающий]).

Являясь определениями, краткие причастия в древнейшую пору, согласуясь с определяемым словом, изменялись по родам, числам и падежам. По роли в предложении и по характеру склонения они совпадали с краткими прилагательными. Однако краткие причастия рано начали терять падежные формы. Это объясняется тем, что краткие причастия, в отличие от кратких прилагательных, были теснее связаны с глаголом и поэтому быстрее переставали употребляться в роли определений. Краткие причастия закрепились в роли именной части составного сказуемого, где господствующей формой является именительный падеж (согласованный с подлежащим), что создало условия для отмирания форм косвенных падежей этих причастий.

Таким образом, в истории полных и кратких причастий осуществился тот же процесс, что и в истории полных и кратких прилагательных: полные причастия стали употребляться в функции определения, а краткие окончательно закрепились в функции сказуемых. Однако параллельность этих процессов была неполной. Здесь прежде всего надо иметь в виду, что краткие причастия мужского и среднего рода на *a* типа *ида, неса*, попав под влияние причастий с мягкими основами типа *любя, хваля*, изменили качество согласного перед конечным *a* и развились в *идя, неся*.

Краткие причастия действительного залога наст. времени стали оканчиваться на *-я* (*-а* после *ж, ш, ч, щ*). Они приобрели функцию второстепенного сказуемого. Это означало, что в языке появилась новая неизменяемая грамматическая форма глагола — д е е п р и ч а с т и е несовершенного вида, принявшее на себя названную выше функцию.

Именительный падеж единственного числа кратких причастий женского рода является в современном языке архаическим образованием, однако эта форма не исчезла бесследно, так как ее можно обнаружить в фольклоре, а также в произведениях, стилизованных под устное народное творчество. Особенно интересны в этом плане примеры из художественных литературных произведений XIX в., например: «Из-за дальних лесов, из-за синих гор, по тесовым кровелькам *играючи*, Тучки серые *разгоняючи*, Заря алая подымается» (Лермонтов. «Песня про купца Калашникова»); «И в руки белые берет *Играючи* топор тяжелый» (Пушкин. «Полтава»); «Лето он жил *работаючи*, Зиму не видел детей, Ночи о нем *помышляючи*, Я не смыкала очей» (Некрасов. «Мороз, Красный нос») и т. п. Ср. также народную фразеологию: *жить припеваючи, работать играючи, говорить жалеючи*. Ста-

рая форма им. пад. един. числа краткого причастия жен. рода от глагола *быть* — *будучи* — является нормой литературного языка.

§ 169. Изучая деепричастие, учитель может объяснить учащимся, что слово *деепричастие* произошло от двух слов: *дее-* (от *деяти* в значении «делать») + *причастие* (ср. *причастность*). Термин был введен в грамматику М. Смотрицким в начале XVII в. (по этой грамматике обучался М. В. Ломоносов). Сам этот термин указывает, что деепричастие имеет отношение к действию. В современном языке оно обозначает добавочное действие и обладает признаками глагола и наречия. Учитель должен обратить внимание учащихся на эти признаки.

Так как деепричастие — это особая грамматическая форма, сложившаяся в русском языке в относительно позднее время, важно на этом конкретном примере показать логику языковых явлений, их взаимосвязь и взаимообусловленность.

В связи с тем что деепричастия, обозначая добавочное действие, примыкают к сказуемому, они оказываются в полной зависимости от последнего. Иными словами, деепричастие может быть употреблено лишь в том случае, если выражаемое им действие относится к тому же лицу или предмету, к которому относится действие сказуемого. Такова норма языка. Вот почему А. П. Чехов в юмористических рассказах, иронизируя над малограмотностью пассажира, приволил следующую его запись в жалобной книге: «Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа». Юмор здесь в том, что действие, выраженное глаголом-сказуемым, относится к шляпе, а действия, выраженные деепричастиями, — к пассажиру. Поэтому и создается впечатление, что шляпа сама подъезжала к станции, она же глядела в окно и слетела с головы.

Употребление независимого деепричастного оборота (т. е. не относящегося к подлежащему) в современном русском языке является нарушением литературной нормы.

§ 170. Зависимость деепричастия от глагола-сказуемого привела к тому, что деепричастие не может иметь самостоятельного времени. Деепричастиям свойственны только категория вида и относительное обозначение времени. Рассмотрим примеры.

а) «Что ж ты, милая, смотришь искоса, низко голову *наклоня...*» (М. Матусовский. «Подмосковные вечера»). Здесь добавочное действие, выраженное деепричастием, совпадает с действием, выраженным глаголом-сказуемым. Поэтому употреблено деепричастие несовершенного вида.

б) «*Кончив* дело, гуляй смело» (пословица). Здесь добавочное действие, выраженное деепричастием, предшествует основному действию, выраженному глаголом-сказуемым. Поэтому в примере употреблено деепричастие совершенного вида.

в) «Мы встретимся, *приветствуя* друг друга». Здесь деепри-

частие несовершенного вида относится к глаголу-сказуемому в будущем времени.

Все эти примеры свидетельствуют о том, что деепричастия могут относиться к глаголу-сказуемому настоящего, прошедшего или будущего времени. При этом деепричастия имеют лишь относительное время, которое слилось с категорией вида и не выражается ни лексическим значением деепричастий, ни формообразующими суффиксами.

§ 171. Полные действительные причастия наст. времени, так же как и полные прилагательные (см. § 126), образовывались от кратких путем прибавления к ним соответствующих форм указательных местоимений *и, я, е*. Однако эти полные причастия с суффиксами *-уч-* (*-юч-*), *-ач-* (*-яч-*), постепенно утрачивая временной признак, еще в древнерусском языке перешли в прилагательные.

В современном языке эти формы и являются прилагательными со значением склонности к тому, что обозначается производной основой; ср. *дремучий (лес), летучая (мышь), сыпучие (материалы), ползучие (растения), колючая (провода), гремячая (змея), пахучий (цветок), горячие (вещества); лежащий, висячий, стоячий, ходячий*. Круг подобных прилагательных ограничен. Некоторые из них потеряли морфологическую членимость: *могучая (страна); дремучий (лес)*.

В роли действительных причастий наст. времени в русском языке закрепились старославянские причастные формы с суффиксами *-ущ-* (*-ющ-*), *-ащ-* (*-ящ-*).

«Прилагательность» исконно древнерусских и «причастность» старославянских образований отчетливо проявляется при сопоставлении параллельных форм типа *висячий — висящий, горячий — горящий, живучий — живущий, лежащий — лежащий, стоячий — стоящий, колючий — колющий* и т. п.

§ 172. Причастия действительного залога наст. времени с суффиксами *-ущ-* (*-ющ-*), *-ащ-* (*-ящ-*), заимствованные из старославянского языка, обогатили русский язык новыми грамматическими формами. Однако, будучи свойственными письменной, а не живой разговорной речи, они употреблялись, главным образом, в литературно-книжных произведениях, подвергшихся значительному влиянию старославянской традиции. Еще М. В. Ломоносов, создавший учение о трех стилях речи, подчеркивал, что «весьма не пристойно» образовывать причастия действительного залога настоящего времени на *-щий* от простых русских глаголов (*говорящий, чавкающий*). По мнению Ломоносова, причастия должны образовываться только от «высоких» глаголов. Хотя эти требования уже устарели и причастия на *-щий*, образуясь от различных русских глаголов, утратили свою высокую стилистическую окраску, все же они в современном языке в основном сохранили свой книжный характер. А. С. Пушкин писал: «Причастия... обыкновенно избегаются в разговоре. Мы не говорим:

каreta, скачущая по мосту, слуга, метущий комнату, мы говорим: *которая скачет, который метет* и пр., — заменяя выразительную краткость причастия вялым оборотом».

Причастия действительного залога прошедшего времени

§ 173. Краткие причастия действительного залога прош. времени в древнерусском языке образовывались от основы инфинитива при помощи суффиксов *-ъш-* (если основа инфинитива оканчивалась на согласный) и *-въш-* (если основа инфинитива оканчивалась на гласный). Действительные причастия прош. времени в мужском и среднем роде им. пад. един. числа, как и действительные причастия наст. времени, имели особую форму, образованную без названных суффиксов. Если основа инфинитива оканчивалась на согласный, то появлялась форма на *-ъ*, а если она оканчивалась на гласный — то на *-въ*; например: *нести — несъ, вести (< *ved-ti) — ведъ*, но *узати — узавъ, прочитати — прочитавъ*.

Формы женского рода образовывались при помощи суффиксов *-ъши-* и *-въши-* и окончания им. пад. един. числа *-и*: *несъши, знавъши, хваливъши*.

Эти краткие причастия выступали как в функции сказуемого, так и в функции определения. Как определения они изменялись по родам, числам и падежам по образцу кратких прилагательных, и судьба их оказалась такой же, что и кратких причастий действительного залога наст. времени (§ 168).

Закрепившись в функции второстепенного сказуемого, краткие причастия прошедшего времени перестали изменяться по падежам и превратились в современные деепричастия прошедшего времени.

В современном языке склоняются только полные причастия этого типа, которые, как и полные прилагательные, образованы от кратких причастий путем прибавления к ним соответствующих форм указательного местоимения *и, я, е*.

§ 174. Дублетные формы деепричастий с суффиксами *-в* и *-вши* (типа *сказав — сказавши*), присоединившись к основе на гласный, — следы былых различий кратких причастий действительного залога прошедшего времени по родам¹.

Ранее эти дублетные формы считались равноправными и в смысле, и в стилистическом отношении. В современном же языке формы на *-вши* малоупотребительны, так как они придают речи разговорно-просторечную, а иногда и архаичную окраску. Ср. *прочитав и прочитавши, выскочив и выскочивши, сдлав и сдлавши*; «Снявши голову, по волосам не плачут».

¹ Вариантный суффикс *-ши* возможен в деепричастиях, образованных от непродуктивных форм глаголов с основами на согласную: *высохши* (ср. *высохнув*), *заперши* (ср. *заперев*), *оглохши* (ср. *оглохнув*), *поникши* (ср. *поникнув*).

Следовательно, в современном языке господствует форма деепричастия, образованная от краткого причастия мужского рода с суффиксом *-в*. У возвратных же глаголов суффикс *-вши* обычен: *возвратив — возвратившись, простив — простившись, признав — признавшись*.

Причастия страдательного залога

§ 175. Причастия страдательного залога наст. и прош. времени в современном языке не отличаются существенно от древнерусских форм.

Краткие причастия наст. времени образовывались от основ наст. времени при помощи суффикса *-м-* и родовых окончаний *-ѣ, -а, -о*.

У глаголов I спряжения в образовании причастий участвовал тематический гласный *-е-*: *бер-е-м-ѣ, зна-е-м-ѣ*, а у глаголов II спряжения — *-и-*: *люб-и-м-ѣ, вод-и-м-ѣ*. Исключение составляет ограниченное количество глаголов, у которых перед суффиксом *-м-* выступает гласный *о*: *нес-о-м-ѣ, вед-о-м-ѣ, вез-о-м-ѣ*. В современном языке эти редкие причастия употребляются только в полной форме: *несомый, ведомый, везомый, влекомый*. Ср. у Тургенева: «Тихо мигая, как бережно *несомая* свечка, затеплится на нем вечерняя звезда» («Бежин луг»).

В современном русском языке краткие страдательные причастия наст. времени употребляются редко: *он нами был любим*. Полные же страдательные причастия наст. времени, наоборот, широко распространены: *познаваемый, любимый, хранимый, членимый* и т. д.

Видимо, ограничения в употреблении кратких причастий связаны с необходимостью избежать случаев омонимии грамматических форм (омоформы). Ср. *Он храним нами* и *Мы храним тайну*.

Причастия прош. времени образовывались от основы инфинитива при помощи суффиксов *-т-, -н-* (если основа оканчивалась на гласный), *-ен-* (если основа оканчивалась на согласный) и родовых окончаний *-ѣ, -а, -о*: *обутѣ, обута, обуто; данѣ, дана, дано; несенѣ, несена, несено*.

Глаголы II спряжения с тематическим гласным *-и-* образовывали причастия прош. времени с помощью суффикса *-ен-*, присоединение которого к основе инфинитива на гласный приводило к развитию чередований конечных согласных основы: *очист-и-ти — очищенѣ (а, о), прост-и-ти — прощенѣ (а, о), ловити — ловленѣ (а, о)*.

Употребляясь в роли определения, эти причастия склонялись по типу кратких прилагательных. Однако, когда они стали употребляться только в роли сказуемого, они перестали склоняться, закрепившись в форме им. пад. Ср.: «Здесь будет город *заложен*» (Пушкин. «Медный всадник»); *дверь открыта, товар куплен* и т. д.

Полные причастия в современном языке, как и полные прилагательные, склоняются и обычно употребляются в роли определения. Однако полные причастия прош. времени страдательного залога с суффиксом *-н-* превратились в прилагательные: *жареный, крашеный, соленый, ученый* и др. На смену им пришли новые страдательные причастия с удвоенным *н*: *прочитанный, сделанный, покрашенный; жаренный на огне, жаренный поваром*. Так удвоенный суффикс *-нн-* явился средством отличия причастий от прилагательных в современном русском языке.

§ 176. Для того чтобы овладеть сложной словообразовательной системой причастий и деепричастий, полезно образовать от любого глагола возможные формы причастий и деепричастий (в том числе и возвратные). При этом следует учесть, что возвратные причастия образуются от основ возвратных глаголов при помощи тех же суффиксов и конечного *-ся*, в деепричастиях же появляется вариантная форма с конечным суффиксом *-сь* (см. о нем подробнее в § 124): *умывать(ся) — умывающий(ся), умывавший(ся)*; *умывая(сь), умывавши(сь)*; *учить(ся) — учащий(ся), учивший(ся)*; *уча(сь), учивши(сь)*; *нести(сь) — несущий(ся), несший(ся)*; *неся(сь), несши(сь)*.

Учащиеся часто допускают ошибку, опуская *-ся* в образованиях от возвратных глаголов: «небьющее стекло» (вместо *небьющеся*), «трудящие массы» (вместо *трудящиеся массы*), или, наоборот, прибавляя к слову лишнее *-ся*: «млекопитающеся». Правильному образованию подобных форм следует уделять особое внимание.

§ 177. В заключение необходимо обратить внимание на то, что причастия совмещают в себе грамматические признаки глаголов и прилагательных. Эти признаки перечислены в школьном учебнике.

Учитывая, что причастия более тесно связаны с глаголом, чем с прилагательным, в современном языкознании причастие принято считать одной из глагольных, а не именных форм¹.

Вместе с тем в развивающемся языке все чаще появляются случаи, когда причастия утрачивают признак действия и приобретают значение постоянного качества предмета. В таких случаях причастия теряют грамматические глагольные признаки — значение добавочного действия, время, вид, залог, глагольное управление — и переходят в прилагательные.

Этот процесс активно осуществляется в современном языке. При этом некоторые причастия уже полностью перешли в прилагательные (*зрячий, горячий, лежащий; будущий, грядущий, нижеследующий*), а другие оказываются причастиями или прилагательными в зависимости от контекста, что особенно наглядно видно при параллельном сравнении:

¹ Из всех грамматических глагольных категорий у причастий отсутствуют только категории наклонения и лица

Причастия

блестящий на солнце осколок
утес, *выдающийся* над водой
задание, *ограниченное* сроками

Прилагательные

блестящие способности
выдающийся писатель
ограниченный человек

§ 178. Деепричастия, главным образом несовершенного вида, могут переходить в наречия, утрачивая при этом глагольные признаки и приобретая наречные. Деепричастия, перешедшие в наречия, в предложении обычно находятся в позиции сразу же после глагола и являются обстоятельствами образа действия: *спит сидя, говорит нехотя, читает стоя, пишет лежа.*

Большой интерес для наблюдения представляют некоторые деепричастия несовершенного вида, которые сохранили свою древнюю форму в застывших наречных фразеологических выражениях: работать *спустя рукава*, говорить *положа руку на сердце*, сидеть *сложив руки*, бежать *сломая голову*, слушать *разиня рот* и некоторые другие. Для того чтобы учащимся легче было заметить несоответствие этих форм формам современного языка, можно предложить образовать деепричастия от глаголов совершенного вида *спустить, положить, сложить, сломать, разинуть*. Школьники, согласно нормам современного языка, образуют формы на -в (*спустив, положив, сложив, сломав, разинув*). Так они еще раз убедятся в том, что застывшие фразеологические обороты часто сохраняют устаревшие формы языка.

Все эти и многие подобные исторические справки при изучении глагола и его форм могут убедить учащихся в том, что в языке на протяжении долгих лет происходят различные, часто едва заметные изменения и взаимодействия в словарном составе и грамматическом строе, которые знаменуют собой непрерывный процесс обогащения и совершенствования языка.

НАРЕЧИЕ

§ 179. Интересной в историческом отношении частью речи является наречие. В грамматике наречие определяется как знаменательная часть речи, которая обозначает признак действия, а также признак качества или предмета.

Характерным грамматическим отличием наречия от всех других знаменательных частей речи является отсутствие у него форм словоизменения. Синтаксическая связь наречия в словосочетаниях с другими частями речи осуществляется посредством примыкания.

Изучая наречия, целесообразно рассказать учащимся, что термин «наречие» встречается уже в древнерусском языке. В этом слове выделяется корень *-реч-*, который прежде был более многозначным, чем в современном языке. Слово *речь* когда-то имело среди других значений и значение «глагол». Поэтому,

если буквально перевести термин *наречие* на современный язык, мы получим искусственное слово «наглаголие».

Следовательно, между глаголом и наречием существует непосредственная связь. Какая?

Основная функция наречия — определять глагол, обозначать признак действия. Такую особенность наречий отмечали и древние римляне, которые эту часть речи называли *adverbium*. Слово *verbum* означает «глагол», а приставка *ad-* — «при», т. е. буквальный перевод термина *adverbium* звучал бы как «приглаголие».

Итак, уже древние ученые главную особенность наречия видели в том, что оно должно быть связано с глаголом. Так оно и есть: наречие при глаголе выполняет ту же функцию, что и прилагательное при существительном, уточняя его и сообщая ему четкость и стилистическую выразительность. Ср. *работать* — *работать вдохновенно, радостно, продуктивно* и т. п.

§ 180. Язык на протяжении всей своей истории активно пополняется наречиями. Как это происходит?

Уже неоднократно отмечалось, что грамматический строй языка непрерывно изменяется: появляются новые грамматические формы, уходят из языка некоторые старые формы. Но так как развитие языка происходит медленно, постепенно, старые формы обычно сразу и бесследно не исчезают. Некоторые бывшие регулярные грамматические формы застывают и превращаются в отдельные реликты. Так, ряд старых форм существительных и прилагательных — осколки былых падежных систем — превратились в неизменяемые наречия.

§ 181. Круг наречий в древнерусском языке был ограничен, причем можно выделить две группы наречий: а) первичные — наречия, которые непосредственно не связаны с другими частями речи, и поэтому установить их происхождение часто затруднительно; б) производные — наречия, которые явно обнаруживают связь с иными словами, и эту связь нетрудно восстановить.

К первой группе можно отнести наречия, образованные еще в дописьменную эпоху от древних местоимений: *куда, туда, сюда* — при помощи наречного суффикса места *-да*; *когда, тогда, иногда, всегда* — при помощи наречного суффикса времени *-гда*; *где, везде, здесь* — при помощи наречного суффикса *-де*; *всюду, отовсюду, повсюду* — при помощи наречного суффикса *-уду* (ср. *обоюдный, обоюдоострый*).

Происхождение подобных наречий можно выяснить лишь путем специального этимологического анализа.

Ко второй группе относятся наречия, образованные от различных частей речи, причем их образование вырисовывается довольно отчетливо, так как связь наречия с источником происхождения сохраняется.

Нередки случаи превращения в наречия существительных в косвенных падежах в результате изменения некоторых старых

падежных форм. Например, предложный падеж прежде назывался местным, так как он обозначал место, причем употреблялся не обязательно с предлогами (например, «сѣде Ярославъ *Кыевѣ*»). Однако, начиная с «Российской грамматики» Ломоносова, этот падеж стали называть предложным, так как он употребляется только с предлогами. С исчезновением местного падежа (употреблявшегося без предлога) связано появление такого наречия, как *кроме*: оно произошло от существительного *крома* — «край, предел, граница», в местном падеже — *кромѣ*, т. е. «на краю, на грани», а затем — «вне».

Застывшими падежными формами существительных являются такие наречия, как *шагом* (от *шаг*), *вечером* (от *вечер*), *днем* (от *день*), *осенью* (от *осень*), *зимой* (от *зима*) и т. д.

Выше (§ 127) уже говорилось, что краткие прилагательные, став сказуемыми, утратили склонение. Это способствовало появлению большой группы наречий типа *слева, справа, сгоряча, сослепу, вдалеке, наготове*.

§ 182. Наречия образовывались в разное время, процесс их образования активно продолжается. Это обстоятельство усложняет структуру наречий, а вместе с тем и их орфографию. Во многих наречиях учащиеся затрудняются выделить уже исчезнувшие из языка корни, например *невзначай, невдомек, вдалость, наобум, насмарку, неведомо, невзрачно, впросак, врасплох, чересчур, огулом, дотла* (см. этимологический словарь наречий на с. 129—133). В некоторых наречиях непонятны словообразовательные элементы. В ряде случаев процесс адвербиализации (т. е. перехода других частей речи в наречия) еще не завершён. Поэтому нередки случаи, когда одно и то же слово выступает то в роли наречия, то в роли изменяемой части речи, и с этим связаны различия в орфографии. Например: «Снег падал *на* лицо» и «Все учащиеся *налицо*»; «*В тайне* его не было ничего важного» и «Нападение готовилось *втайне*» и т. п.

§ 183. Учащиеся часто испытывают затруднения в определении конечного гласного наречий типа *справа, издавна, досвета, наново, засветло, влево* (а или о). Если учесть, что эти образования возникали в ту эпоху, когда краткие прилагательные еще склонялись как соответствующие существительные, то сопоставление этих наречий с сочетаниями существительных среднего рода с предлогами «подскажет», какую конечную гласную букву следует написать в наречии: *за окно — заново; в окно — влево, с окна — справа, до окна — докрасна* и т. п. Этот простой прием не только поможет учащимся избежать орфографических ошибок в правописании того или иного разряда наречий, но и даст им возможность понять закономерность орфограммы, которая обусловлена не произвольным правилом, а происхождением этих наречий.

В русской орфографии есть еще одно правило правописания наречий, которое может быть осмыслено при помощи историче-

ских комментариев. Речь идет о том, что в наречиях, оканчивающихся на шипящий, пишется *ь*: *навзничь, вскачь, настезь, наотмашь* и т. п. Это правило связано с древней мягкостью всех шипящих в русском языке. Но чем вызвано исключение из него, согласно которому в наречиях *невтерпеж, замуж* и *уж* буква *ь* не пишется? Объяснить это можно следующим образом. Слова *невтерпеж* и *замуж* пишутся без *ь* потому, что они образованы от существительных *терпеж* и *муж*, которые относятся ко 2-му склонению и в современном языке не имеют на конце *ь*. Наречие *уж* еще в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, т. е. во второй половине XIX в. писалось как *ужь*.

§ 184. Ниже приводится словарик наречий, этимолого-орфографический анализ которых будет способствовать лучшему усвоению их значений и орфографии. В словарики учтены наречия, употребленные в школьных учебниках.

Здесь рассмотрены наречия только со слитным написанием. Наречия же типа *без умолку, без устали, в открытую* (говорить) являются предметом особого наблюдения. Не приводятся также наречия, образованные в наше время и не требующие этимологического анализа.

Материал этого словарика может быть использован учащимися для самостоятельного наблюдения над языком, над различными способами образования наречий¹

бережливо — образовано от корня *берег-* (*г // ж*) с помощью суффикса прилагательного *-лив-* + суффикс наречия *-о* (ср. прилагательное *бережливый*);

безудержно — образовано с помощью приставок *без-* и *у-* от корня *держ-* + суффикс прилагательного *-н-* и суффикс наречия *-о* (ср. прилагательное *безудержный*);

вдогонку — образовано путем слияния предлога *в* с устаревшим существительным *догонка* — «окончание гонки, погони» в вин. пад.;

вдрёбезги — образовано путем слияния предлога *в* и формы вин. пад. множ. числа существительного (устар.) *дрёбезг* — «осколок», «черепок» (ср. *дрёбезжать, г // ж*);

весьма́ — образовано от местоимения *весь_ (весь)* и суффикса (устар.) *-ма*;

взаперті́ — образовано путем слияния предлога *в* и существительного (устар.) *в* вин. пад. множ. числа *заперть* (ср. *запереть*);

вза́пуски — образовано путем слияния предлога *в* и существительного (устар.) *запуски* в вин. пад. множ. числа (ср. *пускать*);

вкось — образовано путем слияния предлога *в* и бессуффиксно-

¹ Этимология наречий дана по «Краткому этимологическому словарю русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской (3-е изд., испр. и доп. М., 1975).

го образования *кось* — «кривизна» (ср. *косой*, *косынка* — «косо срезанный кусок ткани для покрытия головы»);

вкратце — образовано в результате слияния предлога *в* и краткого прилагательного *кратъкъ* (*краток*) в предл. пад. с чередованием *к* // *ц* (ср. в современном языке слова с корнем *-крат-*: *сократить*, *прекратить*, *сокращение*, *т* // *ц*);

внутри — образовано путем слияния древнего предлога *вън* и существительного (устар.) *утрь* — «внутренность» (ср. *утроба*);

вообщю — форма местн. пад. двойств. числа с предлогом *во* (*въ*) от существительного *око*: *очю*; *воочю* — буквально «в обоих глазах»;

вопреки — образовано путем слияния предлога *в* и формы вин. пад. множ. числа существительного (устар.) *прѣкъ* — «спор, препятствие, запрет» (ср. *прекословить*);

восвоѣси — образовано из словосочетания *во своя вѣси* — буквально «в свои деревни, домой»;

впередѣ — образовано путем слияния предлога *в* с формой местн. пад. един. числа существительного (устар.) *передѣ* — «передняя часть» (ср. *передовой*, *передовик*, *передник*, *передовица*, *передний*, а также приставку *пре-* (*пере-*), исторически образованную от этого же корня; ср. еще старославянское образование *впредѣ*);

вплотнѣю — форма вин. пад. с предлогом *в* от полного прилагательного *плотная*;

впотѣмахъ — образовано путем слияния предлогов *в* и *по* с существительным *тъма* в предл. пад. множ. числа;

всмѣтку — образовано путем слияния предлога *в* и существительного (устар.) *смѣтка* — «некрутое состояние» в вин. пад. един. числа, ср. *мять*;

второпѣхъ — образовано путем слияния предлога *в* и существительного (устар.) *торопѣ* — «поспешность» в предл. пад. множ. числа;

гуськомъ — форма твор. пад. един. числа от *гусекъ* — уменьшительно-ласкательного образования от *гусь*; *гуськомъ* — буквально «идти как гуси — друг за другом»;

двѣжды — образовано путем слияния числительного *два* и *шды* (ср. *шедший*); после утраты редуцированных в результате ассимиляции получилось *-жды* (с этим же суффиксом наречия *однажды*, *трижды*, *четырежды*);

долѣй — форма дат. пад. един. числа от существительного *долѣ* — *долови*; в результате фонетических изменений *долови* > *доловь* и далее — *долой* (ср. *дол* — «низ», *доловь* — «вниз»; *подол* — «нижний край платья» или «низкое место под горой»; так же образовано *домой*);

догладѣ — образовано путем слияния предлога *до* с существительным (устар.) *гладѣ* — «почва, пол, основание» в род. пад. един. числа;

завтра — образовано от сочетания предлога *за* с существи-

тельным *утро* в род. пад. един. числа: *заутра*. В результате переноса ударения на предлог и изменения [у] > [в] развилось современное *завтра*. Ср. у Пушкина: «*Заўтра казнь, но без боязни Он мыслит об ужасной казни*» («Полтава»);

зámуж — образовано от существительного *муж* и предлога *за* (в период образования данного наречия отсутствовала категория одушевленности, в результате чего форма вин. пад. совпадает с формой им. пад.), ср. также *замужем*;

зачастýю — форма вин. пад. с предлогом *за* от полного прилагательного *частая*;

зря — образовано на базе выражения *делать на зря*, т. е. «на глазок, наугад, необдуманно». *Зря* — старая форма краткого действительного причастия наст. времени муж. рода от глагола *зреть* — «смотреть, глядеть»;

зы́бка — образовано от глагола *зыбати* — «качать, колебать» (ср. сущ. *зыбь*, прилаг. *зыбкий*);

исконí — старославянское слово, образованное путем слияния предлога *ис* < *из* с устаревшим существительным *кон* — «начало» (ср. тот же корень в слове *конец*);

íсподволь — образовано путем слияния сложного предлога *испод* (< *из-под*) с формой род. пад. един. числа от *воля*: *ис-под-воли*; конечное [и] утрачено в результате редукции;

исподтишкá — образовано путем слияния сложного предлога *испод* (< *из-под*) с формой род. пад. един. числа от существительного *тишок*; *тишок* — производное устаревшее слово с суффиксом *-окъ* (ср. *тихо*);

кúбарем — форма твор. пад. един. числа от существительного (устар.) *кубарь* — «волчок»;

лишь — образовано от *лихъ* — «лишний» и первоначально обозначало «больше»;

мельком — форма твор. пад. един. числа существительного *мельк* — «мгновение, миг» (ср. *мелькать*);

мимохóдом — образовано путем слияния наречия *мимо* и существительного *ход* — «ходок» в твор. пад. един. числа (ср. *пешеход*, *скороход*);

молчóм — форма твор. пад. един. числа от существительного (устар.) *молчок* — «молчание» (ср. *молчать*);

набекрénь — образовано путем слияния предлога *на* и существительного (устар.) в вин. пад. един. числа *бекрень* — «бок»;

навернякá — образовано путем слияния предлога *на* с существительным (устар.) *верняк* в род. пад. един. числа (ср. *верный*, *вера*, *верить*);

нагишóм — форма твор. пад. един. числа существительного (устар.) *нагиш* — «голый» (ср. *нагой*);

навзрýд — образовано от предлога *на* и существительного (устар.) *взрýд* (ср. *рыдать*);

наобýм — образовано путем слияния предлога *на* и *обум* (*об* + *ум*) — «зря, наудачу»;

настежь — образовано от предлога *на* и существительного (устар.) *стеж* — «крюк, столб»; буквально «на дверном крюке», т. е. открыто (ср. *застегнуть* — *застежка*);

нахрапом — образовано путем слияния предлога *на* и существительного в твор. пад. един. числа *храп* — «сила»;

невзначай — образовано от *чайти* — «ждать»: *не-вз-на-чай* (буквально «нечаянно, неожиданно»);

ненароком — образовано при помощи приставки *не-* и существительного в твор. пад. един. числа *нарокъ* — «намерение, цель»;

неукротимо — образовано от приставок *не-*, *у-*, корня *-крот-* (ср. *кроткий*, *укрощать*), суффикса страдательного причастия наст. времени *-им-* и суффикса наречия *-о* (ср. устар. глагол *кротити* — «успокаивать»);

нечаянно — от *не* + *чая(ть)* + *ни* + *о*; *чаять* — (устар.) «надеяться на что-либо, ожидать чего-либо»; первоначально *нечаянно* — «неожиданно»; ср. у Даля: «нечаянный гость»;

обыкновенно — по происхождению является страдательным причастием прош. времени от устар. глагола *обыкнути* — «привыкнуть», который образован от *обыкъ*. Ср. совр. *обычай* (к чередуется с *ч*), *привычка*. Сюда же *чрезвычайно* — «то, что сверх обычного, привычного» (см. § 62);

опять — образовано с помощью приставки *о-* и существительного *пятя* (*пята*, *пятка*); первоначальное значение «обратно» (ср. *вспять*);

пешком — образовано от древнерусского существительного *пешек* — «пешеход» в твор. пад.; ср. *пеший*, *пехота*;

поделом — образовано от существительного *дело* в дат. пад. множ. числа, буквально означает «по делам», т. е. «заслуженно, справедливо, так и надо». Древнерусская форма *по дѣломъ* лексикализовалась, оторвалась от падежной системы и превратилась в наречие;

потом — образовано путем слияния предлога *по* и формы местн. пад. един. числа указательного местоимения *тѣ* (буквальный перевод «после того»; ср. *потомок* — «тот, кто появился позднее, после»);

почти — возникло от формы 2-го л. един. числа повелительного наклонения глагола *почьсти* — «счесть»; буквально означает «сочти»;

сегодня — образовано путем слияния в одно слово сочетания *сего* (т. е. этого) *дня*;

сейчас — образовано путем слияния в одно слово сочетания *сей* (т. е. этот) *час* (в значении «время»);

слишком — образовано путем слияния предлога *с* с устаревшим словом *лишек* в твор. пад.; — уменьш. образование от *лихъ* (ср. *излишек*);

стремглав — образовано путем слияния двух слов: *стръмъ* — «вниз» (ср. *стремнина* — «место в реке с бурным течением») и ст.-слав. *глава* — «голова» (букв. «вниз головой»);

сѣзнава — образовано путем слияния предлогов *с* и *из* и краткого прилагательного *новъ* в род. пад. един. числа.

теперь — образовано от сочетания *то първо* в значении «в первый раз, впервые, сначала». Уже в древнерусском языке развилось значение «только что», а затем — «настоящее время». В первоначальном *топърво* произошло сокращение — отпал слог *во*; а звукосочетание [тѣ] перешло в [те] в результате ассимиляции гласного первого слога гласному второго;

тихомолком — твор. пад. един. числа от существительного (устар.) *тихомолк* (*тих + о + молк + ом*); ср. *втихомолку*;

торчком — форма твор. пад. един. числа от существительного (устар.) *торчок*; ср. *торчать*;

тѣчас — образовано путем слияния указательного местоимения *тот* и существительного *час* — «время» (ср. *сейчас*).

ПРЕДЛОГ

§ 185. В древнерусском языке, как и в современном, предлоги выражали зависимость косвенных падежей существительных, числительных и местоимений от других слов в словосочетании; вместе с падежными окончаниями они служили и служат для связи слов.

Предлоги как неизменяемые служебные слова всегда употребляются только в сочетании со знаменательными словами; в предложении они не играют самостоятельной роли и поэтому не являются членами предложения.

По образованию и по структуре предлоги делятся на два разряда: а) непроизводные (или первообразные) и б) производные (или вторичные).

§ 186. Разряд непроизводных предлогов немногочислен: *без, в, для, до, за, из, к, на, над, о (об), от, по, под, пред, при, про, с, у, через* и некоторые другие. Они состоят из одного, иногда из двух слогов. По своему происхождению эти предлоги древние; на протяжении всей истории русского языка состав непроизводных предлогов оставался почти неизменным. Большинство из них появилось в праславянском и даже общеиндоевропейском языках и давно утратило генетическую связь с теми знаменательными словами, от которых произошли. Только путем этимологического анализа можно установить их происхождение.

Характерной особенностью непроизводных предлогов в современном языке является их многозначность. Некоторые предлоги могут выражать различные грамматические отношения и употребляются с несколькими падежами (например, предлоги *с, по* употребляются с тремя падежами: *снять с окна, величиной с окно, работать с интересом; говорить по телефону, вода по горло, скучать по матери*). Многозначность предлогов была характерна также для древнерусского языка.

§ 187. Производные предлоги образовались в более позднее время от других частей речи, в результате чего появились отыменные, отглагольные, отнаречные и составные предлоги. Большая часть производных предлогов — застывшие падежные формы имен существительных как с предлогами, так и без них. Например, в предлог превратилось наречие *между*; по своему происхождению это старославянская форма вин. пад. един. числа существительного *межда* («граница, межа»), а предлог *меж* является застывшей формой предл. пад. един. числа древнерусского существительного *межи* (где безударное окончание [и] исчезло). В древнерусском языке эти предлоги управляли не только творительным, но и родительным падежом, что для современного языка является устаревшим; ср. в народно-разговорной речи *меж крутых бережков* (вместо *между крутыми бережками*)¹. Предлог *около* тоже возник из наречия. Это слово образовано путем присоединения предлога *о* к форме вин. пад. един. числа существительного *коло* — «круг». Этот предлог еще в XVIII в. употреблялся в значении «вокруг, кругом» и даже «близ, подле» (ср. в XVIII в.: «Путешествие *около* (т. е. вокруг) земного шара»). Впрочем, и в значении «вблизи» он известен языку с давнего времени.

В современном русском языке разряд производных предлогов значительно пополнился сочетаниями существительных (в косвенных падежах) с простыми предлогами. В таких случаях знаменательные слова постепенно утрачивают свое лексическое значение и приобретают функцию служебных слов; например: *в течение, в продолжение, в отношении, со стороны, по поводу, в целях, по причине, по мере; вследствие, насчет, ввиду, вместо, наподобие; вокруг, вблизи, навстречу* и др. Немногочисленные предлоги, образованные от глаголов и их форм: *благодаря, несмотря на, спустя, включая, исключая, не считая, начиная с* и некоторые другие.

Благодаря — по происхождению деепричастие несовершенного вида от глагола *благодарить*; в современном языке образовалась омонимия: *благодаря* употребляется в значении и деепричастия, и предлога. В связи с тем что в обоих случаях смысловая связь с глаголом *благодарить* не потеряна, рекомендуется предлог *благодаря* (дат. пад.) употреблять только в тех случаях, когда речь идет о положительных, желательных результатах. Например: «*Благодаря* (к о м у? ч е м у?) героизму рабочих пожар был ликвидирован».

Следует отметить, что процесс образования предлогов от знаменательных слов в современном языке продолжается. Это ве-

---

¹ Нередки случаи, когда предлоги в процессе развития языка изменяют свое управление. Так, наречные предлоги, обозначающие место, — *возле, мимо, подле, против* — в настоящее время управляют только род. пад. (вместо прежнего вин. пад.).

дет к тому, что многие из таких образований могут выступать и в роли предлогов, и в роли знаменательных слов; ср. *вокруг* (предлог) *стола*; *смотреть вокруг* (наречие).

§ 188. Предлоги, оканчивающиеся на согласный, обычно выступают в двух формах: *без — безо*, *в — во*, *к — ко*, *над — надо*, *перед — передо*, *под — подо* и др. Предлоги с беглым *о* чаще всего употребляются в тех случаях, когда знаменательное слово начинается с группы согласных; ср. *со слухом*, *со звуком*, *во встрече*. При этом предлоги с беглым *о* обычно устраняют труднопроизносимые сочетания согласных: *во взгляде*, *со взрослыми*, *ко встрече*, *со студентами*, *со мной*.

Строгого правила употребления форм предлогов с беглым *о* и без него нет. Обычно руководствуются благозвучием, удобством произношения. Однако иногда та и другая формы выражают различное смысловое значение; ср. *во главе* (чего-л.) — *в главе* (книги), *во славу* (Отчизны) — *в славе* и т. п.

§ 189. Предлоги обычно находятся перед словом, с которым они сочетаются. Об этом говорит и сам термин «предлог», т. е. «перед словом». Однако в современном русском языке есть четыре предлога, которые могут находиться и перед словами, с которыми они сочетаются, и после них. Ср. *ради скуки* и *скуки ради*; *идти навстречу друзьям* и *вперед заре навстречу*; *вопреки ожиданиям* и *рассудку вопреки*; *наперекор стихиям* и *судьбе наперекор*.

СОЮЗ

§ 190. Союз — служебная часть речи, которая связывает члены предложения и части сложного предложения.

По своей функции в речи союзы делятся на **с о ч и н и т е л ь н ы е** и **п о д ч и н и т е л ь н ы е**. Сочинительные союзы связывают однородные члены предложения или части сложносочиненного предложения как равноправные речевые элементы. Иное дело подчинительные союзы: они употребляются только в сложноподчиненных предложениях и выражают зависимость одного предложения от другого.

Исторически сочинительная связь древнее подчинительной. Первоначально сочинительные союзы были многозначны и выполняли функции средства не только сочинительной, но и подчинительной связи. Так, союз *а* часто выполнял функцию союзов *если*, *когда*; и наоборот, были случаи синонимического употребления нескольких союзов, например *аще*, *ажь*, *даже* — в значении условных союзов; *зана*, *занеже*, *понеже*, *поелику* — в значении причинных союзов.

Говоря о древних и уже непонятных нам подчинительных союзах, целесообразно процитировать учащимся небольшой отрывок из повести Чехова «Мужики», в которой автор нарисовал потрясающую по своей правдивости картину страшной бедности русского крестьянина. Забитая нуждой, суеверная крестьянка

Ольга «каждый день читала евангелие, читала вслух, по-дьячковски, и многого не понимала, но святые слова трогали ее до слез, и такие слова, как «ащё» и «дондеже» она произносила со сладким замиранием сердца». Трагикомизм этих строк в том, что малограмотная Ольга не знала, что такие слова не что иное, как древние союзы (в значении «если», «хотя», «разве», «пока»).

§ 191. Большой интерес представляет образование союзов от знаменательных слов, потерявших свое основное значение и получивших служебную роль. Например, союз *если* образовался от глагола *есть* и частицы *ли* (первоначально: *естьли*).

Хотя — по происхождению краткое действительное причастие наст. времени от глагола *хотѣти* — «хотеть». Уже в памятниках XIII в. оно употреблялось как союз. Союз *хоть* — преобразование формы 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения того же глагола — *хоти*.

От глагольных форм образованы и союзы *пускай* (*пусть*), *несмотря на то что*, *благодаря тому что*. Многие союзы представляют собой омонимы местоимений, наречий и частиц (например: *то, что, точно, когда, едва, лишь, чуть* и др.).

ЧАСТИЦЫ

§ 192. Частицы возникли позднее других частей речи. Они образовывались как от знаменательных, так и от служебных слов. Многие из них по звучанию совпадают со знаменательными словами — с глаголами (*пускай, давай* и др.), наречиями (*как, просто, точно* и др.), местоимениями (*то, все* и др.), а также с союзами (*а, да* и др.).

По значению и роли в предложении в школьном учебнике для V—VI классов частицы делятся на три разряда: формообразующие, отрицательные и модальные.

Наиболее многочисленны модальные частицы; они вносят различные смысловые оттенки в предложение, а также выражают отношение говорящего к тому, о чем идет речь в предложении: вопрос (*ли, разве, неужели, как*), восклицание (*что за, как, так*), указание (*вот, вон, это*), сомнение (*вряд ли, едва ли*), уточнение (*именно, подлинно, точь-в-точь, ровно, точно, как раз*), ограничение (*только, лишь, исключительно, почти, единственно*), усиление (*даже, ни, и, же, ведь, у, все, все-таки, то*), утверждение (*да, так, точно*), сравнение (*будто, словно, ровно, как бы, якобы*), передачу чужой речи (*де, дескать, мол*), собственно модальность (*авось, небось, пожалуй, чай, едва ли, вряд ли*) и др.

§ 193. Учащимся интересно проследить происхождение ряда частиц, так как последние в их истории восходят к другим частям речи:

бишь — образовано от глагола *баеши* — «говоришь» (ср. *байбай*; *баюшки-баю* в значении «сказки говорю»; *байка, басня* —

первоначально «сказка, рассказ»); употребляется в разговорной речи;

вишь, ишь — связаны в своем происхождении с бывшей формой повелительного наклонения от глагола *видѣти* — *вижь*; вводные просторечные частицы *вишь, ишь* — остатки этой формы;

вон (там) — указательное местоимение *он* + протетическое *в* (ср. *осьмь* — *восемь*, *остричь* — *навостричь*);

вот — протетическое *в* + междометие *о* + указательное местоимение *тъ*: *вотъ* > *вот*;

дѣскать — образовано путем сращения частицы *де* и фонетически измененной формы глагола *сказать* — *скачь*;

либо — образовано путем сращения частицы *ли* и союза *бо* (ср. *ибо*); первоначально усилительная частица;

лишь — сравнительная форма от *лихой* — «большой, лишней» — *лише*: безударное [е] отпало > *лишь*;

мол (частица) — возникла в результате сокращения глагола *молвил* > *мол*;

небось — сращение словосочетания *не бойся*;

неужели — образовано от частиц *не, у, же*¹, *ли*;

пускай — по происхождению 2-е л. един. числа повелительного наклонения от глагола *пускать*;

пусть — по происхождению 2-е л. един. числа повелительного наклонения от глагола *пустить*;

только — праславянское *толико* образовано от местоимения *то* + частица *ли* + суффиксальный элемент *ко*; *толико* в результате редукции и утраты безударного [и] изменилось в *только*;

якобы — образовано путем сращения устарелого наречия *яко* — «как будто» + *бы*.

СИСТЕМА ЧАСТЕЙ РЕЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 194. Все слова русского языка объединяются в лексико-грамматические разряды, называемые частями речи² Первые сведения о частях речи учащиеся получили еще в начальных классах. Задача заключается в том, чтобы при повторении углубить изучение частей речи и дать школьникам обобщенные сведения об их классификации.

Определяя часть речи, учащиеся зачастую сообщают неполные данные о ней. Следует обратить внимание на то, что слово каждой части речи характеризуется тремя особенностями: а) лексическим

¹ Частица *же* (*ж*) в древнерусском языке была активна и входила в состав ряда союзов: *донележе, доньдеже, нежели, занеже, понеже*. В современном языке *же* может быть: а) самостоятельным сочинительным союзом («Я отворил им житницы, я злато рассыпал, я им сыскал работы — они ж меня, беснуясь, проклинали!» — Пушкин. «Борис Годунов»); б) усилительной частицей, употребляемой в сочетании с наречием *так* и с местоимением *то* (например: «Я так же работаю, как и ты», «Я то же вижу, что и ты»). Частица *же* участвовала в образовании других слов: *неужели, ужели, даже, также, тоже*.

² В книге не рассматриваются междометия, так как их историческое комментирование представляет серьезные трудности.

значением (что обозначает), б) морфологическими признаками и в) синтаксической ролью. Например: а) имя существительное — часть речи, которая обозначает предмет и отвечает на вопросы к т о? ч т о? (лексическое значение); б) существительные относятся к мужскому, женскому или среднему роду, являются собственными или нарицательными, одушевленными или неодушевленными (постоянные морфологические признаки); большинство имен существительных изменяется по падежам и числам (непостоянные морфологические признаки); в) в предложении существительные чаще всего бывают подлежащими или дополнениями (синтаксическая роль). Из вышеизложенного ясно, почему части речи рассматриваются как лексико-грамматические разряды слов.

В современном русском языке, как и в других языках мира, в процессе исторического развития сложилась определенная морфологическая система, которая в школьном преподавании включает десять частей речи. Задача заключается в том, чтобы учащиеся поняли логику общепринятого порядка расположения частей речи.

Изучение морфологии начинается с наиболее обширной и важной части речи — существительного, обозначающего предметность в широком грамматическом значении. Это вполне закономерно, так как к именам существительным относятся названия всего многообразного материального мира. В первую очередь сюда относятся названия живых существ и конкретных предметов, а также слова, которые обозначают «опредмеченные» качества и свойства, действия и состояния, явления и события. Этот процесс «опредмечивания» связан с развитием абстрактного мышления.

Так как материальный мир, главным образом, характеризуется качественными и количественными показателями, вслед за именем существительным рассматриваются имя прилагательное (обозначающее свойство предметов) и имя числительное (обозначающее количество предметов или их порядок при счете).

Эти три имени могут быть заменены словами, не называющими, а указывающими на название предмета (существительные), на их признаки (прилагательные) и количество (числительные), т. е. словами, выступающими вместо имени — местоимениями.

Известно, что весь материальный мир находится в движении, непрерывном изменении. Поэтому именам (существительным, прилагательным, числительным, а также местоимениям) противопоставлена часть речи, обозначающая действие предмета, — глагол. Глагол противопоставлен именам не только лексически, но и грамматически: имена склоняются, а глагол спрягается.

Назначение наречия как неизменяемой знаменательной части речи в первую очередь заключается в том, чтобы обозначать признак действия или состояния, т. е. признак глагола.

Далее изучаются служебные части речи, которые в отличие от самостоятельных частей речи не называют ни предметов, ни признаков, ни действия и не могут быть членами предложения. Они выполняют служебную роль: выражают различные отношения между словами в предложении (предлог), или связывают слова и части сложного предложения (союзы), или вносят различные смысловые оттенки в предложение (частицы).

Особое место среди частей речи занимает междометие, так как оно не относится ни к самостоятельным, ни к служебным частям речи; оно лишь выражает (но не называет) различные чувства и побуждения к действию. Междометия, как и служебные части речи, не являются членами предложения.

Такова логика системы частей речи в русском языке, которую должны понять учащиеся.

§ 195. По традиционной классификации мы различаем десять частей речи. Подавляющее большинство слов русского языка постоянно принадлежит к той или иной части речи. Однако в процессе исторического развития языка зачастую наблюдаются случаи нарушения границ частей речи: слова из одной части речи переходят в другие. С этим явлением учащиеся V—VI классов знакомы (в учебнике приводится большое количество примеров подобного перехода). Следует лишь особо подчеркнуть, что данный процесс вполне закономерен, так как язык находится в состоянии непрерывного исторического развития, что ведет к трансформации частей речи, т. е. к переходу слов из одной части речи в другую. Это происходит в результате постепенной утраты или ослабления в трансформирующемся слове некоторых семантических, морфологических и синтаксических признаков, которые были присущи ему до перехода и накопления новых лексико-грамматических признаков той части речи, в которую это слово переходит.

В порядке повторения пройденного учебного материала можно проанализировать переходы некоторых прилагательных в существительные, выяснив, какие конкретно признаки прилагательных ими утрачены и какие признаки существительных приобретены.

СИНТАКСИС

§ 196. Раздел синтаксиса, как и разделы фонетики и морфологии, строится в виде исторического комментария к явлениям современного русского литературного языка, однако данный раздел имеет и существенное отличие. Это отличие определяется прежде всего тем, что исторические процессы в развитии русского языка, затронувшие его звуковую и морфологическую системы, оставили глубокий след в явлениях, свойственных современному языку. Такого рода явления не находят своего объяснения в современных отношениях внутри языковой структуры, и понять и объяснить их возможно лишь при учете различного рода исторических процессов, восходящих к разным эпохам развития языка — иногда к очень отдаленным периодам истории праславянского языка, иногда — к древнерусскому периоду, а иногда — к эпохе, когда уже существовал русский (великорусский) язык, отличающийся от близкородственных украинского и белорусского языков. Все это диктовало необходимость подробного исторического комментария в первую очередь при рассмотрении вопросов фонетики, так как многие фонетические процессы, пережив определенные изменения, находят свое отражение теперь в явлениях морфологии, лексики и орфографии. В этом плане сами морфологические явления оказываются несколько проще в отношении их исторического комментирования, так как многие из них обнаруживают следов древних исторических изменений в морфологической структуре и представляют единство в современном языке. Именно поэтому в разделе морфологии не рассматривались многие процессы в истории русского языка, ибо они не представляют интереса для понимания современных отношений (например, не рассматривалась подробно история целого ряда форм склонения имен и спряжений глаголов; современный русский литературный язык здесь не дает повода для сомнений в понимании подобных форм, ибо не сохраняет каких-либо следов прошедших исторических процессов (ср., например, большинство форм личных и возвратных местоимений, количественных числительных, полных прилагательных и др.)). В разделе, посвященном морфологическим явлениям, рассматривалось только то, что

определяет своеобразие тех или иных форм, колебания в их образовании, отклонения от закономерностей их употребления и т. д. что наблюдается в современном литературном языке или может быть встречено в языке художественной литературы XVIII—XIX вв.

§ 197. Совсем иначе дело обстоит с синтаксисом. Конечно, история развития синтаксического строя русского языка, история становления современных синтаксических конструкций является сложной и длительной, характеризуется многими процессами в области развития как простого, так и сложного предложения, как способов выражения тех или иных синтаксических категорий, так и способов объединения слов и словосочетаний в предложения и т. д. Однако все эти процессы прошли в истории письменного литературного языка, приведя к становлению современных отношений в синтаксисе, и реконструировать их можно только по данным памятников письменности разных эпох. В современном же русском литературном языке, в его письменной форме, большинство этих процессов не оставило никаких следов. Поэтому, рассматривая четко построенную систему современных синтаксических конструкций, мы в общем не догадываемся, чем отличалась эта система от более древнего синтаксического строя, как шла перестройка синтаксических конструкций, какие из современных синтаксических явлений оказываются более новыми, а какие восходят к прошлым эпохам и т. д.

Все сказанное и обуславливает то обстоятельство, что при изучении синтаксиса современного русского литературного языка в большинстве случаев не возникает необходимости в историческом комментировании его основных черт и особенностей.

И вместе с тем, конечно, определенные синтаксические явления требуют такого комментария, особенно если речь идет о явлениях синтаксиса русского литературного языка, не очень далеко отстоящего от нашего времени, — языка XIX в., о явлениях, получивших отражение в произведениях русской классической литературы. Этот комментарий, естественно, в силу чисто объективных причин оказывается отрывочным, ибо охватывает разрозненные синтаксические явления современного языка, а не всю систему, но тем не менее он необходим для понимания и объяснения определенных фактов.

Поэтому в настоящей книге рассматриваются только те синтаксические явления современного русского литературного языка (или — иногда — явления, нашедшие отражение в языке литературы XIX в.), которые требуют исторического комментария.

§ 198. Внимания заслуживают прежде всего явления, связанные с именным составным сказуемым в современном языке. Речь здесь идет, во-первых, о возможности употребления в таком сказуемом именительного и творительного падежей (так называемые именительный и творительный предикативные) а во-вторых, о соотношении кратких и полных прилагательных в боли именной части сказуемого.

Древнерусский язык знал широкое распространение конструкций с именительным падежом существительного в качестве составной части сказуемого. Например: «Ты имъ будешь *начальникъ*»; «Кто будет брату *недругъ*», «а язъ *заказчикъ* былъ» и т. д. Такие конструкции были характерны и для русского языка XIX в. например: «В то время был еще *жених* ее супруг» (Пушкин. «Евгений Онегин»).

Вместе с тем в древнерусском языке в такой же конструкции мог выступать и творительный падеж существительного, например: «Хто буде *игуменомъ*»; «Та два была *посломъ*»; «Бъ была мати его *черницею*». Но эта конструкция с творительным предикативным выступала очень редко, и господствующим был именительный предикативный.

В истории русского языка процесс развития этих двух конструкций пошел таким образом, что преимущественное распространение получил как раз творительный предикативный существительных: в современном языке при связке *быть* в прошедшем и будущем времени господствует творительный падеж существительного в роли именной части сказуемого, что, как видно, объясняется стремлением к синтаксической четкости построения предложения, т. е. к различию по форме существительного-подлежащего и существительного-сказуемого. Однако вместе с тем сохраняются и параллельные конструкции с именительным предикативным, т. е. наряду с *Он был учителем, Он будет инженером* есть и *Он был учитель, Он будет инженер*. Следовательно, существуют какие-то различия между этими двумя конструкциями, которые и позволяют им обоим сохраняться. Эти различия видят в том, что конструкции с творительным падежом употребляются тогда, когда подлежащему приписывается временный, переменный, в общем не существенный признак (*Он был учителем* — когда-то, не всегда, не это главное), а конструкции с именительным — тогда, когда подлежащему приписывается постоянный, характерный, существенный признак (*Он был учитель* — это самое характерное, самое существенное). Такое смысловое различие данных двух конструкций должно учитываться при их употреблении.

§ 199. Подобный же процесс шел и в истории употребления полных прилагательных в именной части сказуемого.

В русском языке первоначально широко употреблялся именительный предикативный, хотя надо сказать, что в такой роли полные прилагательные начинают выступать не раньше XV в.: «Их ризы *светлые*», «Тѣхъ речъ *честная*», «Та вода *святая*». Творительный предикативный здесь развивается поздно, не ранее XVII в., ср. «Кто еси ты и для чего пришелъ будучи *нагимъ*?» Творительный предикативный прилагательных укрепляется при глаголе *быть* в прошедшем времени (*Он был добрым*), при страдательных причастиях (*почтен должным*), при некоторых глаголах (*ходил веселым, выглядел сердитым*), при инфинитиве

казаться, являться в сочетании с личными формами глаголов *мочь, хотеть* (*может показаться, хочет появиться другим*).

Рассуждая о значении именительного и творительного предикативного, надо учесть важное обстоятельство. До XV в. полные прилагательные, выступавшие прежде всего как определения к существительным, не функционировали в качестве именной части сказуемого, до этого времени в таком качестве функционировали краткие прилагательные: «Сихъ оружие *обоудоостро*»; «Будеть земля ваша *пуста* и двори ваши *писти* будутъ»; «Аж бы миръ *твердъ* былъ» и т. д. Когда полные прилагательные начали употребляться в составе именного сказуемого, сначала в именительном, а затем и в творительном падеже, стала развиваться семантическая их дифференциация с краткими прилагательными в этой роли, и теперь конструкции именного сказуемого с краткой формой и эти же конструкции с полной формой прилагательного (в именительном или творительном падеже) различаются по значению: полная форма обозначает, что подлежащему приписывается признак, заложенный в самом предмете, присущий ему как свойство (*он был злой, он был злым*), а краткая — что подлежащему приписывается признак, который проявляется в зависимости от каких-то условий (*он был зол* — по какой-то причине).

§ 200. В связи с рассмотрением главных членов предложения следует сказать еще об одном явлении, требующем хотя бы короткого комментирования. Речь идет о согласовании подлежащего и сказуемого по с м ы с л у. В древнерусском языке были часты случаи, когда при подлежащих, выраженных собирательными существительными (типа *дружина, братия, народ, земля* в значении «страна, государство» и т. п.), сказуемое выступало в форме множественного числа, хотя грамматические признаки единственного числа у таких существительных были выражены вполне отчетливо (они относились к определенному роду и склонялись по единственному числу); например: «*рекоша* (= сказали) *дружина*», «*ходиша* (= ходили) *вся русская земля*», «*идоша* (= шли) *вся братия*» и т. д.

Такое согласование по смыслу в целом утрачено современным языком; остатком его, пожалуй, можно считать колебания в употреблении глагола в единственном или множественном числе в таких оборотах, как *большинство склонялось (склонялись)* к чему-либо, *ряд лиц затруднялся (затруднялись)* сделать что-либо, *несколько человек ходило (ходили)*, *много людей считало (считали)* что-либо и т. п. В диалектах же сохранение старого согласования можно встретить еще довольно часто. Это иногда отмечается и в языке литературных произведений XIX в., возможно, как стилизация, например:

Вкруг ее *стоит* грозная стража,
На плечах топорики *держат*.

(Пушкин. «Сказка о золотой рыбке».)

§ 201. Как известно, каждая падежная форма используется в современном языке для выражения определенного значения, причем, конечно, одна и та же форма может использоваться для выражения не одного, а нескольких значений, что обуславливается возможностями ее употребления в сочетании с разными словами, т. е. в разных конструкциях (ср. *встать на стол*, *встать на ноги*, *посмотреть на него* — винительный падеж имеет здесь разные значения). При этом у каждого падежа есть, так сказать, специфический, закрепленный круг значений, которые выражаются с его помощью и которые можно установить и перечислить. Так было и в древнерусском языке, однако на протяжении его развития происходили определенные изменения в значениях падежных форм, причем важным здесь прежде всего является то, что утрачивались некоторые из значений, которые могли выражаться той или иной формой. Именно это последнее явление и представляет значительный интерес, так как современный литературный язык нередко сохраняет некоторые конструкции, в которых те или иные падежные формы выступают в несвойственных им теперь значениях. Такие явления, без сомнения, требуют исторического комментария.

§ 202. Внимания заслуживает прежде всего родительный падеж. Ряд его значений был утрачен, но следы устаревших значений сохранились в определенных конструкциях. Так, в древнерусском языке родительный падеж мог служить для обозначения в р'е м е н и. Например: «*Той же осени много зла ся створи*», «*Той же веснѣ* (вм. *весны*) *ожени ся князь*», «*Того же лѣта* *взяше болгаре Муромъ*», «*Того утра* *была мгла велика*» и т. д. Такое значение родительного падежа в целом было утрачено литературным языком, и вместо древнерусских конструкций здесь выступает или творительный падеж (*той осенью*, *той весной*), или винительный с предлогом *в* (*в ту весну*, *в то лето*). Однако старый родительный времени сохраняется в наречии *сегодня* (из *сега дня*), в сочетании *третьего дня*, а также в точных названиях дат: *первого мая*, *седьмого ноября*, *восьмого марта* и т. п.

Для обозначения времени использовался еще и творительный падеж, например: «*Приде мартом месяцем*», «*Зимами* *через волокъ волочился*», «*И тако идыи трѣми недѣлями*». При этом важно, что в творительном падеже употреблялись в таком значении слова, обозначающие любой отрезок времени: часть суток, время года, название месяца или дня недели и т. д. В истории русского языка творительный времени сохранился, но сузился круг лексики, которая может иметь эту форму в таком значении: такая конструкция может выступать теперь лишь при обозначении частей суток и времен года, причем творительный падеж здесь обязательно имеет определяющее слово, например: *темной ночью*, *поздней осенью*, *ранним утром* и т. п. (без определяющего слова функционировать не падежная форма существительного, а наречие).

В литературном языке XVIII, а иногда и XIX вв. творительный времени употребляется еще для обозначения определенного промежутка времени, в течение которого совершается действие. Так, например, у Грибоедова встречается «Я в сорок пять часов, глаз *мигом* (т. е. *на миг*) не прищуря, верст боле семи сот пронесся» («Горе от ума»). Ср. в половице: «Впервые *годом* (т. е. *за весь год*), да и то с горем». Такого употребления творительного падежа современный язык не знает.

Для обозначения времени в древнерусском языке употреблялись и конструкции с беспредложным винительным падежом: «Аз *утро* послю по вы», «*Осень* умре князь», «*Вечер* водворится плачь»; общее значение этих конструкций — обозначение времени, не полностью занятого действием. В современном языке есть такие конструкции с винительным времени, но они обозначают отрезок времени, полностью охваченный действием: «проспал *всю ночь*», «проработал *целый день*», «занимался *все лето*» (не случайно здесь часто употребляется местоимение-определение *весь*).

§ 203. Творительный падеж в древнерусском языке мог иметь пространственное значение: «Подаваше ему *оконцем* (= через окно)»; «Входят в город *одними вороты* (= через одни ворота)». Это значение теперь сохранилось лишь в отдельных оборотах (*кровь пошла горлом, идти берегом*), а в целом оно стало выражаться конструкцией винительного падежа с предлогами *в* или *через*.

§ 204. Такое же сужение конструкции в лексическом плане обнаруживается и в истории творительного падежа с орудийным (инструментальным) значением. В древнерусском языке в этом значении могли выступать как названия орудий действия, так и названия людей и животных, а также частей суток, т. е. по-древнерусски можно было сказать *рубить топором* и *ехать лошадыми, защититься мечом* и *защититься ночью*. В истории русского языка в этой конструкции перестали употребляться названия людей и животных и наименования частей суток, а сохранились лишь названия орудий действия (ср. «Летайте *самолетами* Аэрофлота»).

§ 205. Творительный падеж мог употребляться еще и при обозначении образа действия, например: «Явися звезда велика на западе *копейным образом* (= в виде копья)»; «Они же сполошишася и *небреженьем* (= небрежно) хожаху доспехи свои складоша на телеги». Такое употребление в современном языке встречается очень редко, ограничиваясь лишь вполне определенным кругом лексики; ср.: «Он шел покачивающейся *походкой*», «Он выдавал себя бегающими *глазами*» и т. п.

Наконец, можно указать еще на творительный ограничения, широко известный в древнерусском языке, но постепенно суживающий свое употребление в истории языка; ср., например, др.-русс.: «Очи имея велики черни... *телом* изобилен»;

«Аз своим богатством недостаточен» — и совр.: «мал ростом», «красив цветом волос», «прекрасен сложением» и т. п.

§ 206. Следует обратить внимание еще на употребление в и-нительного и дательного падежей для обозначения направления.

В древнерусском языке были распространены конструкции с винительным беспредложным для обозначения пункта, к которому направлено движение: «Глѣб же вниде Чернигов (= в Чернигов)»; «Подступили Костентин град (= к Константину городу)». В подобных случаях современный язык знает только винительный и дательный (с предлогами *в* и *к*), однако следы старой конструкции сохраняются в некоторых наречных выражениях типа *иди вон, ступай прочь*.

Подобным образом развивалась и конструкция с дательным направления, который в древнерусскую пору употреблялся без предлога: «Приде Чернигову (= к Чернигову)»; «Зова к себе Киеву (= в Киев)»; «Поиде Переяславлю (= к Переяславлю)»; «Иде к брату... Новугороду (= в Новгород)». Уже из примеров ясно, что в современном языке беспредложный дательный направления заменился винительным с предлогом *в* при обозначении направления движения к пункту с заходом в него; дательный же направления с предлогом *к* употребляется при обозначении направления движения к пункту без захода в этот пункт. Старый беспредложный дательный направления сохраняется теперь достаточно отчетливо в наречии *домой (иди домой)*, которое по происхождению является формой дательного падежа единственного числа от *домъ* (см. § 184)

§ 207. Можно отметить еще три старые конструкции, сохраняющиеся в той или иной степени в современную эпоху.

Во-первых, это винительный причины. В древнерусском языке конструкции с винительным падежом без предлога могли употребляться для обозначения предмета, который логически является причиной того или иного действия; например: «Мьщу русскую землю (= за русскую землю)»; «Оже ли не будет кто *его* мьстя (= не будет того, кто мог бы за него отомстить) платити 40 гривен». Такие конструкции жили довольно долго, и еще в XVIII в. они выступали при глаголах *мстить, заступити* (= заступиться), *проникать*. Ср. у Радищева в «Путешествии из Петербурга в Москву»: «Готовы всегда на твое поражение, если это *отмстит порабощение* человека (= за порабощение)»; «Они, соболезнуя о участи молодого крестьянина..., *его заступили* (= заступились за него)». В XIX в. эта конструкция уже была устаревшей, однако она изредка все же встречается в языке литературы; ср., например, у Пушкина: «Отмстить *поруганную дочь*» («Полтава»).

§ 208. Во-вторых, это дательный принадлежности. В древнерусском языке существовал примененной дательный беспредложный падеж, обозначающий принадлежность,

например: «*Се имена воеводам их* (= имена воевод)»; «*Копье лете сквозе уши коневи* (= уши коня)»; «*Бысть очи ему* яко неврежене (= очи его)». На месте дательного принадлежности в современном языке выступает родительный с тем же значением или винительный с предложением *на*, однако, хотя и редко, наряду с последними сохраняются и конструкции с дательным падежом: *цены билетам* (но и: *цены на муку*), *роспись книгам*, *реестр бумагам* (но и: *роспись книг*, *реестр бумаг*), *он сын ему* и т. п.

§ 209. В-третьих, наконец, это дательный «внутреннего переживания», также широко распространенный в древнерусском языке. Сюда относятся конструкции с дательным падежом для обозначения предмета или лица, к которому направлено внутреннее переживание субъекта действия. Например: «*Да тебе ся надеем* (= надеемся на тебя)»; «*Посмеется ему* (= над ним)»; «*Нача ей негодовати* (= на нее)». В современном языке такой дательный употребляется лишь в некоторых глаголах определенного значения; например: *нравиться ему*, *улыбаться кому-нибудь*, *лстыть ей*, *радоваться приходу кого-либо* и т. д.

Итак, одной из особенностей синтаксиса древнерусского языка было многообразие синтаксических функций косвенных падежей; вместе с тем эти функции не были дифференцированы: одна и та же функция могла выполняться рядом падежей. Особенным обилием функций, как это видно из вышеизложенного, отличались дательный и творительный падежи.

§ 210. Особо в истории русского синтаксиса стоит конструкция с так называемым дательным самостоятельным. Возможно, она не была принадлежностью собственно древнерусского языка, однако, будучи заимствована из старославянских памятников, получила значительное распространение в древнерусской письменности и сохранялась в повествовательной прозе еще в XVII—XVIII вв. Конструкция с дательным самостоятельным представляла собой сочетание дательного падежа существительного или местоимения с согласованным с ним в роде, числе и падеже причастием. Такое сочетание употреблялось для обозначения причины или времени действия, и потому в современном языке оборот дательный самостоятельный может быть передан причинным или временным придаточным предложением. Например: «*И пришедъшу ему* Киеву и *пребывъшу* 4 лета на 5 лето помяну конь (= Когда он пришел в Киев и пробыл там 4 года, на пятый год вспомнил о коне)», «*И начаста гнев имети на Олега, яко не шедъшу ему* с нима на поганя (= И начали сердиться на Олега, так как он не пошел с ними на поганых)». Вот такой оборот и можно встретить, например, в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева: «*Едущу мне* из Едрова, Анюта из мысли моей не уходила (= Когда я ехал из Едрова...)».

Однако, повторяем, этот оборот, как видно, не принадлежал синтаксической системе собственно древнерусского языка.

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Важнейшей задачей современной методики является активизация мыслительной деятельности учащихся в учебном процессе и в период их самостоятельной работы над учебным материалом.

Многие передовые учителя — мастера педагогического дела — все чаще и чаще в учебном процессе прибегают к созданию проблемных ситуаций, вовлекая школьников в самостоятельную поисковую деятельность. Именно такой метод преподавания предохраняет учащихся от механического усвоения учебного материала, в частности — от недостаточно осознанного овладения грамматическими понятиями.

Экспериментальные исследования и многолетний опыт преподавания языка показали, что знания, полученные в готовом виде путем объяснения учителя, без приложения усилий со стороны обучаемых, зачастую непрочны, малоэффективны. Иное дело, когда сами школьники в процессе самостоятельной поисковой деятельности овладевают знаниями.

Развитие активности и познавательных способностей учащихся происходит в процессе преодоления этих трудностей, в процессе поисков ответов на поставленные вопросы. Умственное напряжение, по наблюдениям учителей и психологов, повышает активность учащихся, развивает у них интерес к учению и создает положительный эмоциональный настрой.

Опыт показал, что знания, усвоенные в процессе преодоления трудностей, при активной познавательной деятельности самих учеников, особенно ценны и прочны, так как противодействие (трудность) вызывает активное действие. Однако когда говорят о трудностях познания, то имеют в виду такие трудности, которые могут быть преодолены учащимися, так как непреодолимые трудности сеют неверие в свои силы, отбивают интерес к работе, тормозят умственную деятельность. Слишком же легкие задания ослабляют активность мышления учащихся.

Ниже даны познавательные задачи и вопросы по всем разделам данного пособия. Для того чтобы облегчить работу учителя, вместе с задачами и вопросами даны и примерные ответы (они набраны петитом).

Предлагаемые задачи и вопросы могут быть использованы не

только в учебном процессе, но и во внеклассной работе с учащимися (на занятиях кружка русского языка, на олимпиадах по русскому языку, во время проведения «недели русского языка» и т. д.). Ответы на большинство вопросов учащиеся сумеют дать при условии творческого изучения ими материала учебников и путем самостоятельного наблюдения над языковыми фактами. Для ответов на отдельные вопросы потребуется помощь учителя. Использование им данного пособия и рекомендуемой ниже литературы.

1. Почему рифмуются выделенные слова в следующем отрывке из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»:

Но говорят, вы нелюдим:
В глуши, в деревне все вам *скучно*,
А мы... ничем мы не блестим,
Хоть вам и рады *простодушно*.

Какой вывод о произносительных нормах литературного языка XIX в. можно сделать на основании наблюдения над рифмовкой выделенных слов?

В слове *скучно* сочетание *чн* произносится как [шн]. (То же наблюдается в словах *конечно*, *нарочно* и др. См. § 66.)

2. Что вы можете сказать о строении и об орфографии слов *женитьба* и *свадьба*?

Слова *женитьба* и *свадьба* образованы от неопределенной формы глаголов *женить* и *сватать* с помощью суффикса *-ба(а)*. Хотя оба эти слова произносятся одинаково (*жени*[д'б]а и *сва*[д'б]а), орфография первого опирается на основной принцип русского правописания, а второе слово пишется так, как произносится (см. § 18).

3. Докажите, что слово *эфноп* нерусского происхождения.

Для русского языка нехарактерны: а) начальное [э]; б) звук [ф'] перед гласным; в) стечение гласных в составе слова (см. § 9, 41).

4. В каких случаях употребляется *ь* в современном русском языке?

Мягкий знак употребляется: а) как показатель мягкости согласного (*сельдь*), б) как разделительный знак (*стулья*, *соловьи*), в) как показатель грамматической формы (*дочь*, *рожь*, *беречь*, *режь*, *идешь*, *навзничь*) (см. § 10).

5. Как называются жители *Томска*, *Тулы*, *Горького*, *Минска*, *Пскова*, *Омска*, *Одессы*, *Баку*, *Курска*, *Ярославля*?

Томичи, туляки, горьковчане, минчане, псковичи (псковитяне), омичи, одесситы, бакинцы, куряне, ярославцы (см.: Словарь названий жителей СССР /Под ред. А. М. Бабкина и Е. А. Левашова. М., 1975).

6. Какие окончания являются общими для всех имен существительных независимо от склонения?

Общими для всех существительных являются окончания дат., твор. и предл. пад. множ. числа *-ам* (*-ям*), *-ами* (*-ями*), *-ах* (*-ях*). Исключения: *дети*, *лошадь*, *люди* в твор. пад. множ. числа имеют форму: *детьми*, *лошадьми*, *людьми*. Форма на *-ymi* встречается еще в устойчивых сочетаниях *лечь костью*, *бить плетью* (см. § 104).

7. Укажите, какие из следующих слов имеют одинаковые окончания:

а) *домов, столов, коров, ковров, голов, основ*;

б) *степей, ножей, батарей, шей (от шея), ушей, юношей*.

У слов *домов, столов, ковров* — окончание *-ов*; у слов *коров, основ* — нулевое окончание; у слова *голов* — либо нулевое окончание (если речь идет о головах), либо окончание *-ов* (если речь идет о голах).

У слов *степей; ножей, ушей, юношей* — окончание *-ей*, а у *батарей, шей* — нулевое (см. § 105).

8. Образуйте форму род. пад. множ. числа от слов *апельсин, баржа, блюдец, ботинок, килограмм, монгол, носок, чулок, партизан, помидор, простыня, просьба, солдат*.

Род. пад. мн. ч.: *апельсинов, барж, блюдец, ботинок, килограмм(ов), монголов, носков, чулок, партизан, помидоров, простынь, просьб, солдат* (см. § 98).

9. Какого происхождения слова *копейка* и *рубель*?

Название монеты *копейка* произошло от слова *копье*: в старину на этой монете был изображен всадник с копьем. Существительное *рубель* исторически родственно глаголу *рубить*: в Древней Руси при размене крупных серебряных слитков их рубили на части.

10. В каком значении употреблено слово *глагол* в следующем четверостишии Пушкина:

Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

Слово *глагол* употреблено здесь в старом значении: «речь, слово». Ср.: «вопить глаголом велиим» (букв. «взывает голосом громким»); «устаи младенца глаголет истина»; *разглагольствовать*.

11. В каком значении употреблено слово *правый* в следующих словосочетаниях: «Мы идем правым путем», «правый поворот», «правая дорога»?

Слово *правый* первоначально означало «истинный, справедливый», а для обозначения направления древнерусские люди пользовались словом *десный* (см. в «Толковом словаре...» В. Даля: «*Десная, десница* — правая рука»; ср. у Пушкина: Руслан «в деснице держит меч победный»).

Постепенно слово *правый* стало все чаще употребляться в значении «правосторонний» и, наконец, вытеснило из языка слова *десный, десница*¹.

В современном языке слово *правый* в старом значении употребляется только в торжественном, высоком стиле, например: «Мы идем *правым* путем». В словосочетаниях же *правый поворот, правый берег реки* слово *правый* употребляется в новом значении.

¹ Учась из уроков географии известно, что левый приток Днепра еще в глубокой древности (VI—VII вв.) назван Десной. Дело в том, что, переселяясь с юга на север (т. е. против течения Днепра), славяне видели этот приток справа.

Следует иметь в виду, что слово *правый* имеет еще два значения: а) невиновный (юридическое): «Суд признал его *правым*»; б) реакционный (политическое): «человек *правых* убеждений».

Учитель на этом конкретном примере может рассказать учащимся о путях обогащения словарного состава языка:

а) основной путь обогащения лексики — словообразование; ср. *правовой, правоведение, правопорядок, правонарушитель*;

б) второй путь обогащения словаря — заимствование слов из других языков; ср. *юрист, юрисконсульт*.

Наш пример со словом *правый* свидетельствует о том, что лексика может развиваться не только количественно, но и качественно: в уже имеющемся в языке слове развивается новое значение (проследите историческое развитие значения слова *правый*).

Вместе с тем на примере слов *десный, десница* можно убедительно показать судьбу устаревших слов, которые постепенно исчезают из языка.

9. Запишите все известные вам производные слова от слова *жить* и при помощи «Краткого этимологического словаря» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской (3-е изд., испр. и доп. М. 1975) объясните их образование.

Живой — суффиксальное образование от того же корня, что и *жить*;

живот — первоначально означало «жизнь» и образовано от основы слова *живой*. Ср. у Крылова: «Волк из лесу в деревню забежал, Не в гости, но *живот* спасая» («Волк и Кот»). В современном языке *живот* — только «часть тела»;

животное — образовано суффиксальным способом от слова *живот* (в значении «жизнь»), т. е. «все живое»;

жизнь — образовано при помощи суффикса *-нь* (ср. *болезнь, боязнь*) от *жи(ть)*.

Исторически слова *жидкий, жижа, жилой, жилище, жир, жито* также входили в словарное гнездо с корнем *жи(ть)*.

10. Приведите примеры перехода нарицательных существительных в собственные и наоборот. Какой из этих процессов является более регулярным?

Собственные имена часто образуются из нарицательных. Имена людей: *Вера, Надежда, Любовь, Роза, Лилия*; клички животных: *Шарик, Зорька*; названия населенных пунктов: *Зима, Горки*; печатных изданий: «*Правда*», «*Пионер*»; художественных произведений: «*Хамелеон*», «*Богатыри*» и т. п.

Значительно менее регулярно собственные имена могут переходить в нарицательные: *ампер, бойкот, бостон, браунинг, вольт, галифе, герц, дизель, кулон, макинтош, марген, маузер, наган, ом, рентген, силуэт, хулиган, шевит* и др. (см. § 117).

11. В каких случаях обязательно употребление личного местоимения перед глаголом?

Оно необязательно тогда, когда окончания глаголов сами показывают, о каком лице идет речь (ср. *думаю, думаешь, думай*). Однако в формах прошедшего времени или в условном наклонении личные местоимения **обязательны**; например: *я (ты, он) пришел или пришел бы* (см. § 161).

12. К каким местоимениям и когда прибавляется *и*?

Оно прибавляется в косвенных падежах к личному местоимению 3-го лица после предлогов, например: *знал его, но пришел к нему, был с ним, был у нее, у них* и т. д. Любопытно, что после предлогов *навстречу, благодаря, вопреки* *и* не появляется (ср. *навстречу ему, ей*). Это объясняется тем, что данные слова стали употребляться в качестве предлогов сравнительно недавно (см. подробно § 32, 121).

13. Почему местоимения *каков* и *таков* не склоняются?

Местоимения *каков* и *таков*, как, и краткие прилагательные и причастия, употребляются в роли сказуемого и, согласуясь с подлежащим, всегда находятся в именительном падеже (см. § 127).

14. Какой частью слова является *-ий* в словах *медвежий*, *синий*?

Состав этих слов $\overbrace{\text{медвежий}}^{\square}$, $\overbrace{\text{синий}}^{\square}$ (см. § 130).

15. Почему краткие качественные прилагательные и краткие страдательные причастия в современном языке, в отличие от древнерусского, не склоняются?

В современном русском языке краткие качественные прилагательные и краткие страдательные причастия являются сказуемыми, а сказуемое согласуется с подлежащим, которое всегда выступает в именительном падеже (например: *Наша страна велика и могуча. Задание выполнено*). Следовательно, краткие прилагательные и причастия не могут склоняться (см. § 127).

16. Почему при числительных от пяти и далее вместо существительного *год* употребляется существительное *лето*?

Слово *лето* в древние времена означало «год». Это вполне естественно, если учесть, что наиболее деятельным временем года у славян, как земледельцев и скотоводов, было лето, на которое приходились наиболее важные работы, обеспечивавшие материальное благополучие на целый год (ср. пословицу: *Летний день год кормит*). В современном языке сохранились следы подобного словоупотребления в сложных словах *летопись*, т. е. запись событий по годам, и *летоисчисление*. В старом значении слово *лето* в настоящее время употребляется только в род. пад. мн. ч. в сочетании с числительными начиная с *пяти* (*пять, шесть, сто лет*), а также в некоторых устойчивых сочетаниях: *человек преклонных лет, на склоне лет, сколько лет, сколько зим* и т. п.¹

Числительные *два, три, четыре* в современном русском языке сочетаются с существительным *год* в род. пад. един. числа (см. подробно § 139). Слово *год* имеет много исторически однокоренных слов, значение которых не только в русском, но и в других славянских языках весьма разнообразно (ср. *годный, годиться, угодить, выгода, погода, устар. година* и др.).

17. Каков состав слов *двумястами*, *тремястами*?

Этот состав можно представить так: $\overbrace{\text{дв}}^{\square} \overbrace{\text{умя}}^{\square} \overbrace{\text{ст}}^{\square} \overbrace{\text{ами}}^{\square}$, $\overbrace{\text{тр}}^{\square} \overbrace{\text{емя}}^{\square} \overbrace{\text{ст}}^{\square} \overbrace{\text{ами}}^{\square}$. Таким образом, в данных словах по два корня и по два окончания.

18. Какие числительные при склонении имеют только два окончания?

Числительные *сорок* — *сорока*, *сто* — *ста* и *девяносто* — *девяноста* (см. § 142, 143).

19. Являются ли глаголы *увядать*, *увянуть*, *завял* однокоренными?

¹ Ср. у Пушкина: «Он так любил, как в наши *лѣта* Ужѣ не любят...» («Евгений Онегин»); слово *лѣта* воспринимается как устаревшее.

В этих глаголах один и тот же корень *-вяд-*; в последних двух глаголах звук [д] перед [н] и [л], по фонетическим законам русского языка, выпал, и поэтому корень выступает в виде *-вя*. Ср. еще: *двигать* — *двинуть*, а не «двигнуть»; *веду* — *вел*, а не «ведл» (см. § 64, 161).

20. Какие глаголы могут иметь только неопределенную форму и формы прош. времени един. числа средн. рода и 3-го л. един. числа наст.-будущ. времени?

Это наблюдается в безличных глаголах; ср. *вечереть*, *светать*, *вечерело*, *светало*, *вечерет*, *светает*.

21. Чем можно объяснить, что числительные *пятьдесят*, *шестьдесят*, *семьдесят*, *восемьдесят* в современном языке оканчиваются на твердый *т*, несмотря на то что в слове *десять* — *т* мягкий?

Как известно, числительные от *пяти* сочетаются с существительными в род. пад. множ. числа (ср. *пять столов*, *шесть телят* и т. п.). В древности числительное *десять* склонялось по особому типу основ на согласный, в данном случае — на *-ят*, и в род. пад. множ. числа имело форму *десять*; отсюда: *пять* + *десять* = *пятьдесят* (см. § 141, 145).

22. Докажите, что слова *конец* и *начало* исторически однокоренные.

В слове *конец* исторически корень *кон-* и суффикс *-ец* (из *-ьць*).

Нетрудно доказать, что в звукосочетании *ча* в слове *начало* был носовой [e]; достаточно проанализировать следующий ряд: *начало* — *начинать* — *начну* (*ч_а//чин//ч(ь)н*). Звук [ч'] появился в результате чередования со звуком [к] перед гласными переднего ряда (*е, ъ, и, ь*) (см. § 26—33, 39).

Следовательно, в этих антонимах корни *-кон-* и *-ча-* исторически равнозначны. Исторически корень *-кон-* сохранил свою смысловую близость к понятию «начало чего-либо» в выражении *испокон веку*, *искони* в значении «издвна, с незапамятных времен».

23. Каково происхождение слова *палка*, и имеет ли это слово какое-нибудь отношение к глаголу *палить* в значении «жечь, обжигать огнем»?

Ученые считают, что между этими словами существует непосредственная историческая связь. Дело в том, что на Руси славяне перед посевом расчищали земли от растительности. При этом они сжигали деревья. Сожженное место в лесу называлось *палом*, а обожженные колья — *палками*. Позже *палками*, *палицами* стали называть любые (и необожженные) колья.

24. Каково происхождение слова *трава*, и имеет ли оно какое-либо отношение к глаголу *травить*?

Этимологи отвечают на этот вопрос утвердительно.

Существительное *трава* первоначально обозначало «то, что потребляется, съедается, т. е. пища, корм». Любопытно, что в некоторых русских диалектах *трава* и сейчас означает «все съедаемое».

Древнейшее однокоренное слово *травити* в значении «перетирать, съедать» дало префиксальные глаголы *потравить* — «истребить траву» и *отравить* — «убить отравой или причинить чем-нибудь ядовитым вред». На базе этих глаголов возникли существительные: *потрава* — «порча, истребление посевов трав» и *отрава* — «ядовитое вещество».

25. В книге Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке» читаем: «Лунные белые пятна *вперемежку* с черными тенями

ползли по траве у ног Алексея». В другом издании напечатано *вперемешку*. Какая разница в значении выделенных слов?

Вперемежку — попеременно, чередуясь, перемежаясь.

Вперемешку — в смешанном виде, в беспорядке.

26. Являются ли однокорневыми в современном языке слова *побывать, забывать, добывать*?

Нет, эти слова разнокорневые, так как они различны по своему значению и по структуре: *побыва[ть]* (ср. *быть*), *забыва[ть]*, *добыва[ть]*

27. Каков состав слов *президиум, президент, префикс, препозиция*?

В русском языке эти слова не членятся. Однако в языке-источнике (латинском) в них четко выделяется приставка *пре-*, равнозначная русской приставке *пред-*: *президиум* — буквально «впереди сидящие»; *президент* — «сидящий впереди» (ср. в русском языке *председатель*, т. е. тот, кто занимает переднее место); *префикс* — «впереди прикрепленный»; *препозиция* — «постановка впереди» (например, препозиция придаточного предложения: «*Что волки жадны, всякий знает*», вместо «*Всякий знает, что волки жадны*»).

28. В современном русском языке есть прилагательное *белобрысый* — «с очень светлыми, белесыми волосами, бровями, ресницами», например *белобрысый мальчик*. Вторая часть этого сложного слова — *брысый* — образована от др.-русск. существительного *бры*, которое в вин. пад. един. числа имело форму *бровь*. Следовательно, *белобрысый* буквально означает «белобровый».

В современном языке есть еще слова подобной структуры: *крóвь, любовь, морковь, свекрóвь, церкóвь*. Какова первоначальная форма этих слов (см. § 106)?

Кры, любви, моркы, свекры, церкы.

29. Известно, что в современном языке формы множ. числа обычно образуются от форм един. числа при помощи окончаний: *стол — столы, конь — кони, поле — поля* и т. д. Однако у некоторых существительных муж. и средн. рода, имеющих в един. числе основу на твердый согласный, множ. число образуется при помощи суффикса *-j-* и соответствующего окончания.

Образуйте им. пад. множ. числа от следующих слов и объясните особенности его образования:

брат
друг
муж

клин
колос
стул

сук
лист
полено

Им. пад. множ. числа от данных слов имеет следующие формы:

братј [а]

клинј [а]

сучј [а]

другј [а]

колосј [а]

листј [а]

мужј [а]

стулј [а]

поленј [а]

Им. пад. множ. числа от этих существительных имеет окончание *-а* — ударное у одушевленных существительных и безударное — у неодушевленных. При образовании формы им. пад. множ. числа конечный согласный корня под влиянием [j] смягчается, а звуки [к] и [г] чередуются соответственно с [ч'] и [з']

30. Слово *ярый* первоначально означало «весенний»; от этого слова при помощи суффикса *-ов(ой)* образовано прилагательное *яровой*. Исходя из этого, постарайтесь ответить, что означает *яровая пшеница* и *яровая рожь*.

Яровая пшеница и яровая рожь засеиваются весной и созревают в год посева. От слова *яровой* образованы сельскохозяйственные термины *яровизировать*, *яровизация* — «обработка семян для ускорения процесса их роста и созревания». Антонимы: *озимая пшеница*, *озимая рожь*, т. е. осенний посев, зимующий под снегом (*о зиме* → *озимь*).

31. Глагол *зябнуть* означает «испытывать чувство холода». От этого глагола образовано бессуффиксальное существительное *зябь* — «поле, вспаханное с осени для посева весной».

Подумайте, как образовалось слово *зяблик* и почему эта птичка так названа.

Слово *зяблик* образовано от корня *зяб-* с чередованием *б // бл'* и суффикса *-ик* (см. § 45). Птичка названа так потому, что она улетает на юг поздно — лишь в начале зимы, а прилетает рано — с таянием снега, т. е. она живет у нас в холодное, «зяблое» время.

32. Как правильно: «в «Песни о вѣщем Олѣге» или «в «Песне о вѣщем Олѣге»?

В современном языке существительное *песня* относится к 1-му склонению. Следовательно, надо произносить и писать *в песне* (предл. пад.). Однако Пушкин, повествуя о делах давно минувших дней, о седой старине, использовал устаревшую форму этого слова *песнь*. Поэтому, говоря о произведении Пушкина, надо произносить и писать *в «Песни о вѣщем Олѣге»*.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Ветвицкий В. Г. Занимательное языкознание. М.—Л., 1966.
- Ветвицкий В. Г., Иванова В. Ф., Моисеев А. И. Современное русское письмо. Факультативный курс. Пособие для учащихся. М., 1974.
- Ветвицкий В. Г., Иванова В. Ф., Моисеев А. И. Современное русское письмо. Факультативный курс. Пособие для учителей. М., 1974.
- Георгиева В. Л. История синтаксических явлений русского языка. М. 1961.
- Горбачевич К. С. Язык — памятник культуры. Л., 1965.
- Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М. 1981.
- Граудина Л. К. Беседы о русской грамматике. М., 1983.
- Григорян Л. Т. Язык мой — друг мой. М., 1976.
- Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1983.
- Иванова С. Ф. и др. Русское слово как предмет языкознания. Факультативный курс. М., 1972.
- Ковалевская Е. Г. История слов. М.—Л., 1968.
- Колесов В. В. История русского языка в рассказах. М., 1976.
- Кружковая работа по русскому языку/Сост. Ушаков Н. Н. (Из опыта работы.) М., 1979.
- Лопатин В. В. Рождение слова. М., 1979.
- Люстрова З. Н., Скворцов Л. И., Дерягин В. Я. Беседы о русском слове. М., 1978.
- Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974.
- Откупщиков Ю. В. К истокам слова. 2-е изд. М., 1973.
- Панов М. В. И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М., 1964.
- Попов Р. Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. М., 1976.
- Потиха З. А. Современное русское словообразование. М., 1970.
- Русский язык в современном мире. М., 1974.
- Успенский Л. В. Слово о словах. Ты и твоё имя. Л., 1962.
- Успенский Л. В. Слово о словах. Имя дома твоего. Л., 1974.
- Шанский Н. М. В мире слов. 2-е изд., испр. и доп. М., 1978.
- Шмелев Д. Н. Архаические формы в современном русском языке. М., 1960.
- Янко-Триницкая Н. А. Имена букв.— Рус. яз. в нац. школе, 1971, № 4.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

- Жуков В. П. Школьный фразеологический словарь. М., 1980.
- Лопатухин М. С., Скорлуповская Е. В., Снетова С. П. Школьный толковый словарь русского языка/Под ред. Ф. П. Филина. М. 1981.
- Львов М. Р. Школьный словарь антонимов русского языка. М., 1980.

- Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Одинцов В. В., Смолицкая Г. П., Голанова Е. И., Василевская И. А. Школьный словарь иностранных слов/Под ред. В. В. Иванова. М., 1983.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. 13-е изд., испр. М., 1981.
- Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы/Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983.
- Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1966.
- Потиха З. А. Школьный словообразовательный словарь. М., 1964.
- Потиха З. А. Как сделаны слова в русском языке. Справочник служебных морфем. Л., 1974.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд., испр. и доп. М., 1976.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. М., 1976.
- Текучев А. В., Панов Б. Т. Грамматико-орфографический словарь русского языка. М., 1976.
- Словарь названий жителей СССР/Под ред. А. М. Бабкина и Е. А. Левашова. М., 1975.
- Успенский Л. Почему не иначе? Этимологический словарь школьника. М., 1967.
- Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1970.
- Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. 3-е изд., испр. и доп. М., 1975.

Условные значки, используемые в книге

' — мягкость звука: кон' (*конь*)

— долгота звука: ад́ат' (*отдать*)

// — чередование звуков: т // щ

[ ] — в квадратных скобках указаны звуки или произношение части слова, всего слова: [а], [л'он] (*лён*)

* — обозначение слова или формы, гипотетически восстанавливаемых для дописьменной эпохи: *tekti

> — переход звука в звук: ъ > е

< — происхождение звука из звука: у < ж

выходн^н [ой] — так обозначаются морфемы: приставка, корень, суффикс, окончание.

Принятые сокращения

бел. — белорусский

будущ. — будущее

вин. — винительный

греч. — греческий

дат. — дательный

двойств. — двойственное

диал. — диалектное

др.-русс. — древнерусский

един. — единственное

жен. — женский

им. — именительный

л. — лицо

местн. — местный

множ. — множественное

муж. — мужской

народно-поэт. — народно-поэтическое

наст. — настоящее

пад. — падеж

праслав. — праславянское

предл. — предложный

прош. — прошедшее

род. — родительный

русс. — русское

см. — смотрите

совр. — современное

сослаг. — сослагательное

спец. — специальное

ср. — сравните

средн. — средний

ст.-слав. — старославянский

твор. — творительный

укр. — украинский

устар. — устарелое

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Фонетика	
Строение слога	12
Система гласных	13
Краткие гласные ъ, ь	15
Древнерусский звук [ĕ] (ѣ)	21
Гласные [о] носовой (Ж) и [е] носовой (А)	27
Система согласных	31
Шипящие [ж], [ш] и аффрикаты [ч'], [ц]	32
Звуки [ф] — [ф'], [в] — [в']	34
Согласный [j] (йот)	35
Согласные глухие и звонкие	38
Согласные твердые и мягкие	40
Упрощение групп согласных и разрыв этимологических связей родственных слов	45
Полногласие	50
Система безударных гласных русского литературного языка и орфография	55
Морфология	
Имя существительное	62
Род существительных	63
Число существительных	64
Типы склонения существительных	68
Замечания о форме именительного падежа множественного числа	81
Звательная форма	83
Категория одушевленности	84
Собственные и нарицательные существительные	86
Местоимение	89
Имя прилагательное	93
Краткие и полные прилагательные	—
Склонение прилагательных	97
Степени сравнения прилагательных	100
Правописание прилагательных	101
Имя числительное	102
Глагол	107
Инфинитив	108
Основа глагола	110
Формы настоящего времени	111
Формы прошедшего времени	114
Сослагательное наклонение	115
Повелительное наклонение	116
Безличные глаголы	119
Причастия и деепричастия	—
Причастия действительного залога настоящего времени	—

Причастия действительного залога прошедшего времени	123
Причастия страдательного залога	124
Наречие	126
Предлог	133
Союз	135
Частицы	136
Система частей речи в русском языке	137
Синтаксис	140
Приложение.	
<i>Познавательные задачи при обучении русскому языку</i>	148
<i>Рекомендуемая литература</i>	156
<i>Словари и справочники</i>	—
<i>Условные значки, используемые в книге</i>	158
<i>Принятые сокращения</i>	—

Валерий Васильевич Иванов
Зиновий Аронович Потиха

**ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ
К ЗАНЯТИЯМ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ**

Зав. редакцией А. В. Прудникова
Редактор И. И. Нестеренко
Мл. редактор Е. И. Худокормова
Художественный редактор В. А. Аткарская
Технический редактор Л. Б. Володина
Корректоры О. С. Захарова, В. Ф. Малышева

ИБ № 8259

Сдано в набор 04.06.84. Подписано к печати 28.02.85. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бум. типограф. № 3. Гарнит. литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10. Усл. кр. отт. 10,25. Уч.-изд. л. 10,62. Тираж 95 000 экз. Заказ № 873. Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной роши, 41.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

